

Неизвестный Алтай ЛИХОЛЕТЬЕ ВОЙНЫ

*Документальные очерки
о фронтовиках и тружениках тыла*

Барнаул
2010

Муравлёв А.С.

Неизвестный Алтай. Лихолетье войны. - Барнаул : ОАО «ИПП «Алтай»,
2010. – с. 264, с илл.

Это – документальная книга очерков о фронтовиках и тружениках тыла Алтая. Данное произведение — часть задуманного автором документального цикла «Неизвестный Алтай». В серию также включены работы Анатолия Муравлёва: «Далёкое-близкое» (очерки об истории Алтая и людях, делавших и делающих её), «Ареопаг» (об известных земляках), «Поверх барьеров» (о состоявшихся людях), «Святые места» (заветные уголки Алтая), «Наши министры» (Алтай дал стране свыше 50 министров), «Наши генералы» (на нашей малой родине родились, служили, воевали около 400 генералов), «Хроники аномалий» (чрезвычайные события природного, биологического и техногенного характера на Алтае за 300 лет).

© Муравлёв, 2010

ISBN 978-5-88449-228-8

РАТНИКИ

ПРОТОТИПЫ И ПРООБРАЗЫ

Вероятно, немногие знают, что жители Алтайского края стали прототипами целой плеяды героев Второй мировой войны: памятников «Алёша» — в Болгарии, «Родина-мать» — в Волгограде; художественного прообраза Василия Тёркина и героев фильмов «Четыре танкиста и собака» и «Чистое небо».

Алёша

Самый, вероятно, известный из них — Алексей Скурлатов, который стал прообразом памятника советскому воину-освободителю Алёше в болгарском городе Пловдив. Он живёт в селе Налобиха Косихинского района. В этом населённом пункте Алексей Иванович родился 30 марта 1922 года. Как все его сверстники, работал, был призван на фронт. Служил рядовым стрелком сборной роты 10 отдельного лыжного батальона 922 стрелкового полка 3-го Украинского фронта, из-за тяжёлого ранения его перевели в связисты. В 1944 году он восстанавливал телефонную линию Пловдив-София. В Пловдиве Алексей Иванович подружился с рабочим телефонной станции Методи Витановым. Есть версия, что именно Методи Витанов передал фотографию Алексея скульптору Василу Радославову, и тот создавал памятник, основываясь на этом изображении.

А идея соорудить на холме Бунарджик монумент в честь советских воинов-освободителей родилась у жителей Пловдива ещё в 1948 году. Инициатива целиком исходила «снизу», от народа, без какой-либо рекомендации «сверху». 9 мая 1948 года был создан общегородской инициативный комитет по строительству памятника советским солдатам, который возглавил начальник Пловдивского военного гарнизона генерал Асен Греков.

Почти через десять лет, 7 ноября 1957 года памятник был открыт. Он представляет собой одиннадцатиметровую железобетонную скульптуру советского солдата, смотрящего на восток. В его руке ППШ, направленный к земле. Скульптура водружена на шестиметровый постамент, облицованный сиенитом и гранитом. Постамент украшен барельефами. К монументу, стоящему посреди большой смотровой площадки ведёт широкая лестница из ста ступеней. Авторы архитектурно-планировочного решения — Борис Марков, Николай Марангозов, Пётр Цветков, скульпторы Васил Радославов, Любомир Далчев, Тодор Босилков и Александр Ковачев.

Благодаря усилиям Витанова монумент получил имя «Алёша». А одноимённую песню, которую хорошо знали и в СССР, и в Болгарии, написали в 1966 году композитор Эдуард Колмановский вместе с поэтом Константином Ваншенкиным. А поэт Роберт Рождественский, так же как и Алексей Скурлатов — уроженец Косихинского района, посвятил монументу стихотворение «Памятник солдату Алёше в Пловдиве».

Шли годы, но реального человека, с которого делался памятник, болгарские и советские поисковики так и не могли найти. Однажды, один из них, директор свердловской школы № 17 Леонид Голубев, отдыхая на алтайском курорте Белокуриха случайно услышал от соседа по палате, жителя Налобихи Николая Усольцева: «А знаете, Алёшато, именем которого

назван памятник в Болгарии, ведь жив. Да, да, не удивляйтесь. Алексей Иванович Скурлатов работает со мной на мотороремонтном заводе в Налобихе». Так песня помогла найти прототипа памятника.

Об этом поиске, о самом Скурлатове и его поездке в Болгарию в 1984 году, много писали советские и болгарские СМИ. В канун 60-летия великой Победы о нём был снят телефильм.

В ленте, в частности, упоминалось, что в бурные 90-е годы прошлого века новый мэр (кмет) Пловдива принял было решение о демонтаже памятника, но десятки общественных организаций страны, тысячи болгар выступили с протестом, и сумели отстоять его.

Между прочим, Алексей Иванович рассказывал мне, что раньше почти в каждом интервью говорил журналистам, о том, что в Пловдиве, буквально в нескольких десятках метров от «Алёши» на Холме Освободителей стоит памятник русскому императору Александру Второму. Но тогда этот факт замалчивался. Хотя он очень символичен. Ведь оба памятника указывают на то, что именно благодаря русскому оружию болгары освободились от турок-янычар и немцев-фашистов.

Родина-мать

Прототипом женской фигуры памятника «Родина-мать» на Мамаевом кургане Волгограда является Анастасия Антоновна Пешкова, уроженка села Усть-Мосиха Ребрихинского района.

Её перевезли из деревни в Барнаул двухлетнем возрасте. После окончания школы № 9, она поступила на исторический факультет Московского педагогического института. В студенческие годы подрабатывала организатором экскурсионных групп.

Однажды на неё обратила внимание известная скульптор Думанян. Она пригласила попозировать её мужу, который работал над скульптурой «Материнство». Сначала Анастасия отказалась, но, когда узнала, что за это ещё и платят, — согласилась.

Данная работа ныне находится в Третьяковской художественной галерее. После этого известный скульптор Екатерина Белашева запечатлела Настю в образе одной из четырёх девушек в скульптуре «Песня», а знаменитый Кибальников сделал с неё работу, украшающую ныне Владивосток.

Окончив институт, Анастасия искала вакансии преподавателя истории. Знакомые устроили её курьером в цех обслуживания живописно-производственного комбината Худфонда РСФСР. Фото девушки поместили в альбомы профессиональных натурщиц.

Потом ей рассказывали, что однажды в цех пришёл Евгений Вучетич, работавший в ту пору над величественным монументом в Волгограде. Он распорядился прислать к нему Настю. Она едва решилась. Так её фигура стала прообразом «Родины-матери». А лицо известный скульптор скопировал со своей жены. Но Вучетичу запало в память и лицо Насти. Чуть

состаренное, он использовал её образ в другой композиции ансамбля на Мамаевом кургане — «Скорбь матери».

После этого Пешкова нашла, наконец, работу по специальности. Оборвала прежние связи, уехала в Монголию, где преподавала в школе русский язык. В 1995 году Анастасия Пешкова вернулась в Барнаул к родственникам.

Василий Тёркин

Один из самых известных литературных героев войны, созданный талантом Александра Твардовского, безусловно, является Василий Тёркин. Образ этот, как неоднократно подчеркивал поэт, — собирательный. А вот художественный облик рисовали с тѣзки героя — Василия Глотова, уроженца села Прыганка Крутихинского района.

Вот что он сообщал о себе по просьбе ребят из местной школы через много-много лет: «Первый класс я закончил в Прыганке. В первые годы Советской власти все Гловоты вступили в коммуну «Лев» и выехали в лога за двадцать, а может, за тридцать километров от Прыганки. После там образовывается посѣлок Лев, а ещё позднее жители его разъехались по разным колхозам Алтайского края. Из этого посѣлка я ушѣл учиться в город Камень, в ФЗУ (*фабрично-заводское училище – А.М.*), а потом — в Красную армию, где служил, продолжил учёбу, прошѣл путь от рядового солдата до подполковника запаса.

В члены Союза советских писателей был принят в 1939 году. Живу во Львове, в Прыганке я не был уже много лет».

В том же письме Василий Гловот отмечал: «...Если у вас есть книга А. Твардовского, обратите внимание на портрет Василия Тѣркина. Орест Верейский рисовал этот портрет с меня в боях под Москвой».

Сам Орест Верейский в одном из очерков вспоминал, что Александр Твардовский попросил его проиллюстрировать «Книгу про бойца». Тому хотелось

открыть книгу портретом Василия Тёркина, уже полюбившегося фронтовикам. Но солдаты, с которых художник пытался рисовать с натуры героя войны, не очень нравились ему.

Они были чем-то похожи на Тёркина: улыбкой, весёлым прищуром глаз, лицом, но Верейский всё искал иной, более точный, как он представлял себе, типаж.

Однажды редакцию фронтовой газеты приехал из армейской газеты Василий Иванович Глов, намеревавшийся почитать Твардовскому сочинённые им стихи — известный поэт уже был знаком с его творчеством. «С пронзившим меня радостным чувством я вдруг узнал Тёркина в Василии Глове, — вспоминал Орест Верейский. — Я бросился к Александру Трифоновичу со своим открытием. Он сначала удивленно вскинул брови, потом попросил меня для начала нарисовать Глова.

Идея «попробоваться» на образ Тёркина показалась Глову забавной. Когда я рисовал его, он хитро прищуривался, расплывался в улыбке, что делало его ещё больше похожим на Тёркина, каким я себе его представлял.

Я нарисовал его в профиль и анфас, в три четверти, с опущенной головой. Показал рисунки Твардовскому. Александр Трифонович сказал: «Да!»

С тех пор он никогда не допускал ни малейшей попытки изобразить Тёркина другим. Все мои прежние поиски тёркинских примет не пропали даром, я аккумулировал их, рисуя того Тёркина, основой которого стал Глов».

Александр Твардовский любил бывать в армейской газете у Василия Глова. Вместе выезжали на передовую, ночевали, укрывшись одной шинелью. Известный поэт любил наблюдать, как его алтайский знакомый коллет дрова, играет на гармошке, поёт частушки.

Возможно, какие-то сцены его знаменитого «Тёркина» тоже списаны с натуры? Ведь это поэт первым, ещё до художника, подметил в своём герое истинно русские черты: его святость, и одновременно грешность, серьёзность и смешливость, смекалистость и напускную простоту, обаятельность, перемешанную с некрасивостью.

И Василий Глов, который служил «моделью» для портрета Тёркина — личность действительно незаурядная, колоритная, вышедшая из глубин народной жизни. Он также как и его тёзка, был деревенским, смекалистым, расторопным, не терявшим бодрости духа русским человеком.

Александр Твардовский помог начинающему поэту напечатать стихи в газете «Красноармейская правда». А во время одной из их встреч Александр Трифонович подписал первое издание «Книги про бойца», вышедшее в

Смоленске. На титульном листе написал: «Василию Ивановичу Глотову, близкому родственнику Василия Тёркина, моему дорогому товарищу по войне. А. Твардовский. 1945 год. Замок Галинген. Пруссия».

Эта книга бережно хранится в семейной библиотеке Глотовых во Львове. Так же как и последний подарок поэта — оттиск портрета Тёркина с кратким письмецом: «Дорогой Василий Иванович! Поздравляю тебя с 50-летием нашей армии от себя и от имени солдата, чьим изображением он, между прочим, обязан твоей ряске».

На обороте приписка: «Автор пусть его стареет, пусть не старится перо».

На Смоленщине сооружён памятник: автор «Книги про бойца», сидя на брёвнышке, разговаривает со своим героем.

Глотов-Тёркин написал в 1971 году:

*«Тоскую я, ушёл ты, дорогой!
Немало дел ещё в двадцатом веке.
О буднях, о боях, о человеке
Не скажет так уже никто другой!»*

После окончания войны, Василий Глотов занимался литературным трудом, издал более 30 поэтических сборников, а также повести «Его вина», «Песня степи», «Наедине с совестью», «Сильнее страха». «Мой путь лежал от батрака до подполковника запаса», — писал наш земляк в одном из своих стихотворений.

Его, в роли Тёркина, рисовали и другие художники. Например, Юрий Непринцев в картине «Отдых после боя».

Собственный корреспондент газеты «Алтайская правда» Иван Микуров несколько лет назад публиковал заметку о земляке. Он выяснил, что в Прыганке и сегодня живут дальние родственники Василия Глотова, которые его не знают и не помнят. А вот некоторые другие его земляки вспоминают, что он приезжал в Прыганку.

Ольгерд

Несколько лет назад в Залесовском краеведческом музее появился новый экспонат — наручные часы уроженца Залесовского района Виктора Васильевича Тюфякова.

В 1993 году в городе Алма-Ата наш земляк ушёл из жизни. Отважный офицер-танкист, воевавший в годы Великой Отечественной войны, в том числе и вместе с поляками, прославился своей храбростью и командирским талантом.

А мировую известность фронтовику принёс многосерийный польский фильм режиссёра Конрада Наленcki по сценарию Януша Пшимановского «Четыре танкиста и собака». Прототипом его главного героя — отважного командира танка Ольгерда Яроша и стал Виктор Тюфяков.

В годы Великой Отечественной войны после формирования Войска Польского он оказался в составе 1-го польского корпуса, созданного в СССР, и, действительно, изумлял поляков смелостью. Недаром Януш Пшимановский в своем произведении «Студзянки» указывает на это прямым текстом.

Изначально Ольгерд служил вместе с поляками в качестве инструктора Красной армии, приданного для усиления экипажу. Советские командиры танков и механики-водители первых экипажей Войска Польского отвечали самым высоким требованиям к подготовке по сравнению с другими членами танкистами.

Зрителям картины из 21 серии понравился удалой офицер Ольгерд. Его роль в сериале исполняет поляк Роман Вильгельми (в романе Януша Пшимановского — украинец Василий Семёнов), первый командир танка «Рыжий», до войны бывший метеорологом. Неудивительно, что и в сериале он умеет предсказывать погоду по облакам.

В фильме командир танка Ольгерд Ярош погибает весной 1945 года неподалёку от Гданьска.

По сюжету действия сериала разворачиваются во время Второй мировой войны на территории Польши и других стран Восточной Европы,

освобождаемых советскими войсками от гитлеровских войск. Фильм рассказывает о военной судьбе танкистов из танковой бригады имени героев Вестерплатте 1-й армии Войска Польского, их танка Т-34 с идентификационным номером 102, названного экипажем «Рыжий» в честь одной из главных героинь — русской девушки Маруси по прозвищу «Огонёк», и немецкой овчарки по кличке Шарик.

Ольгерд, Янек, Густлик, Гжесь и Томаш, а также их фронтовые товарищи, попадая в различные сложные ситуации, с честью выходят из них, неизменно демонстрируя зрителям упорство, смелость, умение сражаться, высокие моральные принципы и добрый дружеский юмор. А фашисты, как это было принято в ту пору, представлены схематично. Тем не менее такой образ врага подчёркивает человечность героев телесериала и неотвратимость их победы над захватчиками.

Во время показа в Польше сериал имел грандиозный успех. Без преувеличения можно сказать, что на нем выросло, было воспитано целое поколение польской молодёжи. Ведь по мотивам сериала в школах проводились уроки, в театрах ставились спектакли, организовывались так называемые Клубы танкистов.

Не меньшую популярность сериал приобрёл в СССР под названием «Четыре танкиста и собака» («народное» название «Три поляка, грузин и собака»).

Между прочим, один из героев культового фильма второй половины 1960-х — Янек, прежде жил в Сибири, так же как и собака Шарик, выращенная им. Эта смышлённая овчарка не раз выручала экипаж, доставляя

донесения, когда танк был в плену или окружении. Фактически, Шарик был пятым членом экипажа.

На самом деле в фильме снималось две собаки — одна с очень хорошим экстерьером, просто красавец-пёс, увы, не очень послушный, поэтому его

показывали только в крупных планах, а вторая, хорошо дрессированная — для общих планов.

Этот многосерийный фильм был признан самым лучшим телесериалом, когда-либо снятым в Польше.

К сожалению, как стало известно, в 2006 году эту культовую картину польские власти пытались запретить к показу, что вызвало у поляков недоумение, а России и на Украине — возмущение. В 2007 показ сериала был возобновлен, в частности демонстрировался телезрителям в марте 2008 по польскому каналу РТВ2.

Запрет показа фильма «Четыре танкиста и собака» — это если бы у нас, в России, например, отказались транслировать «Семнадцать мгновений весны» только из-за того, что немцы сняты в нём думающими, серьёзными соперниками.

Отважный лётчик

Сюжет фильма Георгия Чухрая «Чистое небо» списан с судьбы нашего земляка Сергея Голубева, о котором ещё будет рассказ в этой книге.

С ноября 1941 года Сергей Голубев воевал на фронте в составе 674-го штурмового авиаполка. В одном из боёв фашистский снаряд попал в бензобак его самолёта. Потерявший сознание лётчик оказался в плену. От расстрела его спасло то, что допрос был перенесён на следующий день. Наутро на этом участке фронта началось наступление советских войск, что позволило отважному лётчику бежать из плена. Он продолжал воевать до конца войны в своём полку, стал Героем Советского Союза.

Но 17 мая 1945 года Сергея Голубева арестовали как военно-служащего, побывавшего в плену. Пока разбирались, прошло полгода. Снова оказался в армии, дослужился до генерала.

В фильме Георгия Чухрая «Чистое небо» главную роль лётчика Алексея Астахова играет Евгений Урбанский. Он, как его прототип, оказался в плену. Накануне авиатора представили к званию Героя, тому удалось бежать, чтобы продолжать бить врага вместе с однополчанами. Но после войны, как «запятнавший моральный облик советского воина», он попадает в лагерь. Однако жена Сашенька

Львова не отступает, добиваясь его освобождения. И, наконец, боевой лётчик не только оказывается на свободе, но и возвращается в авиаотряд, испытывает самолеты, получает Золотую Звезду Героя.

Фильм «Чистое небо» вышел вскоре после XX съезда партии, развенчавшего «культ личности» Сталина. Впервые в советском кинематографе были затронуты вопросы, связанные с коренными изменениями, происходящими в обществе. В фильме Георгия Чухрая остро подняты темы доверия к человеку, доказательству, что он не есть «винтик». Речь шла о возвращении доброго имени миллионам людей, ранее несправедливо осуждённым, а не только лётчику, попавшего в плен во время войны. Фильм «Чистое небо», без преувеличения, стал метафорой «оттепели».

И ещё одна важная заслуга Чухрая: война в его картине предстаёт без битв и атак, без штабов и генеральских кабинетов.

Судьба Сергея Голубева и его жены очень сходна с судьбой киношного Алексея Астахова – это она буквально вытащила его из тюрьмы.

Генерал Голубев служил в Вооружённых силах нашей страны на различных должностях до 72 лет — это редкое явление для авиации.

В начале наступившего века возглавлял общественную организацию — фонд «Золотая звезда», который объединяет Героев Советского Союза.

НЕИЗБЫВНАЯ ПАМЯТЬ

Как сохраняются свидетельства закончившейся шесть с половиной десятилетий страшной войны? В этом я попытался разобраться вместе с легендарным фронтовиком Алексеем Скурлатовым, юными поисковиками, музейными и иными специалистами.

Поначалу, честно сказать, я обозначал свою тему почти локально. Случайно узнал о том, что несколько энтузиастов спасли картину, на которой был изображён Алексей Скурлатов рядом с носящим его имя памятником, который находится в болгарском городе Пловдив. Но этот частный эпизод вывел меня на серьёзные размышления, с которыми не могу не поделиться с читателями.

Не упрекайте молодёжь

Тревожную тенденцию несколько лет назад ненароком выявил 9-классник Налобихинской средней школы Слава Колесников. Он написал реферат о своём знаменитом земляке Алексее Скурлатове. В основе исследования школьника — опрос односельчан. Учащийся задавал 25 землякам (пенсионерам, служащим, рабочим, школьникам) два вопроса: «Кто является прототипом памятника «Алёша» в Болгарии?» и «Что вы знаете об Алексее Ивановиче Скурлатове?»

Итоги опроса оказались ошеломляющими. Только 12 (меньше половины) опрошенных дали правильные ответы на оба вопроса, ещё пятеро знали ответ на один вопрос, а восемь из 14 школьников–земляков Алексея Скурлатова, вообще не знали о нём ничего.

Тем, кто привычно станет упрекать молодёжь в беспамятстве, скажу так: почему же тревожную тенденцию «вычислили» не они, не учителя истории или чиновники, а девятиклассник? Так ли уж виновата молодёжь?

Скорее всего информацию о легендарном земляке, которую знают миллионы людей в мире, просто не донесли до них. Хотя, изредка всё же появляются публикации о Скурлатове в районной и краевой печати. Да и в Налобихе, как мне рассказывал сам Алексей Иванович, проводилось мероприятие с его участием.

Возможно, люди, у которых возникли затруднения с ответами, не имели доступа к этим источникам информации. Не исключено, что их оттолкнула традиционно скучная форма её подачи, или заорганизованность акции. И ещё много-много чего...

Если не «гнать картину»...

Однако именно ребята поспособствовали восстановлению художественного полотна, на котором изображён Алексей Скурлатов на фоне памятника советскому воину. Об этой истории можно рассказать с пафосом: вот, мол, как здорово, чудесным образом воскресили картину! А можно и трагически: почему же её едва не сгубили?!

Огромное полотно когда-то было одним из главных достопримечательностей Налобихи, поскольку на ней изображён знаменитый односельчанин. В своё время кто-то рассудил, что лучшее место для картины — зал ожидания железнодорожного вокзала. Увы, оно оказалось не лучшим. На картину не раз посягали «тёмные личности» посредством попыток затупить окурки, порезать и так далее.

Но сущее бедствие обрушилось на неё в связи с затеянным ремонтом вокзала. Полотно оказалось на грязном полу неоттапливаемого склада багажного отделения, о нём надолго забыли.

Всех имён «плохих» и «хороших» людей, к сожалению, никто не знает. Ведь даже автора картины и обстоятельства её появления в Налобихе мне не смогли назвать. Существует две версии. Якобы, её нарисовал болгарский художник, подарил Скурлатову, когда тот ездил в 1984 году в

Пловдив, и Алексей Иванович привёз её на родину. Но он утверждает, что никакой картины ему в Болгарии не дарили, и соответственно, привезти её он не мог. Возможно, автор — самодеятельный художник, работавший в Алтайском отделении железной дороги. Тогда становится понятным, почему картину разместили на вокзале, а, например, не в школе, или Доме культуры.

К счастью, после публикации, автору данного очерка позвонил известный барнаульский художник Владимир Прохода — оказалось, что именно он является автором этой картины.

К сожалению, никто не смог мне назвать и имя автора письма в сельсовет (это была жительница Новоалтайска, прежде проживавшая в Налобихе), которая забила тревогу по поводу судьбы картины. Мол, нельзя допустить, чтобы она пропала.

Глава администрации села Иосиф Абрамович познакомил с письмом бывшую учительницу Марию Калиш и педагога Наталью Кауль. Все вместе, с участием школьников обратились к железнодорожникам — так и удалось найти картину.

По словам местного художника Василия Степаненко, который реставрировал работу, он не сразу решился на это. Краска осыпалась, пострадала

от снега и воды, на полотне зияли дыры, рама была сломана. Реставрация заняла два месяца, закончившись в декабре 2004 года.

Между прочим, краски, кисти, дерево для рамы удалось приобрести благодаря неожиданному союзу: деньги изыскали депутаты крайсовета, член партии «Единая Россия» Виктор Красилов и член КППРФ Виталий Сафронов.

...В общем, если не «гнать картину», то в ситуации вокруг этого произведения искусства соседствуют, как водится, беспамятство и небрежение рядом с бескорыстием, самоотверженностью и даже геройством.

«Макияжный» ремонт

Ещё один неожиданный штрих темы памяти о войне в Налобихе. В центре села высится памятник советскому воину. Но если приблизиться к монументу поближе, уж очень заметно, что фигура — с серьёзными изъянами. Честно сказать, едва стоит. Поскольку, если говорить официальным языком, «находится в ветхом состоянии».

По словам главы сельсовета Иосифа Абрамовича, памятнику необходим капитальный ремонт. Но его только подмазывают, да подкрашивают — делают макияжный ремонт!

Вот и «освещение» очередной годовщины Победы подчас напоминает эту операцию. Ей-богу, достойны критики иные федеральные телеканалы, кинокомпании, писатели, сценаристы, журналисты и драматурги, «искажающие правду о войне». Лично я, не навязывая собственного мнения, хотел бы, наряду с новыми исследованиями о войне, вновь посмотреть телефильмы и кинокартины, сделанные во второй половине прошлого века. Однако крайне редко нахожу знакомые названия военных фильмов в телепрограммах и афишах кинотеатров. Ныне в моде иное: картины и спектакли «по мотивам». Это когда режиссёры попросту плюют на писателей или драматургов, породивших сюжет.

Я, например, к сожалению, или к счастью, не досмотрел до конца телефильм «Дети Арбата». Просто то, что показывали с экрана очень сильно, как мне показалось, отличалось от тех впечатлений, которое оставляло прочтение романа. Мне не захотелось их портить!

Уверен, многие иные зрители с удовольствием посмотрели бы классическую версию, но ему навязывают «по мотивам». Но этакий «макияж» больше похож на пластическую операцию. Шекспир, думаю, перевернулся бы в гробу, если б узнал, что Ромео в Алтайском драмтеатре, извините,

писает, на сцене. А наши критики увидели в этом гадком и пошлом эпизоде какие-то неведомые «новаторские приёмы режиссёра Золотаря». Золотарь, он и есть золотарь!

Впрочем, если быть объективным, «мотивы» современной белиберды звучали и в старых фильмах и книгах, которые показывали противников

в великой войне карикатурно, ходульно, этакими придурками. Почему же тогда мы потеряли миллионы сограждан?!

Конечно, многое из того, что прежде публиковалось о войне, было данью идеологии, стереотипам. Многие люди среднего и старшего поколения,

только благодаря свободе печати, узнали о «белых пятнах» войны. Но те, кто почему-либо не желает их знать, пусть не навязывают другим собственную точку зрения.

Процесс познания войны, к счастью, уже не остановить ни приказом, ни окриком. Что, например, мы знаем о советско-финской войне 1939-1940 годов? Об участии союзников Германии — Румынии, Венгрии, Норвегии и той же Болгарии, в которой соорудили памятник, удивительно похожий на нашего земляка? О судьбе полумиллиона русских людей, проживавших после революции в различных районах Китая, и «освобождённых» в 1945 году? Об участи русских казаков, выданных после войны Англией советскому руководству?

Уверен, что военно-патриотическое воспитание необходимо не только молодежи. Оно, как это ни странно, на первый взгляд, нужно даже фронтовикам.

Мой отец, переживший военное лихолетье, нашёл ответы на мучивший его почти всю жизнь вопрос о том, «почему Сталин прохлопал нападение Германии», только в 1990-х годах, через полвека после окончания войны. Просил нас, сыновей, поставлять ему всю литературу по этой теме.

Юбилей Победы — это не повод скрывать «белые пятна» войны. Но это именно тот случай, когда все мы должны вспомнить о подвиге народа,

спасшего мир от фашизма! Только не надо выдавать пошлость за новаторство. А гипотезы — за истину!

Потомки победителей вправе знать всю правду о своих отцах и дедах!

Ивановка, не помнящая родства

До недавнего времени в Налобихе просто отсутствовала всякая музейная и исследовательская работа. Однако если быть точным, то она не отсутствовала, а прерывалась. Поскольку музей в школе, организованный ныне покойной Августиной Васильевой в далёком 1962 году, попросту разграбили и растащили в 1990-х. А между тем, в Налобихинской школе три года учился будущий космонавт-2 планеты Герман Титов. Да и само здание школы в аварийном состоянии, педагоги и учащиеся опасаются, что оно может рухнуть. Даже к 70-летию со дня рождения Титова, в сентябре 2005 года не удалось «выбить» денег.

Неудивительно, что в музее пропали и уникальные экспонаты. Учительница космонавта Мария Калиш горько сетует, что фотографии фронтовиков попросту выбросили на свалку, вместо того чтобы хотя бы раздать родственникам. С 2003 года усилиями администрации села, школы, района музей возрождается под руководством педагога дополнительного образования Косихинского Дома творчества Натальи Кауль. Но делать это пришлось «с чистого листа».

...В 2004 году я занялся поиском сведений о Герое Советского Союза Василии Попове, уроженце села Ивановка Курьинского района. Удивило меня то, что сведения о нём крайне скудны. Было известно только, что звание Героя отважный лётчик удостоен в 1949 году «за мужество и героизм проявленный при выполнении задания правительства по боевому применению истребителя». Это меня заинтриговало. Порылся в Интернете, в библиотеках, обратился к коллеге Сергею Бузиновскому, который хорошо знает авиационную тематику.

Будучи в Курьинском районе, попытался выведать о нём побольше. Однако меня поразило, что никаких сведений о герое в районе не оказалось. Поехал в Ивановку, в надежде, что там полдеревни Поповых, кто-то да должен знать о земляке — Герое

Советского Союза. Вместе с бывшим руководителем сельсовета и главой администрации Ивановки встречался, беседовал со старухами, Поповыми, но никто так и не смог вспомнить этого человека. Говорили, что, кажется, его семью раскулачили, маленького мальчика усыновила другая семья, которая увезла его из села. Возможно, что и фамилия его была иной...

В официальных документах героя значилось так: родился в 1918 года в селе Ивановка Курьинского района в семье крестьянина. Окончил школу-семилетку в родном селе. С ранних лет начал трудовую жизнь. Был черноработчим, учётчиком в совхозе Абаканского района Красноярского края. В 1930-1936 годах работал счетоводом стройки на станции Пospelиха Алтайского края. Участник Великой Отечественной войны, имел три боевых ордена, несколько медалей.

А в 1948-1949 году капитан Попов, в составе боевой группы успешно произвёл перелёт Москва-Мыс Шмидта, покрыв расстояние 8500 километров, затем — Москва-остров Диксона на расстояние 6000 километров. Посадка советского истребителя на дрейфующих льдах Северного Ледовитого океана производилась впервые в истории авиации, а полёт в океане на удалении свыше тысячи километров от берега и в тяжёлых метеоусловиях требовал хладнокровия и отваги. В условиях «холодной войны», когда СССР и США противостояли в потенциальном ядерном поединке, эти действия позволяли перехватывать американские бомбардировщики на дальних подступах, в Арктике. Если учесть, что истребитель у Попова был одноместным, одномоторным, а кабина неотапливаемая, то лётчику приходилось нелегко.

Увы, земляки героя ничего этого не знают о нём. Хотя образ Василия Попова, оказавшегося на острие противоборства двух великих держав, достоин статуса национального героя. Но в Курьинский район он, кажется, ни разу не был приглашён. Хотя, до середины 60-х годов Василия Попова, проживавшего в Ярославле, идеологи райкома, якобы поздравляли с большими праздниками.

* * *

К счастью, сразу после опубликования в «Алтайской правде» этого очерка, в редакцию позвонил из райцентра Пospelиха родной брат героя Семён Андреевич Попов. Прежде всего, он сообщил радостную весть — Василий Попов жив, встречается в добром здравии юбилей Победы! И адрес

у героя прежний — Ярославль. В Пospelихе также живёт их сестра Мария. Семён Андреевич ещё сообщил, что в райцентре Пospelиха, не в пример курьинцам, тут Василия Попова, его бюст размещён на районной Аллее героев.

Семён Попов пояснил, что его старший брат жил в Ивановке до шестилетнего возраста. В 1924 году семья переехала в Михайловку, в голодные 1931-1932 годы уезжала в Абакан, потом снова оказалась в Михайловке, затем — в посёлке совхоза «12 лет Октября» Пospelихинского района. Там Василий окончил семилетку. В 1935 году Поповы переехали Пospelиху, где будущий герой работал строителем. Спустя два года Василий уехал учиться в Иркутск, в железнодорожное училище, потом обучался в Батайском лётном училище.

Впервые самолёт он увидел на Алтае, во время раннего весеннего сева, и, по выражению брата, «заболел небом».

А сам Василий Попов в одном из телефонных разговоров с автором этих строк в 2009 году просил передать землякам, что рано ещё закрывать счёт «последнего героя».

Но, собственно говоря, в крае так и не завершён поиск Героев Советского Союза, точно не установлено их число. Что ж говорить о рядовых участниках великого сражения. Сотни тысяч погибших поныне остаются неизвестными, их потомки не знают мест упокоения родных. А кто помнит о тех, кто умер от ран после войны?! О репрессированных, эвакуированных и депортированных?! О тех, кто «ковал победу в тылу»?!

Праздник, который к лицу

Недавно в одном районном музее поинтересовался сведениями о единственном знаменитом земляке — народном артисте страны. Нашли маленькую заметку, приуроченной к его приезду на родину много лет назад. Но оказалось, что в селе живёт его двоюродный брат — очень пожилой человек. Однако музейщики не спешат записать его воспоминания: «мы ж не журналисты». На вопрос, сколько осталось в районе фронтовиков, их вдов, репрессированных, блокадников — уклончивый ответ: «обращайтесь в военкомат». Оттуда интересующихся «футболят» в отделы культуры, социальной защиты, районо, а тамошние чиновники рекомендуют знакомиться с историей в музее. Всё! Круг замкнулся! Слушать скучотные рассказы о войне, рассчитанные на воспитанников старшей группы детсада, да смотреть в музее на пыльные самовары и

прялки — недосуг. Лучше провести время в общении с живыми участниками событий и настоящими энтузиастами музейного дела.

...Недавно мне довелось присутствовать на «круглом столе», посвящённом сохранению на Алтае монументов павшим землякам в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, разговор, в котором принимали участие чиновники и представители общественных организаций, свёлся в основном к теме добывания денег на реставрацию памятников. Он, безусловно, интересен чиновникам, но почти никак не «задевает» население. Впрочем, присутствовавший на мероприятии представитель молодежной организации подчеркнул, что его ведомство тоже готово поучаствовать в восстановлении памятников. Но может быть, просто — припасть к бюджету?! Соответствующий пункт тут же вписали в обсуждаемый «план мероприятий», предварительно посыпав головы изрядной дозой пепла: мол, как же это мы недоглядели молодежь?! Тут бы обсудить, каков он, реальный механизм участия юношей и девушек в военно-патриотическом воспитании. Ан, нет, ораторы зачем-то продолжали убеждать друг друга в важности этого самого воспитания. Даже факт всенародного участия в восстановлении памятников в Волчихинском районе, где люди по зову души собрали на эти цели 130 тысяч рублей, утонул в этой говорильне. Большая часть бурной деятельности чиновников, посвящённой очередной годовщине Победы, свелась к судорожным поискам средств для латания памятников, да разовым мероприятиям, непременно увенчанных застольем с участием ветеранов. Ну и их самих, любимых, конечно!

Очевидно, что военно-патриотическое воспитание сегодня требует новых, особых подходов, форм и методов. Только не надо по традиции «переводить стрелки» на молодежь. Она во все времена была и будет такой, какой её воспитали. В первую очередь, в утере патриотических ориентиров виноваты взрослые.

И не следует уж очень нажимать, что раньше с патриотизмом всё было отлично! Чем же тогда объяснить, что, едва только открыли границы, десятки тысяч наших земляков покинули родину, уехали в Германию, США, Израиль, другие страны? Хотя ещё совсем недавно отъезд за границу приравнивался к предательству.

В военно-патриотическом воспитании столько же мифов, сколько их было и в интернациональном воспитании. Иначе мы так легко не расстались бы с СССР, с братскими республиками.

... России к лицу праздник Победы! Не всем за её пределами нравится то, что она укрепляется. Кто-то намеренно хочет принизить роль россиян в разгроме «коричневой чумы». Но серьёзно это никто не оспаривает. Потому что без России не было бы победы. Страна, в которой помнят о её страшной цене, непобедима!

КАЛАШНИКОВ

Самый знаменитый уроженец Алтая, изобретатель всемирно известного автомата «Калашников», единственный из когда-либо живших в крае, внесён в энциклопедию «100 великих россиян»

«Русская мечта»

Есть понятие «американская мечта». Это когда «простой парень» талантом, подвигами или интригами добивается больших успехов в какой-нибудь сфере жизни.

Нашего земляка Михаила Калашникова, без сомнения можно считать воплощением «русской мечты». Легендарный конструктор всемирно известного оружия мальчиком был сослан из Куры вместе с родителями и братьями. Дважды бежал из ссылки, преодолевая сотни километров до родной Куры. Был тяжело ранен врагами, два раза его чуть не шлёпнули свои.

Не имея даже среднего образования, он стал академиком, доктором технических наук. Михаил Калашников — владелец знаменитого российского бренда, обладатель почти всех мыслимых наград и регалий. В самом конце ушедшего столетия его детище признано изобретением века. До нынешних весьма преклонных лет продолжает работать над совершенствованием оружия в Ижевске.

Наверное, вот такая она – «русская мечта»!

С достоинством сибиряка

После вынужденного отъезда из Курьи, Калашников с десяток раз бывал на родине, где оставались две его сестры с семьями. Последние посещения малой родины датированы 1980-м, 1983-м, 1986-м и 2007-м годами. Он встречался с многочисленной роднёй, земляками, присутствовал при открытии бюста дважды Героя Социалистического труда в райцентре. А в предыдущие его приезды, из-за секретности, пожалуй, только родственники, да местное начальство знали, чем занимается Михаил Тимофеевич. Хотя к тому времени он много лет был уже депутатом Верховного Совета страны, лауреатом самых престижных премий.

Кстати, его племянник Виктор Овчинников, рассказывал мне, что дядя, получив в 1949 году Сталинскую премию первой степени, раздал родственникам по пять тысяч рублей.

Михаил Калашников имеет звания, награды: Герой Российской Федерации, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий. Награждён орденами Святого апостола Андрея Первозванного и «За заслуги перед Отечеством» второй степени, «За заслуги перед Алтайским краем» первой степени (единственный лауреат) и многими другими. Доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники. Автор книг воспоминаний: «Записки конструктора-оружейника» (1992), «От чужого порога до Спасских ворот» (1997), «Я с вами шёл одной дорогой» (1999) и других.

Люди, с которыми Калашников встречался в Курье, характеризуют его как человека простого, скромного, но принципиального. Недаром же старший сержант, изготовивший автомат «на коленке», держался с достоинством с генералами, сотрудниками наркомата вооружения и секретарями ЦК.

Эпизод, отлично характеризующий его нрав, приводит в книге «Я с вами шёл одной дорогой» сам Михаил Тимофеевич. Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения Владимир Толубко после стрельбы неодобительно отозвался о его автомате. Калашников резко парировал: «Товарищ генерал армии, какому образцу быть на вооружении, слава богу, определять не вам и не здесь, а на войсковых испытаниях, где последнее слово — за солдатом». Генерал обиделся: «Не слишком ли много вы берёте на себя, конструктор?!» Назревавший скандал погасил министр обороны Дмитрий Устинов, который высоко ценил талант Калашникова.

Беглый спецпереселенец

В одном из интервью Михаил Тимофеевич отметил, мол, не стоит думать, что его «на руках носили. Я тернистый путь прошёл», - твердит он.

Будущий конструктор-оружейник был семнадцатым ребенком в многодетной крестьянской семье, в которой родилось девятнадцать, а выжило восемь детей. Огромная семья жила на окраине села Курья. Тем не менее в 30-е годы прошлого века Калашниковых раскулачили и отправили в Томскую область.

Мише не было ещё и 12 лет, когда их семью признали «кулацкой». Две его сестры Агафья (Гаша), Анна (Нюра) и брат Виктор к тому времени уже были семейными, потому и остались в Курье и Пospelихе, а отец, мать и двое братьев отправились в ссылку. Только начали осваиваться на новом месте, в деревне Нижняя Моховая, умер отец. Чтобы прокормить сыновей, мать вышла замуж за многолетнего вдовца Ефрема Косача. Так в семье стало два Миши. Кстати, после войны сродный брат конструктора жил в Пospelихе. По словам родственников, трагически погиб в 1970-е годы, спасая человека в водоёме.

Миша Калашников с интересом занимался в школе. Не хватало учебников, отсутствовали тетради, писали на берёзовой коре. Учителя были очень хорошие, тоже из числа спецпереселенцев. Уже в ту пору подросток пытался изобрести «вечный двигатель». И вынашивал идею возвращения на родину, к сёстрам. Мать и отчим противились этому, но, в конце концов, поняли, что останавливать его бесполезно.

В автобиографической книге он так вспоминал о пешем тысячевёрстом пути: «На пятый или шестой день моим попутчиком оказался мужчина средних лет с сумкой за плечами и толстой палкой в руке». Он вошёл в доверие, а потом украл у Михаила пожитки и продукты питания. Парень расстроился. Голодал, но боялся просить милостыню. Однажды на завалинке в какой-то деревне потерял сознание. Его нашла женщина, сказала, что напрасно подросток себя изнурял, надо было просить: «Это же не воровать».

Через много дней поздно вечером постучал в дом сестры Нюры, жившей в ныне исчезнувшем посёлке Путь социализма около Курьи. Когда она увидела его, глазам не поверила. Всё только повторяла: «Ты ли это, Миша?!»

От отчего дома, стоявшего на окраине Курьи, у въезда со стороны Пospelихи, осталось только пепелище — жилище Калашниковых сожгли сразу после того, как они были раскулачены. Семья Нюры была бедной,

он чувствовал себя здесь лишним едоком. А муж Глаши, первый в Курье коммунист, косо смотрел на беглого ссыльнопоселенца-«подкулачника». Подходящей работы для слабого, невысокого подростка в селе так и не нашлось. Словом, через три месяца Миша вынужден был направиться в обратный путь.

Через год он предпринял ещё одну попытку побега из ссылки. Вместе с другом, бухгалтером Гавриилом Бондаренко им удалось подкопить немного денег, подделать справки, на основании которых впоследствии они получили паспорта. Благополучно добрались до Курьи, где устроились на работу: Гавриил — бухгалтером, Михаил — учётчиком.

... Несколько десятилетий Михаил Калашников вынужден был скрывать от бдительных работников отделов кадров, что он репрессирован и жил по подложным документам.

Под угрозой расстрела

В первый раз от самой суровой кары спасли малолетство и стойкость. Как-то Гавриил Бондаренко показал другу пистолет. Оказалось, что ещё до ссылки он спрятал браунинг, хранившийся в их доме с Гражданской войны. Об оружии кто-то тут же донёс, подростков арестовали, провели обыск. Пистолет, к счастью, не нашли. А парни на допросах всячески отрицали его наличие. Им не поверили, но выпустили из каталажки. Добрые люди посоветовали срочно бежать, ведь оружие рано или поздно найдут. Парни, предварительно захватив злополучный браунинг, отправились к станции Пospelиха, чтобы уехать к родственникам в Казахстан. Пистолет по дороге разобрали до винтика и разбросали в зимней степи. Юноши ночевали в снегу, и едва не замерзли в степи.

Второй эпизод был посерьёзней. Михаила Калашникова арестовали ... в приёмной первого секретаря ЦК компартии Казахстана, куда он пронёс изготовленный им первый образец своего автомата.

Старший сержант, находившийся на излечении после ранения и контузии, прятал оружие под полый шинели. А когда его спросили, по какому вопросу он пришёл к руководителю компартии республики, воин, не раздумывая, распахнул полы шинели. Оружие отобрали, «террориста» арестовали, посадили на гауптвахту. По законам военного времени Михаила Калашникова ждала высшая мера.

Спасло чудо. Ещё до войны он случайно познакомился с секретарем ЦК комсомола Казахстана, который приезжал на станцию Матай Талды-

Курганской области, где работал Михаил Калашников. В 1942 году наш земляк приехал с фронта сюда же на долечивание, где и изготовил образец автомата. Решил ехать в Алма-Ату, чтобы встретиться с лидером комсомола республики. Тот, направляясь в командировку, договорился о приёме у руководителя Казахстана. Возвратился из поездки, начал наводить справки о Михаиле Калашникове. Оказалось, молодой конструктор сидит в тюрьме. Спас от расстрела. В ЦК дали «добро», направили в авиационный институт, где Михаил Тимофеевич дорабатывал своё детище.

Так оружие, которое впоследствии принесло Калашникову мировую славу, едва не стало причиной его гибели.

Мимо родной стороны

В октябре 1941 года под Брянском командир танка Михаил Калашников, после тяжёлого ранения в грудь и плечо, а также контузии, попал в госпиталь. На этом война для него закончилась.

Воин видел, что враг вооружён автоматами, а красноармейцы нередко имели одну на троих винтовку-«трёхлинейку» Мосина, которую выпускали в России ещё с конца прошлого века. Это его угнетало. И, в конце концов, подтолкнуло к созданию собственного автомата. Калашникову никогда прежде даже не доводилось держать в руках имевшиеся в небольшом количестве на вооружении Красной армии пистолеты-пулемёты Дегтярёва и Шпагина. Но солдату хотелось, чтобы сослуживцы имели достойное оружие, не уступавшее вражескому.

В госпитале оказалась богатая техническая библиотека. Калашников настойчиво изучал книги и наставления по оружию.

На долечивание его отправили домой. Он направлялся в Курью. Но поезд проехал мимо ближайшей к родному селу станции Поспелиха. Михаил Калашников решил, что надо ехать на станцию Матай, где он работал до армии. Там есть железнодорожные мастерские, где можно заняться воплощением задуманного им оружия. С разрешения начальства начал заниматься изготовлением автомата, который зарисовал ещё в госпитале. Директор даже выделил ему несколько сотен патронов...

Я спрашивал у его племянников, не зазывали ли руководители края великого земляка работать на родине. Ведь чего-чего, а военных заводов на Алтае, где можно было развернуть КБ Калашникова и производство его оружия, хватало. Нет, родственники не припомнили, чтобы лидеры края проявляли настоящий интерес к Калашникову.

Так судьба развела легендарного конструктора с Алтаем. А слава великого оружейника миновала его малую родину!

Машина для защиты от убийц!

Долгое время создатель автомата Михаил Калашников работал в режиме строгой секретности — его знали лишь в узком кругу специалистов.

В 1947 году в СССР был объявлен конкурс на создание автомата. Все конструкторы, которые принимали в нём участие, имели псевдонимы, чтобы работы известных оружейников и молодых жюри оценивало беспристрастно. Калашников взял псевдоним «Михтим» — от «Михаила Тимофеевича». Когда его разработка победила, настоящего автора автомата, известного как АК-47 — «7,62 миллиметра автомат Калашникова образца 1947 года», удалось определить не сразу.

Автомат Калашникова — самый массовый, самый надёжный, неприхотливый в мировой истории.

Он признан изобретением века. Такую оценку дала французская газета «Либерасьон», составившая список выдающихся изобретений XX века — от аспирина до атомной бомбы.

Это оружие даже включено в государственный герб Мозамбика.

На сегодня в мире произведено более ста миллионов автоматов Калашникова.

Долголетие изделия, созданного в 1947 году, обеспечено высокой огневой мощностью, небольшим весом, предельной простотой и надёжностью конструкции.

В середине 80-х годов прошлого века в США появилась книга «История АК-47», которую написал американский военный историк Эдвард Клинтон Изелл. Он отправил письмо в Советский Союз, пометив на конверте «Калашникову. СССР». Послание, как ни странно, нашло советского конструктора. Ему разрешили ответить. Так был развеян миф о Калашникове: оказалось, такой человек, действительно существует.

Документы, свидетельствующие о первых шагах конструктора, были рассекречены только в 2004 году.

И всё же, несмотря на его сегодняшнюю мировую известность, до сих пор немало жителей России имеют о нём смутное представление. Другое дело — автомат, который давно стал символом эпохи, как самое эффектив-

ное и надёжное оружие. Автомат АК-47 был принят на вооружение в 1949 году, но ещё несколько лет, до 1956 года оставался засекреченным.

Однажды у Калашникова в Ижевске гостил один американский журналист. Конструктор познакомил его с семьёй, друзьями, угощал, откровенничал. Но тот опубликовал совершенно несносный материал. Обгадил всё: традиционное русское хлебосольство, друзей, дом. Заявил, что Михаил Тимофеевич создал «машину для убийства». Универсальную, страшную машину.

Конструктор, к тому времени уже ставший «выездным», объездивший весь мир, понял, что журналист выполнял задание американских оружейных корпораций, которые завидуют оружию Калашникова. Но всё же, как человек принципиальный, Михаил Тимофеевич ответил оппоненту: «Свой автомат я создавал в годы самой страшной войны, которую была вынуждена вести моя страна. Я создавал не машину для убийства, а машину для защиты от убийц!»

Как говорит конструктор, он первым пожмёт руку тому, кто создаст лучшее автоматическое оружие. Но покажимают руку только ему. Потому что оружие, созданное Калашниковым, отличается высокой надёжностью, эффективностью, простотой в обращении.

Этот человек вошёл в историю не только как создатель лучшего в мире автомата, но и как конструктор, который разработал целый ряд унифицированных образцов автоматического стрелкового оружия. Это дало нашей стране огромный экономический и производственный эффект.

Кроме главного детища конструктора — АК-47 освоен выпуск 7,62-миллиметрового модернизированного автомата АКМ и модернизированного автомата со складывающимся прикладом - АКМС. После перехода на калибр 5,45 миллиметров появилось большое семейство автоматов Калашникова — укороченные АКС-74У, АК-74 и АК-74М. Среди конструкций Калашникова — 7,62-миллиметровые ручные пулемёты РПК и РПКС — со складывающимся прикладом; 5,45-миллиметровые ручные пулемёты Калашникова РПК-74 и РПКС-74 — со складывающимся прикладом. А всего в конструкторском бюро Калашникова создано свыше сотни образцов боевого оружия.

В 1990 годы Михаил Тимофеевич и его наследники увлеклись созданием охотничьего оружия. Более десятка модификаций самозарядных гладкоствольных карабинов «Сайга» сконструированы на базе автомата.

Талант — он во всём талант!

С раннего детства Михаил Калашников экспериментировал с техникой. Уже в пять лет смастерил себе деревянные коньки с проволокой, а в десять — велосипед.

Ещё в предвоенные годы, когда он служил в армии, Михаил Калашников разработал инерционный счётчик для учёта фактического количества выстрелов из танковой пушки, специальное приспособление к пистолету ТТ для повышения эффективности стрельбы через щели в башне танка, а также прибор для учёта моторесурса танкового двигателя.

В начале 1941 года Михаил Калашников, автор уже нескольких изобретений, по распоряжению командующего Киевским военным округом Георгия Жукова был отправлен в Ленинград для внедрения в производство изобретённого им прибора учёта моторесурса танкового двигателя.

За это первое в его жизни изобретение Михаил Тимофеевич получил первую же в его судьбе награду — именные часы. Причём, из рук Георгия Жукова. Так пересеклись пути двух великих россиян — будущего маршала Победы и будущего изобретателя самого популярного в мире оружия. Среди многочисленных наград конструктора, часы от Жукова — самая дорогая!

Всю жизнь Михаил Тимофеевич увлекается охотой и рыбалкой. И здесь его изобретательская мысль тоже не знает покоя. Он придумал шашлычницу для ленивых, на которой одновременно можно приготовить шашлыки и сварить уху. Время предпочитает проводить в дачном домике на Воложке, под Ижевском, где выращивает розы и газонную траву, которую ещё лет двадцать назад скашивал при помощи созданной им же газонокосилки. В её конструкции он использовал тележку для перевозки молочных фляг, аккумулятор и детали от стиральной машины.

Будучи школьником Михаил увлёкся сочинением стихов. Учительница считала, что он должен стать поэтом. Его предвоенные стихотворения публиковались в газете Киевского особого военного округа «Красная армия». Он автор — нескольких книг воспоминаний, член Союза писателей России.

Калашников увлечён классической музыкой, является постоянным участником традиционных дней музыки Петра Чайковского.

Российский бренд

10 ноября 2009 года в день 90-летия Михаила Калашникова, во время присвоения ему звания Герой Российской Федерации, президент Дмитрий Медведев заявил: «В истории страны очень нечасто бывают явления, по-

добные тому, что создали вы. Я имею в виду не только собственно автомат Калашникова. Но и национальный бренд, который вызывает у каждого россиянина, у каждого жителя нашей страны чувство гордости, чувство сопричастности истории и желание работать на будущее».

Михаил Тимофеевич любит повторять, что «деньги — не единственная ценность. Президенты приезжают поздравлять с днём рождения, на моей родине стоит мой бюст вдвое выше меня — это тоже ценности».

В советское время лицензионное производство автоматов, пулемётов Калашникова было распространено в 18 некапиталистических странах. Им передавались чертежи, образцы деталей, технологические линии. А надо было организовывать там сборку. Ещё свыше десятка государств скопировали лучшее личное оружие XX века без всякого разрешения Москвы.

Теперь все лицензии истекли, патент остаётся только в России. Это основание для предъявления санкций к пиратским производителям этого оружия. Между тем, США закупили тысячи АК-47, чтобы вооружить вновь формируемые силы безопасности в Афганистане и Ираке. Эти подделки нелегально произведены на заводах Венгрии, Болгарии и Румынии.

В последние годы фамилия создателя всемирно известного автомата АК-47 стала зарубежной торговой маркой. Инициаторами её продажи стали наследники великого конструктора.

Жители нашей страны, бывавшие за рубежом, знают, что в мире хорошо знают изобретение нашего земляка. В Тегеране имеется жилой дом, построенный в виде автомата Калашникова. В Вашингтоне в музее авиации в Вашингтоне автомат, сконструированный Михаилом Тимофеевичем, экспонируется рядом с ракетами «Першинг» и «СС-20», американской винтовкой М-16. Это вызывает гордость: мы — земляки Калашникова!

Калашников многие годы не получал ни копейки за свой автомат, хотя за десятилетия СССР и Россией проданы миллионы единиц это оружия и его модификаций. «Всё забрало себе государство», — говорит гениальный изобретатель.

Представители российской оборонной промышленности и конструктор Калашников утверждают, что многие страны используют пиратство в сфере интеллектуальной собственности ради собственных нужд, распространяя автомат по всему миру. Оружие Калашникова стоит на вооружении более чем 50 стран. Оно производится или производилось в Болгарии,

Венгрии, ГДР, Египте, Ираке, Китае, Польше, Румынии, Северной Корее, Югославии. В Чехословакии, Финляндии, США и Индии выпускались или выпускаются штурмовые винтовки, переделанные под патрон НАТО 5,56x45, основой которых послужил легендарный АК. Израиль, замаскировавшись, выпускает это оружие под названием «Галил».

Впрочем, вероятно, кое-какие деньги, наконец, стали поступать конструктору в последнее время от зарубежных партнеров. Инициаторами сделок, по данным «Известий», стали дети знаменитого конструктора. Под брендом «Калашников» теперь «изобретают» товары широкого потребления. Заключены контракты с западными фирмами на производство сноубордов, термосов, футляров для очков, зонтиков, ножей, теннисных ракеток, одежды, лосьонов для бритья и автомобилей-внедорожников. Существуют швейцарские часы Kalashnikov. В Англии выпускается водка под товарным знаком «Калашников». Неизвестно, будут ли иностранцы закушивать эту водку пельменями «Калашников», но таковые уже лепятся. Впрочем, на Западе можно встретить кетчуп «Калашников» и даже кефир под таким же названием.

Если на карте мира закрасить одним цветом страны, армии (или группы повстанцев) которых используют АК, то этот цвет будет доминировать почти повсеместно — кроме Западной Европы, Японии, Штатов, Канады, Австралии и ещё нескольких стабильных прозападных стран.

«Оружие должно иметь свою красоту, как и женщина! Красота моих автоматов — в их надёжности» — вот так поэтично говорит о своём детище Михаил Тимофеевич.

Встреча с легендарным земляком

В ноябре 2009 года мне в составе делегации Алтайского края посчастливилось в Ижевске повстречаться с юбиляром.

Честно скажу, больше всего меня впечатлило то, что ораторы поздравляли его по бумажке, а 90-летний Михаил Тимофеевич минут пятнадцать говорил «от себя».

Сразу же после слов благодарности в адрес тех, кто поздравил его с юбилеем, он заметил:

«Я в своих книгах писал и ещё раз скажу, что я оружие создавал для защиты рубежей своего Отечества. Я — участник Великой Отечественной войны. Знаю, как нам было трудно победить злейшего врага — фашизм. Ой, как трудно... Но мы всё-таки победили. Потому что мы не делились

по национальностям. Мы были все в одном строю. Нас так воспитали. Мы надёжно и достойно воевали и одержали победу.

Сейчас говорят, что слишком много было потеряно наших солдат. А какая война бывает без потерь? Такой войны не бывает...

И вот тогда, будучи раненым, я начал думать — а нельзя ли попытаться самому сконструировать и изготовить пистолет-пулемёт?! Я беру школьные тетради, карандаши, резинки, и начинаю делать наброски. Это казалось чем-то невероятным. Госпиталь

переполнен ранеными, поэтому тех, кто мог ходить (а я ранен в грудь и в плечо осколками) отправляют в глубокий тыл на долечивание. Я не поехал в Алтайский край, где меня мать родила, потому что там я бы ничего не смог сделать. Пусть не обижаются на меня мои алтайские родственники и другие земляки. Это действительно было так. Потому что когда старший брат сделал мне, 8-9-летнему мальчику, деревянные коньки, даже не могли железку найти, чтобы их подковать. Какой бы я там пистолет-пулемёт изготовил?!

Поэтому я проехал в Казахстан, где перед призывом в армию поработал в железнодорожном депо. Но депо — не оружейный цех. И вдруг я со своими первыми набросками обращаюсь: «Помогите сделать пистолет-пулемёт!» Время было такое — весь советский народ хотел что-то сделать, чтобы приблизить победу над врагом!

В последние годы я взялся за написание книг — не потому что мне делать нечего. Надо воспитывать уважение к труду, к полезному труду для своего Отечества... Я прославляю полезный труд, любовь к старшему поколению, уважение к нашему прошлому. Плохое надо отбрасывать, а хорошее преумножать. Без прошлого не может быть настоящего...

Я оружие делал для защиты рубежей своего Отечества. А теперь я вижу, почти брат в брата стреляют. Ох, как мне это неприятно. Не для этого я оружие создавал. В спокойное время оно должно находиться в оружейных комнатах и под замками... Я, как консультант генерального директора «Росвооружения», бываю на военных выставках и вижу на чужих стендах

своё оружие. И узнаю своё. Беру в руки, а клейма-то чужие. Мы много потеряли. Ну что ж в этом виноваты политики, а не конструкторы.

Не я — американский историк написал, что вряд ли до 2026 года что-нибудь произойдёт в стрелковом оружии, чтобы заменить автомат Калашникова.

Меня часто спрашивают: «Доволен ли я своей судьбой?» Доволен. Доволен, что всю жизнь занимался нужным делом. Конечно, оружие не трактор и не комбайн, не сеялка и не плуг, им не землю не вспашешь, хлеб не вырастишь, не уберёшь, но без него и не защитишь родную землю, не отстоишь от врага свою родину, свой народ.

Благодарю вас всех за внимание, за подарки, а президента России – за то, что отметил самой высокой российской наградой. На моей груди, дорогие друзья, хорошо уживаются и советские, и российские, и иностранные награды.

Я доволен пройденным путём. Сделал всё, что мог для защиты своего Отечества. Пусть вашу жизнь никогда не будут омрачать войны. Мира, любви и счастья земле нашей!»

...Среди многочисленных экспонатов музея стрелкового оружия имени Калашникова гендиректор ОАО «Барнаульский станкостроительный завод» Виктор Яшкин обнаружил патроны с клеймом родного предприятия. На днище гильзы выдавлено число «17» - так раньше именовался алтайский завод, поныне производящий патроны.

Поклонный камень у горы Святуха

В Курье, на малой родине гениального изобретателя в ноябре 2009 года также состоялись мероприятия, посвящённые 90-летию со дня рождения Михаила Калашникова.

На месте усадьбы конструктора-оружейника установлен поклонный камень. Его изготовили из габбро мастера Кольванского камнерезного завода. Право снять полотнище с камня было предоставлено членам военно-патриотического клуба «Калашников».

Теперь все, кто пожелает поклониться месту рождения этого великого человека, пусть мысленно видят его глазами неказистый домик на пологом берегу Локтёвки, гору Святуху, панораму Курьи — «дорогие картинки детства!»

Михаил Тимофеевич вспоминал: «С малолетства меня учили крестьянскому ремеслу. И теперь не в тягость, а в удовольствие выходить на луг с косой, убрать траву на сено с неудобий. Люблю повозиться в саду.

Приезжая на родину, непременно иду в поле...»

Место и обстоятельства рождения Михаила Калашникова – особенные. Недаром же он достиг вершин мировой славы.

В книге «Записки конструктора-оружейника» Михаил Тимофеевич указывает, что появился на свет 10 ноября 1919 года при странных обстоятельствах в сенях отчего дома. «Не раз слышал, как мама говорила соседкам, что я в рубашке родился, и почему-то показывала рукой в сторону висевшей в углу иконы. Я решил, что она хранит где-то там эту рубашку, и во мне затаилось желание найти её. Однажды, когда в доме никого не было, попытался разобрать икону, где, по моему разумению, лежала необыкновенная обнова, которую от меня в силу каких-то причин тщательно прятали. Рубашки там, конечно, не оказалось, а вот икону изрядно подпортил. Мать не на шутку рассердилась, и меня сурово наказали».

Из окна дома Калашниковых, прилепившегося на самой окраине Курьи, была видна горная речушка Локтёвка, на противоположном берегу которой сейчас высятся гранитные уступы. А когда-то их венчала куполообразная скала со сквозной пещерой, носившая название Святуха. Многие годы верующие люди поклонялись этому благодатному месту.

Также, по воспоминаниям старожила села Курья П. Верченко, «...у трассы, что ведёт на Змеиногорск, в шести километрах от Курьи стояла в былые времена часовня. Хорошо мне запомнился летний праздник Пантелеймона. Рано утром начинал звонить колокол на часовне. Крестьяне Курьи, набрав с собой продуктов, спешили на его звон...»

В период гонений на церковь было сфабриковано дело «церковно-монархической организации, действовавшей в ряде районов Запсибкрая, и в том числе контрреволюционной группы «Благодатники» в Курьинском районе. В материалах «дела» отмечалось, что «в июне 1930 г. Курьинской ячейкой, в частности, Галкиным, Черемисиным, Михалёвой и Чекмарёвым,

в целях возбуждения религиозного суеверия в районе с. Курья на р. Локтёвке открыли «святую гору» и «святую пещеру»... В связи с распушенными слухами об открытии «святых гор» и «пещеры» к горам началось массовое паломничество больных, доходящее в пещере до давки, так как каждый больной стремился увидеть первым «святые лики». «Благодатники» были арестованы и приговорены: кто — к ссылке в Восточную Сибирь, а кто — к исправительно-трудовым лагерям.

В начале 1960 годов воинствующие безбожники Святуху взорвали. Якобы для добычи щебня.

Курьинские старожилы помнят, как у Святухи, пока она устремлялась в небо, собирались верующие в дни православных праздников, а в будни там появлялись мальчишки, которым строго-настрога наказывалось у горы не шалить, в пещеру — не проникать. Среди них, конечно же, бывал и Михаил Калашников.

Мы — его земляки!

Один из жителей Курьи, проживающий на окраине села, рассказывал мне, что несколько лет назад к нему в усадьбу зашёл незнакомец, представившийся жителем Томской области, бывшим воином-интернационалом. Он искал дом Калашникова, чтобы поклониться тому месту, где тот родился и жил.

И поведал такую вот историю. Во время войны в Афганистане автомат Калашникова, которым был вооружён воин-сибиряк, упал с высоты 18 метров. Но солдату удалось поднять его, перезарядить и открыть стрельбу. Автомат, как ни в чём ни бывало, вёл прицельный огонь. Вот какое надёжное оружие изобрёл наш земляк!

Вскоре родилась идея установить памятный знак на месте усадьбы великого конструктора.

В новейшее время гора Святуха, наряду с Синюхой и Очаровательной, Белым и Моховым озёрами, Тёплым и Семейным ключами, Демидовскими шахтами внесена в ре-

есть памятников природы Курьинского района.

История этого предгорного района, в котором родился Калашников, неразрывно связана не только с историей края, но и с историей государства. Здесь в 1729 году на реке Белой рудознавец Никифор Клеопин построил первый на Алтае

завод по выплавке меди. А в Колывани вот уже свыше двух веков существует камнерезный завод, на котором изготавливают шедевры мирового искусства. В том числе и «Царицу ваз», которая находится в Эрмитаже. Также здесь Иван Ползунов разрабатывал модель первой в мире паровой машины. В годы Великой Отечественной войны в посёлке Колыванстрой действовал вольфрамовый рудник, выдававший продукцию, упрочившую сталь наших танков.

В дни празднования 90-летия Калашникова принято решение о том, что здание школы, в которой учился Михаил Тимофеевич, будет отреставрировано, и в нём будет размещён мемориальный музей легендарного конструктора. Между прочим, это, вероятно, единственное в крае сохранившееся здание бывшей церковно-приходской школы, постройки 1905 года. В нём поныне «родные» стены, полы и потолки, двери и даже оконные коробки. А вот в подобных современных помещениях, построенных всего несколько десятков лет назад, сохранность значительно хуже. Например, в Курьинской средней школе 1969 года постройки необходимо менять до 80 процентов оконных рам.

...У Михаила Тимофеевича — сын Виктор, который продолжает его дело, в также три дочери: Нелли, Елена и трагически погибшая в 1983 году Наталья, внуки и правнуки.

В Курье живут его родные племянники, дети сестры Агафьи Овчинниковой — Сергей и Виктор Овчинниковы, Надежда Егюя, ещё два их брата уже покинули этот мир. У всех их, кроме Владимира есть дети и внуки, которые проживают в Курьинском районе, Рубцовске, Барнауле и на Урале.

Дети Анны Чупрыниной, ещё одной сестры Михаила Тимофеевича — две дочери и сын уже скончались, их внуки Босоноговы, Торшины, Кошелевы

также живут в Курье. Два брата конструктора-оружейника Андрей и Иван погибли в Великую Отечественную войну, они имели дочерей, которые живут в Барнауле и на Украине. Остальные братья и сёстры знаменитого конструктора жили: Василий — в Поспелихе (там же, где и сводный брат Михаил Косач), Виктор и Николай — в посёлке Евстюниха около Нижнего Тагила.

Между прочим, сейчас на Алтае проживает 33 родственника великого конструктора.

В НЕБЕ ИСПАНИИ

Ивану Евсевьеву — первому на Алтае, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза за храбрость, проявленную в борьбе с фашизмом в Испании. Но имя знаменитого земляка почему-то даже не упоминается в «Энциклопедии Алтайского края».

Пётр Пименов, участник Великой Отечественной войны, главный хранитель фондов музея Советского района попытался восполнить этот пробел. Он, как создатель Залесовского и Советского районных краеведческих музеев, вёл переписку с Иваном Ивановичем почти 20 лет. Последнее письмо Пётр Пименов получил от Ивана Евсевьева из Киева в 1987 году. А в 1991-м году героя не стало.

Вот что наш земляк сообщал о себе в апреле 1973 года в Залесовский народный музей. Эти воспоминания Евсевьева о жизни на территории нынешнего Заринского района восполняют пробел в его официальной биографии.

«... Весной 1922 года наша большая семья, гонимая голодом, приехала из Барнаула в деревню Кочегарка Хмелёвской волости. С того времени прошло более 50 лет, да и если учесть, что я в те годы был подростком, то совершенно ясно, что в моей памяти мало что осталось о том периоде жизни, а поэтому едва ли смогу Вам сообщить какие-либо интересные исторические факты.

По приезду в д. Кочегарку и позже, когда мы переехали в село Хмелёвка, мой отец (Иван Александрович) служил секретарём сельского Совета, а я работал батраком у зажиточных крестьян (кулаков). В деревне Кочегарка в те годы не было школы, а сестре и нам с братом надо было учить-

ся. Поэтому наша семья переехала в с. Хмелёвка, где имелась школа первоначального обучения.

Работать мне приходилось у многих хозяев, их фамилии не помню, помню двоих называл «дядя Иван» и «дядя Матвей». Работа батрака нелёгкая, тем более, непочётная, однако эта работа меня физически укрепила, выработала рабочую сноровку и смекалку. Всё это позже, когда я поступил учиться в военное училище, помогало мне преодолевать различные трудности, которые встречаются на военной службе.

В 1925 году наша семья возвратилась в г. Барнаул, я зимой учился, а летом работал чернорабочим на водном транспорте. В 1927-29 гг. учился в ФЗУ (*фабрично-заводском училище. — А.М.*) водного транспорта в г. Красноярске. В июне 1929 года ушёл добровольно учиться в военное авиационное училище, и с тех пор прослужил в Красной и Советской армии почти 36 лет. Занимал должности от рядового лётчика-истребителя до командира авиационного корпуса, заместителя командующего войсками округа. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом. В 1937 году за участие в революционной войне в Испании против фашизма и за проявленный героизм мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

За время службы в Советской армии жил во многих областях нашей великой Родины, довелось служить за границей. А вот в Алтайский край приезжал только навестить родителей. Однако Алтай, в котором я провёл своё детство, не забываю, и всё время слежу за периодической печатью, радио и телевидением, за успехами его тружеников. Очень был рад успехам алтайских земледельцев, вырастивших отличный урожай в 1972 году».

Пётр Пименов попутно замечает, что в «Энциклопедии Алтайского края» неполна или отсутствует информация и о некоторых других Героях Советского Союза, известных людях и датах. Например, в очерке о Залесовском районе, не упоминается уроженец села Плотниково Герой Советского Союза Иван Климентьевич Токмин.

Несправедливо забыт и Герой Советского Союза Павел Кузьмич Коршунов, который долгое время работал первым секретарём Алтайского райкома партии и погиб в результате несчастного случая. Следует восстановить справедливость и в отношении Сергея Семёновича Бердникова, директора Грязнухинской машинно-тракторной станции, который являлся депутатом Верховного Совета СССР первого созыва (1936-1946 годы). Неточно и утверждение о том, что село Грязнуха (ныне — Советское) основано в 1856 году, оно существует с 1745 года.

Краевед Пётр Пименов считает, что вот такие «мелочи», как забывчивость в отношении, например, первого в истории Алтайского края Героя Советского Союза Ивана Евсевьева и других известных людей порождают череду подобных упущений и неточностей.

ОТСЧЁТ БОЁВ – ОТ ХАЛХИН-ГОЛА

20 августа 2009 года исполнилось 70 лет с начала наступления советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, которое завершилось полным разгромом 6-й армии Японии. В этом сражении принимал участие и Кирилл Зорькин из села Троицкое.

Их оставалось только трое...

Известный алтайский художник Фёдор Торхов, посвятивший своё творчество Монголии, к годовщине сражений на Халхин-Голе решил написать портреты воинов, принимавший участие в этой необъясненной войне. За помощью в по-

иске участников битвы, он обратился в краевые ветеранские организации к Василию Христенко и Борису Гусеву. Те назвали ему всего лишь два имени живых участников боёв на Халхин-Голе — Кирилла Зорькина из Троицкого и Алексея Петрова из Пospelихи, портреты которых он и нарисовал. Хотя, например, в моем архиве хранится несколько имён их боевых товарищей: Петра Богомякова и Николая Сентябова из Красногорского района, Сергея Наливалкина из Бийска и Константина Огнева из Славгорода. Правда, эти участники боевых действий на Халхин-Голе ещё старше тех, с кем работал Торхов — с 1916-1917 годов, да и мои сведения — не самые свежие.

Но уже после публикации очерка о Кирилле Зорькине мне позвонила из Красногорского дочь Николая Сентябова, сообщившая, что её отец жив-здоров...

Вооружённый конфликт у реки Халхин-Гол на территории Монголии недалеко от границы с марионеточным государством Маньчжоу-го (ныне провинция Внутренняя Монголия КНР), был, по сути дела, необъявленной войной между СССР и Японией. Он продолжался с весны по осень 1939 года. Заключительные сражения начались 20 августа 1939 года, продолжались до последних чисел этого месяца, и завершились разгромом японской 6-й отдельной армии. Перемирие между СССР и Японией было заключено 15 сентября.

Ветеран боёв на Халхин-Голе Кирилл Зорькин, у которого я побывал, обижается, что о нём вспоминают лишь в канун и в день Победы. Совсем перестали приглашать на торжества, лишь к 9-му мая о старейшем алтайском воине вспоминают власти и ветеранская организация. Хотя, конечно же, на десятом десятке трудно встречаться со школьниками или трудовыми коллективами. Однако память у него ещё цепкая. Он горюет о том, что ушли из жизни его друзья-ровесники. Не радуется даже то, что является самым старым дедом в Троицком. И, уж точно, — одним из самых возрастных фронтовиков на Алтае.

Из рода долгожителей

У него в роду были долгожители. Например, бабушка Татьяна (по материнской линии) прожила 101 год. И его долгая жизнь охватывает почти столетие. Родился сразу после революции в селе Борисово Залесовского района. Удалось получить профессию машиниста паровоза, до самой пенсии

работал на железнодорожных станциях Салаир, Междуреченск и Большая Речка. Перерывы пришлось только на действительную службу и мобилизацию в годы Великой Отечественной войны.

К началу боёв на Халхин-Голе он успел отслужить в армии почти год. Был пулемётчиком. Отчётливо помнит, как отчаянно сражались японские войска. Трудно было пехоте, но не легче и авиаторам, а вот наши танкисты быстро подавили бронированную мощь японских войск. Жаркие бои разворачивались за каждую сопку. И здесь пулемёт «Максим» красноармейца Кирилла Зорькина был как нельзя кстати.

Однажды в расположение части, где он служил, прибыл командующий армейской группой Георгий Жуков. По его приказу шесть пулемётчиков, включая Зорькина, быстро выбили врага с очередной сопки. За что получили личную благодарность военачальника, впоследствии ставшего прославленным советским маршалом.

Руководивший операцией на Халхин-Голе Георгий Жуков в своих мемуарах отмечал, что японцы дрались крайне ожесточенно и исключительно упорно, до последнего человека. Часто вражеские блиндажи и дзоты захватывались только тогда, когда там уже не было ни одного живого солдата. В результате упорного сопротивления врага 23 августа на Центральном участке фронта Георгию Жукову пришлось даже ввести в бой свой последний резерв: 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников, хотя при этом он и шёл на немалый риск.

До начала Великой Отечественной Кирилл Алексеевич успел уволиться из армии, возвратиться на станцию Салаир, к любимым железнодорожным занятиям.

В день объявления войны находился в Чите, где принимал отремонтированный паровоз. Домой прибыл быстро — на всех станциях давали «зелёный», полагая, что паровоз нужен фронту. А дома к тому времени накопилась целая стопка повесток из военкомата.

Победа СССР на Халхин-Голе сыграла решающую роль в ненападении Японии на СССР. Примечательным фактом является то, что когда в декабре 1941 года войска Германии стояли под Москвой, Гитлер яростно требовал от Японии напасть на СССР на Дальнем Востоке. Именно поражение на Халхин-Голе, как считают многие историки, сыграло главную роль в отказе от планов нападения на СССР в пользу нападения на США.

«Дед» — в 25 лет

Сдал паровоз — и в военкомат. На сборы дали сутки. И снова на станцию — на этот раз, как мобилизованный. Намётанный глаз отмечает: вагоны забиты солдатами, под парами шесть составов, однако тронулись они не на запад, где развернулась кровопролитная война, а на восток. Выгрузили мобилизованных на станции Манзовка, под Хабаровском. Кирилл Зорькин недоумевал: вряд ли японцы опять рискнут воевать с русскими, неужели им не впрок поражения на озере Хасан и у реки Халхин-Гол?! Но солдат есть солдат — обязан выполнять приказы.

Почти два года маялся Кирилл Зорькин на Дальнем Востоке. Наконец, стали записывать добровольцев в маршевые роты, которые направлялись на запад. С трудом командование согласилось отпустить расторопного алтайского воина, освоившего к тому времени несколько солдатских специальностей — от повара до артиллериста.

Хорошо запомнил, что на фронте оказался аккурат 6-го мая 1943 года. До того успел получить сержантское звание, окончив краткосрочные курсы в городке Орехово-Зуево.

Перед строем пополнения командир полка Мудрак попросил выйти тех, кто добровольно желает стать разведчиком. Вперёд шагнуло несколько воинов. Подполковника смутила то, что прибывший сержант Зорькин небрит.

— Слушай, дед, ты с какого года?

— С 1918-го, — отвечает. — Отслужил действительную, на Халхин-Голе воевал.

— Этот будет хорошим разведчиком, — заявил подполковник.

Отбрали из пополнения в разведку пять человек. Вечером Зорькин вымылся, побрился. Но кличка «Дед» так и закрепилась за ним.

А спрос с молодого разведчика был такой же, как с тех, кто воевал с фашистами уже два года. Учился бесшумно ползать, снимать врага ножом, незаметно пересекать линию фронта

*Фото 1945 года. Кирилл Зорькин
в центре, с портупеей.*

и всяким иным премудростям военного разведчика. Воевал в Белоруссии, дошёл до Кёнигсберга. Привел в расположение части четырёх «языков» — двух офицеров и двух солдат. Один из них был ранен, да к тому даже весил больше сотни килограммов, а тащить через линию фронта пришлось по осенней грязи. Думал, «капут» наступит фашисту, а он сильно хотел жить, потому они всё же дошли едва живые, обессиленные и окровавленные. Также сержант-разведчик довёл до командования много нужной информации о враге. Был ранен в ногу, но остался в строю.

После войны возвратился домой, много работал, растил детей, внуков, а теперь вот и правнука. Выпивал крайне умеренно, и на фронте, и «на гражданке», курить бросил давным-давно, по просьбе больной жены.

В августе 2005 года на месте боёв у реки Халхин-Гол впервые была отслужена панихида и установлен памятный православный крест.

Старый солдат утверждает, что, несмотря на военные лишения, его долгожительство обеспечили труд, а также умеренность в пище и выпивке, отказ от курения. А по ночам ему всё ещё снятся атаки японских камикадзе, и тяжесть фашиста-«языка», которого он тащит волоком по грязи.

ДО ПОСЛЕДНЕГО МГНОВЕНИЯ

Георгий Овчаров встретил первый день войны за Полярным кругом. Там, возле Мурманска более трёх лет противостояли красноармейцы и фашисты. В октябре 1944 года наши войска начали наступление. Но советские самолёты по ошибке стали поливать огнём своих...

Чёрный репродуктор

На службу в армии Георгий Овчаров был призван в октябре 1940 года. Попал на Север, в Мурманск. Тогда это был небольшой приграничный городок. Всего в нескольких десятках километров от него проходил рубеж советских, норвежских и финских земель.

Учитывая то, что у солдата было семь классов, — по тем временам — «академик», Овчарова направили на учёбу в полковую школу. Там-то он и встретил войну.

Дело было так. Накануне, в субботу 21 июня 1941 года, курсантов подняли по тревоге. Привычно проделали марш-бросок, километров 25. Вернулись в военный городок уже после полуночи 22 июня. Старшина командовал «отбой». Впереди был выходной день, когда можно привести себя в порядок: постирать воротнички, портянки, написать письма домой.

Только уставшие курсанты успели задремать, как их вновь подняли по тревоге. Кому это понравится — две тревоги за одну ночь?! Но полусонные курсанты привычно выровняли строй. Однако перед солдатами не было ни одного офицера, только одинокая фигурка старшины.

Прошёл час, другой, третий. Уже за окнами казармы рассвело, а курсанты стояли без движения в строю. О них словно забыли, все офицеры безотлучно находились в штабе.

«Товарищ старшина, почему стоим?» «Стойте. Так надо. Приказа не было». Уже и кушать хочется, но команда завтракать не звучит. Да и устали курсанты от марш-броска и бессонной ночи.

Старшина разрешал покинуть строй только по особой нужде. Пришла пора отпроситься в туалет и у Георгия Овчарова. Достиг первого этажа казармы, и сразу обратил внимание на чёрный репродуктор-громкоговоритель. Именно в этот момент, в 12 часов пополудни по радио объявили, что сейчас будет выступать Вячеслав Молотов, заместитель Сталина в Совнарком. Так курсант стал единственным слушателем обращения о нападении Германии на СССР. Того самого, в котором сообщалось, что фашисты бомбят

советские города, в том числе и Мурманск. Но никаких звуков разрывов и разрушений в городе не было.

Курсант Овчаров опрометью кинулся наверх, на второй этаж. «Командирским» голосом сообщил курсантам: «Ребята, война!» На его крик откуда-то появился начальник училища капитан Артюхов. «Курсант Овчаров! Вы что кричите? Кто вам разрешил?» Взволнованный курсант сбивчиво принялся объяснять, что случайно услышал по радио обращение ЦК ВКП(б) и Советского правительства о начале войны. «Товарищ капитан, у вас же приёмник есть — включите его». Тот покинул казарму и быстро направился в штаб. А ведь мог отдать приказ об аресте Овчарова за «провокационные разговоры» и «паникёрство». Вскоре из здания штаба выскользнул писарь Кулешов: «Всё ребята, война началась».

Противостояние

Полковая школа, курсантам которой оставалось только сдать последние экзамены, была срочно расформирована. Экзамены пришлось сдавать на войне. И звание поначалу у Овчарова было «курсант». Должность — командир артиллерийского отделения, топографический разведчик артдивизиона.

В полковой школе он получил хорошую науку. Ещё недавно в пушечной науке все расчёты были приблизительными: «сено», да «солома». Кажется, ещё с петровских времен пушечный прицел имел 300 делений. Однако накануне войны в артиллерийской топографии был наведён порядок, появились приборы, разбитые на 360 градусов. Это позволяло точнее бить врага.

Курсантов распределили по дивизионам. Но перед тем как отправить их на фронт, помыли в бане, переобули и переодели, выдали по две пары чистого белья. Это заняло всего пару часов. Также воины стали обладателями оружия: курсанты получили винтовки Мосина, командиры — пистолеты. Хотя они артиллеристам были абсолютно ни к чему. Овчарову досталась винтовка, возрастом — старше его отца.

Через некоторое время солдат построили и отправили в порт, где погрузили на корабли. Пересекли залив, а дальше направились пешком — на так называемый 51-й километр, где Овчарову предстояло провести больше трёх лет.

Фашисты в первые дни войны не сумели овладеть Мурманском, застряли в 25 километрах от города. Однако поспешили сообщить, что Мурманск взят, хотя нога фашиста так и не ступила на его землю. В том числе и потому что её защищал наш земляк, уроженец райцентра Благовещенка Георгий Овчаров.

*Среди однополчан Георгий Овчаров — крайний справа во втором ряду.
Снимок военных лет.*

Этот самый пеший переход на 51-й километр оставил первые впечатления о войне. Ему казалось, что вокруг всё пылает огнём, даже каменные осыпи скал. Шаяли зажжённые осколками авиационных бомб лишайники, которые тысячелетиями отлагались на камнях. Лишайники источали дым, словно от дымовой шашки. Пылали разбомбленная с воздуха техника, крохотные, в человеческий рост, карельские березки.

Первое боевое крещение пришлось принимать сразу же после того, как прибыли на фронт. Особенно донимали вражеские самолёты.

Абсолютно незащитным чувствует себя человек перед ревущей в воздухе армадой бомбардировщиков. Иные воины пытались прятаться от бомбежек в воде, но командиры и политруки вынуждены были их огорчить, поскольку сверху видно всё, как на ладони. Докучливыми оказались и фашистские миномёты. Они беспрепятственно доставали красноармейские порядки из-за сопки. Их тьявкающий полёт не давал покоя до тех пор, пока солдаты не соорудили себе хороших укрытий. Именно миномётные обстре-

лы принесли первых убитых и раненых, которых увидел на войне Георгий Овчаров. В его дивизионе было ранено пять человек, в том числе командир, младший лейтенант Леонид Бондарь.

Противников разделяла лишь река Западная Лица. Причём, фашисты заняли господствующие высоты. Поначалу, до сентября, советское командование приказывало отбивать у врага эти самые высоты. Несколько раз красноармейцы переправлялись на левый берег реки, но противник не давал закрепиться на нем. Поняв бесполезность понесённых жертв, приказ был отменён.

Так до осени 1944 года и стояли друг против друга две силы у самой советско-норвежско-финской границы. Воинам ничего не оставалось, как приспособить эту суровую северную окраину для жизни и ратных дел. Поскольку местность была гористой, окопы представляли из себя подобие каменных землянок. Со временем, эти убежища-жилища бетонировались и утеплялись.

Серьёзное неудобство для боевых действий представлял полярный день. В условиях круглосуточной видимости трудно было проводить разведывательные, наступательные операции, обустривать боевые позиции. Впрочем, эти помехи компенсировались продолжительной полярной ночью.

В условиях, когда противники месяцами визуально наблюдают друг за другом, притупляется чувство опасности. Случались недели, особенно в период холодов, когда над позициями не звучало ни одного выстрела. Порой казалось, что передний край противника — это мираж. И лишь дымки походных печек, да редкие выстрелы снайперов выдавали реального врага.

Огненный вал

В октябре 1944 года войска Карельского фронта, включая соединение под Мурманском, пошли в наступление. Это был один из «десяти сталинских ударов» — десятый. Наконец-то, погнали врага за пределы советской территории. И погнали быстро. Потому что напряжённо готовились к предстоящей операции.

Кажется, было продумано всё. Топографические разведчики, в том числе и Овчаров немало потрудились, чтобы способствовать наступлению. Они отметили местность, по которой намечалось двигаться, так называемыми реперами — метками-кольшками с координатами местности. Эти сведения были доведены до командиров всех наступающих подразделений. Чёткость работы топографической разведки помогла артиллеристам осуществить задуманный командованием «огненный вал».

Предполагалось, что в канун наступления по позициям противника будет нанесён массированный удар артиллерии и авиации. Так оно и получилось.

Около получаса передний край врага утюжили советские бомбардировщики, затем вступали в дело пушки, миномёты, «Катюши». Через 45 минут, когда стволы пушек нагрелись, в воздухе вновь появлялись самолёты. Артподготовка продолжалась четыре часа.

Георгий Иванович впервые в жизни решился рассказать журналисту об ужасном эпизоде этой операции. У наших лётчиков по какой-то причине случился сбой. В финале артподготовки они замешкались и вылетели на бомбометание позже. В итоге снаряды полетели на позиции уже занятые советскими войсками. Это трудно передать словами. Погибли сотни солдат, которые только что героическими усилиями захватили вражеские позиции. Среди них — разведчики, сапёры, артиллеристы, и, конечно, пехотинцы. Георгий Овчаров чудом остался жив.

Как бы то ни было, вскоре советские войска были на границе. Часть, в которой служил Овчаров, направили в Норвегию. У небольшого города Киркинеса, расположенного на берегу Баренцева моря внезапно наткнулись на фашистские казармы. Враги прыгали из окон в подштанниках, в белье, раздетые.

В том же районе удалось вместе с моряками захватить во фьорде немецкий крейсер, экипаж которого отчаянно сопротивлялся. А на границе с Финляндией фашисты массово сдавались. Польшу воинская часть Овчарова прошла по северу, который уже был освобождён. У города Гдыня загнали фашистов на длинную морскую косу. Тем некуда было деваться, все сдались.

А за боевой эпизод, произошедший в Германии, Георгий Иванович получил орден Красной Звезды. Водителя «Студебекера», который перевозил пушку, тяжело ранило, Овчаров, не мешкая, сел за руль, вывез пушку на удобную позицию. Первых же боевых наград — медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги» он удостоился ещё в 1941 году, под Мурманском. В ту пору не было принято поощрять высокими наградами.

День Победы Овчаров встретил на Одере, в маленьком городишке Миздров, километрах в ста от Берлина. Фашисты отступали вдоль берега этой реки, нашим войскам поступил приказ блокировать их. 8 мая в бою на понтонном мосту погибли его командир взвода разведки и солдат-разведчик, возвращавшиеся в часть с боевого задания. На следующий день их хоронили.

В этот момент и сообщили, что фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Так, к слезам победы примешались горькие слёзы потери боевых друзей.

После войны Георгий Иванович возвратился на родину, в Благовещенку. Несколько десятилетий занимался строительством. Работал прорабом и старшим прорабом в ПМК-339. Одно время — главным инженером райкомхоза, потом, до самой пенсии возглавлял межрайонную строительную организацию. В райцентре есть целые улицы, например, Пушкинская, которую построил он. Больше ста домов возвёл в совхозе «Новый путь», центральная усадьба которого располагается в Благовещенке. Строил Кучукский сульфатный завод, его жилой посёлок Степное Озеро, Алтайский строительный техникум. Словом, сполна навоевался и наработался.

ВТОРОЙ ДВАЖДЫ ГЕРОЙ

Несколько лет я дотошно исследовал биографию дважды Героя Советского Союза Степана Супруна, и могу утверждать, что прославленный лётчик был нашим земляком! Он жил в селе Вострово Волчихинского района. Таким образом, с Алтаем теперь связаны имена двух дважды Героев — Павла Плотникова и Степана Супруна.

От Сум до Виннипега

Сведения о том, что Степан Супрун когда-то жил на Алтае, вероятно, первым обнаружил в Центральном архиве Вооружённых сил в середине 90-х годов прошлого века писатель Алексей Котенёв.

Репродукция картины народного художника России, уроженца Алтая Якова Скрипкина.

Семья Супруна в Канаде.

Уроженец Алтая, проживавший в Москве, сообщил эту новость, в том числе, и мне. Ещё он поведал, что был знаком с младшей сестрой героя — Анной Павловной, которая жила в центре столицы, в квартире, доставшейся ей после гибели Степана. Та подтвердила ему, что их семья, действительно, некоторое время проживала в селе Вострово Волчихинского района.

К сожалению, мне не довелось застать Анну Павловну. В 2002 году, когда я оказался в Москве, её квартиру уже занимали чужие люди. Однако она успела донести до Алексея Котенёва ещё одну сенсацию. Сестра героя войны утверждала, что на Алтай Супруны приехали... из Канады. Но в многочисленных печатных публикациях о Степане Павловиче этот факт отсутствовал. Впрочем, в последние годы в Рунете данные сведения появились.

Дело, в пересказе Котенёва, происходило так: Павел Михайлович Супрун — отец Степана и Анны, был батраком у помещика в родном селе Речки Сумской губернии. Они повздорили, и батрак поджёг у помещика то ли дом, то ли амбар. Чтобы избежать уголовного преследования Павел Супрун бежал в Канаду, куда затем переехала и его семья.

Это произошло в 1913 году, когда Степану было шесть лет. Более десятка лет семья жила в городе Виннипег. Там будущий герой окончил неполную среднюю школу. Известно, что его отец был членом компартии

Канады, а Степан вместе с братьями Григорием и Фёдором в 1922 году вступил в Лигу молодых коммунистов.

Прыжки со второго этажа

В СССР семья Супрунов вернулась в 1924 году. Причём, не на прежнее место жительства на Украине, а в село Вострово Волчихинского района. Как рассказывала Анна Павловна писателю Алексею Котенёву, в этом населённом пункте жили их дедушка и бабушка, а также тётя (сестра отца) Анастасия Бутина с семьёй.

Мне удалось разыскать её сына Григория Бутина, двоюродного брата Степана Супруна. Он проживает в селе Селивёрстово Волчихинского района, является участником Великой Отечественной войны, ветераном педагогического труда. Григорий Андреевич сообщил, что в семье Павла и Прасковьи было шестеро детей: Григорий, Фёдор, Степан, Андрей, Александр и Анна. В его памяти сохранились детские воспоминания о том, что младшие ребята хорошо учились в школе. Также он запомнил, что Супруны одинаково хорошо владели русским и украинским языком, а также изъяснялись на французском. Местные ребята, по словам Григория Андреевича, с удовольствием повторяли за ними незнакомые слова и быстро запоминали их.

По словам Бутина, в Вострове семья Супрунов наравне со всеми занимались крестьянским трудом. «Дети выполняли всю работу, но ещё успевали добывать дополнительную еду. Времена в деревне были тяжёлыми. Приезжие ребята наравне с местными ловили рябчиков, глухарей и даже воробьёв, на каждую дичь придумывали своё приспособление, удили рыбу. Эта детская помощь не была лишней».

Григорий Андреевич с удивлением подчёркивает, что в сталинские времена никто из Супрунов и их родственников не был репрессирован, хотя много было «непонятных моментов»: проживание в Канаде, возвращение, командировки Степана за границу...

Известно, например, что в 1937 году его исключили из партии в связи с уголовным делом видного советского военачальника Яна Гамарника, однако, благодаря положительной характеристике сослуживцев, восстановили в течение двух дней.

Была в биографии Степана Супруна, как, впрочем, и у Валерия Чкалова, короткая отсидка в тюрьме: техник Стрижёв непреднамеренно приземлился на его самолёте за границей, у польского города Лида.

Директор Волчихинского краеведческого музея Владимир Комаров

рассказывал мне со слов ныне покойного Фёдора Бутина — брата Григория, что Степан Супрун ещё в Вострове мечтал о полётах. В селе поныне стоит двухэтажный дом, в котором сейчас располагается администрация, — так вот, будущий знаменитый лётчик прыгал на землю со второго этажа этого здания. Так он показывал ровесникам, что ничуть не боится высоты.

Прожили Супруны в Вострове около года. Потом переехали в Алматы, Фрунзе, осенью 1925 года семья вернулась в Украину, в Белополье. Степан пошёл в ученики к кустарю-каретнику. Затем работал столяром в комитете по борьбе с безработицей города Сумы. В 1928 году устроился на Сумской машиностроительный завод.

Биографы отмечали такой факт: будучи пионервожатым, Степан едва не утонул в реке, спасая двух пионеров.

Лётчик-ас

В 1929 году началась военная биография Супруна. Через год он окончил школу младших авиационных специалистов в Смоленске, а в 1931-м — военную авиационную школу пилотов. Службу проходил в Бобруйске и Брянске, был командиром звена. С 1933 года судьба связала его с Научно-исследовательским институтом военно-воздушных сил Рабоче-крестьянской Красной армии. В ноябре 1937 года Степан Супрун избирался депутатом Верховного Совета СССР первого созыва по Севастопольскому округу. Это свидетельствовало о том, что он был одним из самых известных лётчиков СССР ещё задолго до участия в боях Великой Отечественной.

С мая 1939 до января 1940 года майор Степан Супрун воевал в Китае. Командовал группой истребителей, которая прикрывала важные объекты от налётов японской авиации. В воздушных боях сбил шесть самолётов противника.

В марте 1940 года в составе советской комиссии под председательством наркома чёрной металлургии Ивана Тевосяна, Степан Супрун посетил авиастроительные фирмы Германии, встречался с авиаконструкторами Эрнстом Хейнкелем и Вильгельмом Мессершмиттом.

По словам Григория Бутина, советскому лётчику доводилось летать и на немецких самолётах. Этот факт подтверждается и документально: «во время пребывания в Германии облетал самолеты Vf.109, Heinkel He.100, Спитфайр».

Известно также, что Степан Супрун облетал около 140 самолетов, среди них И-16, И-180, Як-1, Як-1М, И-21, ЛаГГ-1 и другие, участвовал в ис-

*Степан Супрун (второй слева) среди героев войны.
Из газеты «Алтайская правда» за 8 августа 1941 года.*

пытаниях «этажерки Вахмистрова», уже тогда считался одним из лучших авиаторов.

Недаром же, его друг Валерий Чкалов после перелёта в Америку в ответ на вопрос, как он чувствует себя в роли самого бесстрашного человека в мире, ответил: «Я — самый бесстрашный? Тогда вы не знаете Супруна!»

А про один из испытываемых «бортов» (ЛАГГ-3) Степан Павлович выразился так: «На этой штуке делать посадку всё равно, что целовать кобру: опасно и никакого удовольствия» — эту фразу поныне любят цитировать авиаторы.

Известие о присвоении Степану Супруну звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 461 пришло 20 мая 1940 года. Григорий Бутин утверждает, что высшая награда ему присуждена по итогам командировки в Германию. Хотя в официальных документах значится иное: «За мужество и героизм, проявленные в боях...» — за Китай. Там он с июня 1939 по январь 1940 года на И-16 лично сбил шесть японских самолётов, а лётчики его группы — 34 вражеских самолёта.

«Хлопцы! Почин мой!»

В книге Владимира Карпова «Генералиссимус» я нашёл упоминание о том, что Степан Супрун в первые дни войны дважды был на приёме у Иосифа Сталина. Писатель, опровергая утверждения Хрущёва и ряда историков о том, что генсек после нападения фашистов был в прострации, привёл выписки из «Записей, сделанных дежурными секретарями о посетителях И.В. Сталина». Так вот, Степан Супрун побывал у Иосифа Сталина 24

июня — с 20 часов 15 минут до 20 часов 35 минут, и 28 июня 1941 года — с 22 часов до 22 часов 10 минут. Наряду с ним, Сталина посетили в те дни сотни других людей.

Что же обсуждали генсек и авиатор? После неудач первых дней войны, когда фашистская авиация уничтожила большинство советских самолётов на аэродромах и безраздельно господствовала в воздухе, решалось, какими средствами бороться с Люфтваффе. Сталин поручил Супруну сформировать 401-й истребительный авиационный полк особого назначения, который вооружили 32-мя новейшими самолётами МиГ-3. Они были способны противостоять врагу в воздухе.

В Центральном архиве Вооружённых сил России я читал рукописную книгу, в которой собраны сведения о полке, первым командиром которого был Степан Супрун: «27 июня 1941 года по приказу начальника Военно-воздушных сил Красной армии полк убыл в действующую армию на Западный фронт, аэродром Зубово, что в 12 километрах южнее г. Орши, и вошёл в состав 23-й авиационной дивизии. После прибытия на фронт личный состав полка, горя священной ненавистью к озверевшему врагу, смело ринулся в бой.

В тот же день был первый воздушный бой. Его провёл подполковник Супрун — командир сформированного им «особого» полка, состоящего из лётчиков-испытателей, Герой Советского Союза. В районе аэродрома на высоте 1600 метров появился разведчик противника. Со словами: «Хлопцы! Почин мой!» командир полка поднялся в воздух. Отличный мастер воздушного боя, он быстро настиг врага, двумя атаками открывая огонь с минимальной дистанции. Товарищ Супрун сбил Хе-126 на виду у всей части. Так был открыт боевой счёт полка».

1 июля советский лётчик сбил ещё один вражеский самолёт-разведчик. 2 и 3 июля его однополчане сбили восемь самолётов противника, нанесли штурмовой удар по переправе через Березину и по вражескому аэродрому, на котором сожгли 17 самолётов, склады с горючим и боеприпасами.

Это была сенсация: фашисты поняли, что им противостоят секретные самолёты под управлением лётчиков-асов.

Геройство? Плен? Безвестность?

Однако повоевать Степану Супруну суждено было лишь несколько дней.

Утром 4 июля 1941 года командир полка вновь совершил разведывательный полёт. Затем дважды во главе группы сопровождал бомбардировщики. В 13 часов его МиГ-3 вновь взмыл в воздух.

О гибели командира полка Степана Супруна существует несколько версий. В книге «100 известных героев войн» эпизод описывается так: «4 июля, выполняя четвёртый за день вылет, возглавлял группу истребителей, сопровождавшую бомбардировщиков. Вступил в районе города Толочин Витебской области в бой против шести немецко-фашистских самолётов и геройски погиб».

В энциклопедии «Герои Советского Союза» также констатируется, что лётчик Супрун погиб «...в воздушном бою с 6-ю самолётами противника».

Исследователь биографии выдающегося советского лётчика-испытателя А. Мельников приводит некоторые подробности гибели: «Посадил горящий самолёт на поляне у опушки леса возле посёлка Крупки, но из кабины выбраться не успел. Раздался взрыв, и Супрун погиб».

А помощник начальника штаба авиадивизии, капитан Андреев в секретном рапорте констатировал, что «...во время следования к цели подполковник Супрун С.П., со слов участников полёта, шёл далеко впереди и выше. На обратном пути после разворота подполковника Супруна в строю не было. Так как он был далеко от строя и много выше его, то момент его гибели никто не определил».

Немецкая пропаганда объявила Супруна сдавшимся в плен. В связи с этим Сталин лично распорядился провести поиск пропавшего без вести лётчика, которого он знал и ценил.

Командир 23-й авиадивизии Нестерцев по итогам расследования доложил «наверх», что Супрун «...снился до малой высоты, и, по-видимому, был сбит огнём с земли. В районе Толочина были найдены сгоревший самолёт и труп лётчика».

По сведениям А. Мельникова, 5 июля 1941 года Степан Супрун был похоронен местными жителями возле деревни Монастыри. А уже на следующий день в деревню вошли фашисты.

Решающим в идентификации погибшего лётчика стало то, что 9 июля 1941 года в штаб дивизии пришёл крестьянин, который принёс значок депутата Верховного Совета СССР, «Золотую Звезду» № 461, обгоревшие документы и пистолет ТТ.

Но только в 1960 году, почти через 20 лет после гибели Степана Павловича, его брат, полковник Фёдор Супрун возобновил поиски места гибели Степана. С помощью сотрудников Толочинского военкомата и местных жителей были обнаружены останки лётчика и детали его самолёта.

В июле 1960 года останки Степана Супруна захоронили на Новодевичьем кладбище Москвы.

Бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза установлен в Сумах. Именем Супруна названы улицы в Москве, Борисове, Сумах, селе Речки. В этом населённом пункте установлена стела, в городе Белополье — барельеф.

Но и мы теперь вправе гордиться, что первый дважды Герой Советского Союза в Великой Отечественной войне жил на Алтае. Кстати, в годы войны его родители вновь возвращались в село Вострово, где их чтили как родственников знаменитого авиатора.

МУЖСКАЯ ДОЛЯ

Из записок фронтовика-окопника

Степан Згорышев — автор воспоминаний, рассказов и книги «Мужская доля», в которых рассказывает о войне. Около 50 лет работал в школах Благовещенского района. Живёт в селе Глядень-1 Благовещенского района.

Маршевики

Запасной полк — это военная учебка с полуголодным солдатским существованием, опостылевшей бестолковой муштрой усердных наставников, накрепко окопавшихся в глубоком тылу.

А маршевики — это воины, направляющиеся на фронт после окончания службы в запасном полку. Они одеты во всё новенькое. Из прошлой жизни у них только содержимое вещмешка: письма от родных, фотографии, тёплые носки, связанные руками матери, носовые платки от девушек и кисет с махоркой. Это — самые дорогие вещички будущего солдата, с которыми он не расстанется в окопах, госпиталях, при переформированиях. Настроение выше среднего от дорожной свободы и ощущения, что едут защищать родину.

Из впечатлений железнодорожной поездки: бедняцкий набор снеди на перронах, и женщины, машущие руками вслед уходящему поезду. Они почему-то смотрят на солдатиков, как на обречённых, как будто знают на-

перёд их нелёгкие фронтовые судьбы. Эти грустные взмахи рукой, словно прощание.

По мере приближения к западу в вагонах стихают разговоры. Давит предчувствие неотвратимой опасности. Это ещё не страх, а только зарождающаяся боязнь чего-то. Но она уже засела под сердцем. Двойственные чувства оставляют встречи с санитарными поездами: сострадание к чужому увечью смешивается с мальчишеской завистью к героям, получившим свои отметины, и гордящиеся ими.

Наконец, кончилась дорожная свобода. Солдатами снова командуют, куда-то ведут. Привычная необходимость подчиняться. Ни одной мысли в голове, только инстинкты: не отстать от строя, не затеряться. Долго идут в болотной темноте. После приглушённой команды «Привал» падают на грязную землю и сразу же засыпают.

Солдат проснулся от резкой боли в боку. Встал, размялся. Сквозь предсветную мглу видны деревья могучего прежде леса, а теперь опустошённо дикого, изрытого траншеями, воронками с изувеченными и нагромождёнными деревьями. Здесь нет птиц, зверушек, даже муравьёв.

Недалеко от воина из земли виднелось что-то знакомое. Подошёл ближе — да это же валенок! Ткнул его ногой, ниже голенища увидел бледную зелень ватных солдатских брюк. Поразила догадка: да это ж нога человека! Он был убит зимой, поднявшись из траншеи на бруствер, пролежал там до весны, талые воды смыли труп вместе с почвой головой вниз, затянули глиной. Подумалось: а что, если он был ранен, долго ожидал помощи, замёрз...

Штабной писарь сообщил родным погибшего, что тот пропал без вести. Дома будут вечно томиться в тоске и горечи, не веря в эту безвестность, и бесконечно, безнадежно ждать...

Страшно стало молодому фронтовику. Даже не смерти, а такой вот безвестности. Недаром же говорят, что на миру и смерть красна.

Первый бой

Вечером в землянке новый командир пулемётного расчёта ознакомился с однополчанами. Сафронич оказался земляком, с реки Бии, из таёжных мест. Прежнее колхозное житьё характеризовал так: «Люди поначалу работали хорошо, по давней привычке. А потом стали кое-как: платы ж почти никакой не было, работали за «палочки».

Сафронич — первый номер расчёта, к тому же трижды ранен.

Кубанский казак и бывший моряк Кузьма — тоже фронтовик. Поразила его история: во время раскулачивания деда расстреляли как заложника, семья подалась к Чёрному морю. По дороге от тифа умерли мать и младший брат. А Кузьма с отцом прибились к рыбацкой артели. Отец погиб ещё в начале войны. Кузьма так говорил: «Конечно, обидно за издёвку над семьей. Но Родину защищать буду, это ж совсем другое дело».

Сеня — тихий колхозник из Калужской области оказался сметливым и сильным.

А Устымчук из Западной Украины — шустрый и хитрый проныра. Но он, кажется, искренне недоумевал, зачем людей загонять в колхоз, отбирать их землю, когда они и так живут хорошо.

«Киношный» станковый пулемёт «Максим» оказался тяжёлой ношей — 66 килограммов, если на катках, а в станке — 32. Даже в разобранном виде пятёрке расчёта его переноска даётся нелегко. Болят плечи, хотя на них подкладывают пилотку, набитую травой.

... Перед наступлением подняли по тревоге. Накануне марша провели митинг. Узкоплечий, горбоносый политрук призывал отомстить за смерть наших бойцов. Он размахивал руками, показывая, куда надо идти, иногда невпопад.

Кузьма не вытерпел:

— Поглядите, какие у него руки белые. Такими не копают окопы. И учит нас, что нам делать. Будто мы сами не знаем, куда идти. Мы-то пойдем, а он...

Сафроныч покачал головой:

— Дурак ты, казак. Язык до Колымы доведёт...

Потом перед строем конвоиры вывели шустрого солдатика в шинели-распашку, без погон, ремня и обмоток. Из приговора было неясно, драпа-

нул ли тот с передовой, или болтанул чего лишнего. Но наказание сурово: штрафная рота до искупления вины кровью. Но солдатам подумалось, что не сытые судьи в новых плащ-накидках должны бы судить однополчанина, а они сами. Стыда бы и раскаянья было больше. И солдатик бы исправился.

Наконец, после ночного броска на передовую, пулемётному расчёту указал диспозицию лейтенант Арбузов. «Ваньку-взводного» отличает от других офицеров то, что у него гимнастёрка грязная спереди, потому что он по-пластунски ползает вместе с бойцами. «Наблюдайте за противником, засекайте огневые точки. Когда батальон пойдёт в атаку, нам приказано поддержать огнём вторую роту. Следите за сигналом...»

После того, как в небо взвилась красная ракета, успели пострелять Сафроныч, командир расчёта и даже подносчик патронов Сеня. Однако быстро пришла пора отходить на запасную позицию. Неприятель уже засёк расчёт и начал миномётный обстрел. Вон уже на щитке пулемёта свежая царапина, а вокруг разрывы.

У фрицев удалось отбить только две траншеи. В некоторых местах окопы отстоят не более пятидесяти метров друг от друга, даже слышна немецкая речь. И хотя можно докинуть гранату во вражескую траншею, этого не делают, потому что потом противник не даст покоя новыми обстрелами.

Приказ атаки. «Максим» сейчас бесполезен, ещё своих подстрелишь. Бойцы поднимаются над брустверами. Впереди командира расчёта драпает невысокий коротконогий вражеский солдат. Бежит быстро. Виднеется красная полоска шеи между каской и воротником мундира. Его можно подстрелить, но лучше сразить штыком. Смущает одно: колоть в спину — дело бесславное. Надо догнать, окликнуть, пусть встретит смерть грудью.

Немец уже добежал до широкой траншеи, приготовился перемахнуть через неё. И тут командир пулемётного расчёта видит у бруствера чёрную дырочку нацеленной на него винтовки. Толстяк случайно толкнул эту винтовку, пуля взвизгнула у самого уха атакующего. Он видит крутолобую каску, суетные движения руки, передёргивающей затвор. Быстро перехватывает винтовку прикладом вверх и наносит удар противнику — в плечо около самой шеи. Внизу раздаётся страшный крик, тело на штыке обвисает, тянет за собой винтовку.

Воина, убившего первого врага, бросает то в жар, то в холод. Во рту сделалось сухо, руки ослабли. На душе мерзостно, гадко. Хочется бросить винтовку и взять другую, вон их сколько валяется возле убитых солдат...

Фашистский внук

Привал возле деревушки в лесу. Все дома в ней сгорели, лишь кое-где виднеются крыши уцелевших сараев, да землянки. Во время обеда к воинам подошёл старик с белой бородой и белыми же редким волосами. Пригласили его пообедать, тот не отказался. Повеселел, пошёл домой, принёс невод. За дедом трусил мальчонка лет трёх в старенькой рубашонке и ветхих штанишках. Лицом он был бел, а волосы рыжеватые.

Уха получилась знатная. Старику и мальчику налили ухи в один котелок. Дед угощал мальчика лучшими кусочками, иногда утирая ему нос. А когда старшина поднёс деду пайковую стопку спирта, тот повеселел, стал рассказывать, как жили под немцем, жалел сынов, погибших в партизанах во время подрыва моста.

— А старший мой служит в армии, вместе с вами воюет. Оленич прозывается. Не доводилось кому встретиться? Где там, — народу тьма...

Дед поправил на мальчишке одежку, вздохнул:

— Сын служит, а дома беда. Большая беда. Вот она, рядом сидит, — и старик положил загорелую руку на голову внука. — Такое горе, что вовек не расхлебать...

Пришли немцы к зиме. Стали на постой. Зажили как хозяева, мерзавцы. Сожрали всё съестное. Принесёт фашист курицу, бросит на пол, прокаркает: «Шнель, матка!» Старуха и варит. А что поделаешь? Неволя.

Ушёл дед однажды дровишек набрать в лес. Сноху постояльцы заставили пол мыть у них. А они, подлецы...Ох, братцы... Услыхала старуха, будто сноха крикнула. Бросилась в защиту. Там немцы сноху сильничают. Старуху отбил насильник пинком в бок, та и присела у порога.

Прихожу домой, а старуха стонет, сноха ревет, и волосы на себе рвёт. Еле толку добился. Гнев меня одолел, а что сделаешь, когда вся семья на мне, погубишь её.

Старуха скоро умерла. Сноха лицом почернела. Немцы ушли, а у нас всё равно как в могиле. Настродалась она, бедная, и я с ней горюю.

— Рожу вам дитя, да семья чужое, — говорит она. — Что вы скажете?

— Всё от бога, — отвечаю. — Ты не виновата.

— А Михась виноват, что я ему чужое дитя поднесу? — бросилась на кровать и рыдает. Пыталась сделать и плохое над собой, да я доглядывал зорко.

А тут весть пришла от партизан, что сыны погибли, Игнат и Матвей. Две недели в беспмятстве пролежал. Сноха выходила. Потом родился у

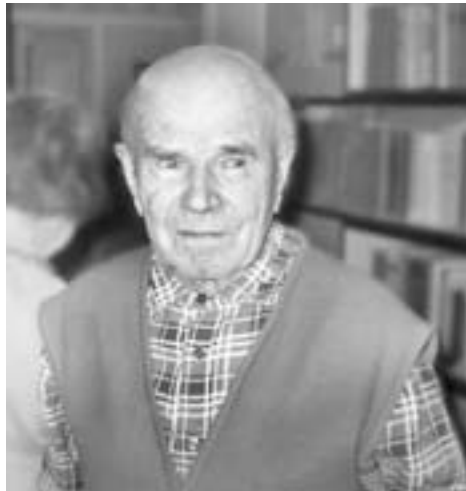
Марийки сын. Семя чужое. Да ведь невинная душа, внук он мне, и всё! Марийка поначалу смотреть на него не хотела. На коленях её просил не губить ни его, ни себя. Послушала. Успокоилась малость. А пришли наши, опять затосковала, сникла, сумная ходит.

Нынешней весной при своём отступе опять зашли в деревню немцы, человек шесть. Увидела их Марийка, схватила топор, притаилась в сенах. Насилу упробил: куда на шестерых с топором-то. Послушалась, но вечером поманила меня из хаты. Вышёл я с внуком. Она припёрла дверь покрепче, зажгла припасённую солому. Немцам капут. Другие уже в отместку всю деревню спалили. Пострадали люди, но никто нас не укорил, понимали.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЁМ

Воспоминания фронтовика с рисунками, сделанными на войне

Михаил Шумихин — старожил Барнаула. Он родился 3 октября 1913 года. Я встречался с ним, когда ему исполнился 91 год. Среди его первых детских впечатлений — страшный пожар 15 (2 по старому стилю) мая 1917 года. Отец пятилетнего Михаила — ломовой извозчик, срочно погрузил немудрёный скарб, младших детей на телегу и направился сквозь удушливый дым с Павловской улицы (ныне — Анатолия) через мост на правый берег Барнаулки, которого огонь не достигал. Потом Шумихин учился в 22-й школе, между прочим, в одном классе с будущим писателем Сергеем Залыгиным.

После школы продолжал учёбу, работал, был репрессирован, освобождён «вчистую». В 1935-1937 годах служил в армии. На войну отправился по мобпредприсанию 27 июня 1941 года. Механик авиаполка Михаил Шумихин вёл дневник, делал карандашные зарисовки. Несколько блокнотов изготовленных им из листовок и обёрнутых перкалью удалось сохранить. На их основе во второй половине 1980-х годов написал рукопись фронтовых воспоминаний «Испытание огнём», которая хранится в военно-историческом отделе краевого краеведческого музея.

После войны Михаил Родионович работал на ряде промышленных предприятий Барнаула, в том числе более четверти века — начальником отдела аппаратурно-механического завода.

Активно занимался техническим усовершенствованием производства, изобретательством. Летом 1966 года впервые прошёл на моторной лодке от Барнаула по Оби и Бие до Телецкого озера.

Михаил Шумихин — старейший самодеятельный художник краевого центра. Неоднократно выставлял карандашные и акварельные рисунки с фронтовыми зарисовками, портретами известных людей и видами старого Барнаула.

Вместо фронта — муштра

Авиатора, как и иного другого воина, прежде чем отправить на фронт, учат воевать. Первые недели после того, как покинул Барнаул, Михаил провёл в лётной школе сначала в Красноярске, а затем в Кемерове, где вспоминал обязанности авиамеханика, полученные на срочной службе.

Особенно солдатиков удручало, что они страшно далеко от фронта. Изводила, как им казалось, излишняя муштра. На кой чёрт отработывают парадный шаг? «Ножку выше. Поднимай на 40 сантиметров. Носок вытянутый. Ножку ставь. Печатай всей ступнёй».

Кому это надо?! Лучше бы организовали изучение материальной части. Вся эта «прусская муштра» вызывает глухой протест во время отчаянной опасности для страны.

Непонятно бессилие Красной армии. Ещё совсем недавно все пели:

*«Ведь от тайги до Британских морей —
Красная армия всех сильнее!»*

Стыдно за свою страну, где начало войны повторяет вторжение германских полчищ в Польшу. Убивает какая-то бестолковщина. Что-то не так где-то... А может во всех звеньях...

Из газет и радиосообщений ничего не поймешь. Хотя ясно, что драпаем — будь здоров! За все первые недели только раз промелькнуло обнадеживающее: где-то в районе Киева приземлился немецкий бомбардировщик, экипаж в составе трёх лётчиков сдался в плен. Но и это сообщение больше похоже на лобовую пропаганду. О наших войсках, массово попавших в плен, не сообщается.

Вести с фронтов очень тревожные. Напор вражеских армий не ослабевает от Белого моря до Чёрного. Особенно далеко враг вклинился на юге и Западном фронте. По приговору военного трибунала расстрелян командующий

Западным фронтом Дмитрий Павлов, Герой Советского Союза и несколько других высших и старших офицеров. Это событие оставило тяжёлое впечатление. Но, ни Павлов, ни другие военачальники не объявлены «врагами народа». Значит, расстреляны за неумение.

Положение на Западном фронте, отступление наших войск вызвали разные слухи, толки. Появились элементы раскола, антагонизма между командным составом и рядовыми.

Недавно Михаил оказался случайным свидетелем разговора пилота-инструктора Николая Чудова с командиром звена лейтенантом Кирилловым. Начала разговора не слышал. Запомнилось, что лейтенант перечислял «грехи» срочнотружущих (так он называл рядовых и сержантов): расхлябанные, утратившие дисциплину, неорганизованные и так далее. А командиры, кадровые военные, по его мнению, люди несгибаемые, мужественные, верные, они ведут людей на подвиги.

— Так должно быть, — поддакнул Чудов. — Но что-то непонятно, почему войска наши, под руководством «мужественных командиров» всё пьются. Враг уже крадётся к Ленинграду, Москве... И вообще, пока судят генералов и высоких командиров. Наверное, срочнотружущие не предают.

— Генералов мало, потому их видно, — защищался Кириллов.

— Мужественными они, видать, были, пока ели хлеб, выращенный срочнослужащими. Пользовались техникой, построенной ими же. Нельзя, товарищ лейтенант, валить всех в одну кучу. Есть прекрасные командиры и отличные рядовые и сержанты. Нелегко мне, товарищ лейтенант, говорить такое, но неправильно, бестактно упрекать во всех бедах только солдат.

Надо отдать должное Кириллову, у него хватило выдержки, чтобы не рывкнуть: «Молчать!»

Как не стать «придурком»

С первых дней пребывания в части Шумихин чётко организовал режим работы. Сразу после ухода лётчика сливал масло, пока оно горячее, жидкотекучее. Потом обтирал мотор, швартовал самолёт на три точки и удалял набившийся снег из костыльной части фюзеляжа...

Свободное время использовал для изготовления различных вещей и приспособлений. Из трофейного альтметра, сменив шкалу, сделал прибор для замера наличия бензина в баке, когда самолёт находится на стоянке. Наловчился изготавливать кое-что для облегчения солдатского быта, вроде светящегося циферблата часов, курительной трубки, мундштука, портсигара...

Однако это едва не сыграло злую шутку. Начали одолевать начальники разных рангов, начиная от командира экипажа, и кончая полковником, командиром какой-то службы 6-й воздушной армии. Товарищам, офицерам своего полка делал вещицы как бы «в счёт добрых отношений». Но появились заказчики, готовые компенсировать труд, освобождая техника по обслуживанию самолёта от выполнения прямых фронтовых обязанностей. Так можно превратиться в «полкового придурка».

Пришлось поделиться настороженностью с замполитом полка Зыриным. Разговор зашёл в тот момент, когда изготавливалась полковнику Мухину монограмма на рукоятке браунинга. Для этого занятия инженер эскадрильи освободил его от обслуживания техники на три дня, передав, по поручению командира полка, пистолет с патронами, серебряный полтинник

чеканки 1924 года и бумажку с текстом: «Полковнику Мухину от командующего Московским ВО за успехи в подготовке войск». Таким образом, солдат превратился в хранителя чужого, неположенного по штату оружия; нарушителя валютной системы СССР; халтурщика, взявшегося за ювелирную работу без наличия элементарных инструментов.

Но Зырин заявил, что, мол, никаких нарушений нет, за всё отвечает «заказчик», и следует выполнять приказание.

Как же не тяготиться исполнением таких заказов? Но со временем удалось поставить дело так, что, заставляя изготавливать какие-то вещицы, хотя бы не освобождали от службы и прямых обязанностей.

Винт для Тимура Фрунзе

Тимур Фрунзе.

19 января 1942 года, во время откомандирования в мастерские Вышнего Волочка на ремонт самолёта, не доезжая до Крестцов, старший сержант Шумихин попал под обстрел пикировщиков, штурмовавших Ленинградское шоссе. Машину с разобраным «бортом» пришлось загнать в лес. Когда вражеская авиация исчезла, справа появился в воздухе дымящийся Як-1, стремительно приближавшийся к земле. Над ним пронеслись два Ме-109, круто взявших курс в сторону фронта. Было ясно, что советский истребитель подбит. Через несколько секунд он упал, взметнув в небо султан земли

и снега на расстоянии 300-400 метров от шоссе.

Уже в Крестцах Шумихина остановил мотоциклист: «Слушай, старший сержант, отдай винт. В нашем полку несчастье — погиб молодой лётчик. Надо на могилу, — возбужденно просил старший лейтенант.

— Не могу этого сделать. Прав нет, — отвечал командированный.

Но офицер посадил его на мотоцикл, подвёз к приготовленной могиле. Пилот лежал на носилках, в лёгком обмундировании. Белое, обескровленное, тонкое и красивое лицо. В петлицах два кубика — лейтенант.

— Знаешь, кто это? — спросил старший лейтенант, и, не ожидая ответа, промолвил: — Тимур, сын Фрунзе, воспитанник Ворошилова.

А обстоятельства его гибели были такими. В боях за Старую Руссу для прикрытия стрелковой части было направлено два истребителя. Вскоре у

линии фронта показалась большая группа бомбардировщиков Люфтваффе. Наши «ястребки», не раздумывая, атаковали эту армаду. Сбили ведущего, расстроили ряды вражеских самолётов. Противник после некоторого замешательства сбил советского ведущего. Тимур Фрунзе продолжал бой, повредил ещё два вражеских самолёта. Но и у нашего «ястребка» отказал мотор, закончился боекомплект, а лётчик был ранен. Всю эту картину видели сотни бойцов на земле. Истребитель, преследуемый противником, не дотянул до аэродрома около пяти километров.

Старший сержант Шумихин отдал винт на могилу Тимура. Но предстоял нелёгкий разговор с приёмщиком самолёта. Ведь теперь борт был разукомплектован, а это грозило серьёзными неприятностями.

Отсутствие винта обнаружилось сразу же. Во время объяснений с приёмщиком, который стоял на том, что даже «обломки» необходимо предъявлять вместе с самолётом, приблизилась фигура в бурке и папахе. Полковник поинтересовался, о чём так горячо спорят. Приёмщик доложил, что самолёт доставлен недоукомплектованным, без винта.

— Что, там, у Котова, в 676-м полку без винтов научились летать?! — нахмурился полковник.

Пришлось признаться:

— Винт, товарищ полковник, отдан на памятник Фрунзе.

— Кому-кому?

— Лейтенанту Тимуру Фрунзе, погибшему сегодня.

Полковник расспросил, когда и как это случилось, внимательно выслушал подробности боя и геройской смерти Тимура.

— Молодец, правильно поступил, старший сержант. От лица службы объявляю благодарность! По возвращении в полк, доложите обо всём случившемся командиру полка.

Тому ничего не оставалось, как выдохнуть:

— Служу Советскому Союзу!

Героическое и смешное — рядом!

На Северо-Западном фронте совершил свой подвиг Алексей Маресьев — об этом были публикации во фронтовой газете, задолго до выхода книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Многие лётчики были знакомы с Маресьевым лично. Хорошо знали и имена лейтенанта Девятаева, а также сына Героя Советского Союза Николая Каманина, в 16 лет ставшего авиатором, и заслужившего орден Красного Знамени.

*Однополчане:
Иван Завражнов,
Африкан Ерофеевский,
Алексей Гаранин.*

Однажды, во время налёта немецких пикировщиков, укрывшись в щели, старший сержант Шумихин оказался рядом с корреспондентом армейской газеты «Сокол Родины». Он рассказал о лётчике с многозначительной фамилией Иван Великий. До войны тот был машинистом паровоза, успел окончить лётную школу. На фронте быстро завоевал авторитет, в 1942 году был уже майором, командиром эскадрильи.

Однажды случилось так, что, возвращаясь с задания, он попал под преследование «Мессершмиттов».

Чтобы оторваться от противника, авиатор направил Пе-2 (пикирующий бомбардировщик Петлякова) вверх — только так удалось оторваться от вражеских самолётов. Но к этому времени высота приблизилась к восьми тысячам метров, а экипаж был без кислородных масок. Иван кислородное голодание преодолел, но штурман и стрелок-радист потеряли сознание и очнулись только на аэродроме.

Был у Ивана Великого случай, о котором не сообщали газеты. Возвращаясь с ночной разведки на свой аэродром, накрытый туманом, он немного отклонился от посадочной полосы, и, почувствовав удар шасси, пошёл на второй круг. Ему удалось-таки сесть на «брюхо». Оказалось, что при первой попытке самолёт захватил зенитку за задранный ствол, немного протащил её и «обронил» в кустах. Для зенитчиков, отсутствовавших в данный момент на посту, это была «ночь позора» — потеряли пушку! Они надолго стали объектом насмешек, а Иван Великий — образцом непревзойдённого мастерства, собранности и мужества.

Ещё один лётчик по имени Борис Гомолко в одном бою сбил сразу двух бомбардировщи-

ков. Одного уничтожил пушечным огнём, а второго протаранил. Свой повреждённый самолёт посадил рядом со сбитым им же вражеским бортом. На земле противники встретились вновь. От сбитого «Хейнкеля» навстречу ему бежали два врага, но сержант Гомолко опередил их, выстрелил первым. Одного убил наповал, второй понял руки. Советский лётчик доставил пленного фашиста в ближайший штаб.

К сожалению, Борис Гомолко погиб через 16 дней после совершения этого беспримерного подвига, 24 сентября 1942 года. Ему, как и Тимуру Фрунзе, было всего 19 лет.

Кроме наркомовских 100 граммов

Ещё в начале войны был доведён приказ Верховного главнокомандующего, касающийся поощрения лётного и технического составов. Лётчику, совершившему 100 боевых вылетов, выплачивалось, кроме штатного оклада, денежное вознаграждение в размере пяти тысяч рублей. А технику за обеспечение безотказной работы матчасти в этих самых 100 вылетах, начислялось три тысячи. Кроме того, за каждые 100 боевых вылетов экипаж, включая техника или механика, представлялся к государственной награде.

Однако вскоре размеры денежного вознаграждения были пересмотрены в сторону уменьшения. Техникам стали выплачивать в три раза меньшую сумму.

За три года пребывания на Северо-Западном фронте техник Шумихин получал наградную сумму девять раз. Финчасть, по его заявлению, перевела 21 тысячу рублей матери в Барнаул. Он осуществлял переводы домой и из своего должностного оклада — 450 рублей в месяц. Кроме того, мать получала по 150 рублей ежемесячно за воина действующей армии.

Если денежные вознаграждения выдавались относительно чётко, то с наградами было сложнее. Не всегда было понятно, почему, например, за те самые 100 боевых вылетов пилот награждался высшим в то время военным орденом, а штурман — лишь медалью. Ведь лётчик только выводил самолёт на цель, кстати, по маршруту, проложенному штурманом, который и накрывал цели на земле, прицельно сбрасывая бомбы. Штурман выполнял очень сложные задачи и подвергался не меньшей опасности.

Кроме того, в деле награждения было немало иных факторов: реформирование части, смена командования, нахождение в госпитале и многое другое, в том числе личные взаимоотношения командира и подчинённых.

Полковой писарь старшина Тищенко рассказывал, как командир эскадрильи капитан Савинцев, человек беспристрастный и уравновешенный, отказался подписывать представление о награждении в момент, когда борьба за «Рамушевский коридор» склонялась в пользу врага.

— Вы что, сдурели?! Отступаем, и просим за это ордена и медали... Куда думаете их навешивать? Не на пятки ли, чтобы всем было видно, как смело драпаем!

Впрочем, кажется, и за орден, и за медаль доплачивали одинаково — по 10 рублей в месяц.

Лётчик «Норманди-Неман» Ролан де ля Пуан, Герой Советского Союза.

Оглушающая тишина

У людей причастных к авиации в годы войны была серьёзная льгота: случалось, что им предоставлялся отпуск с пребыванием в доме отдыха воздушной армии. Это казалось чем-то несбыточным.

Такая удача выпала и старшему сержанту Михаилу Шумихину. Дом отдыха располагался на территории Калининской области, до войны в нём проводили досуг работники Московского мясокомбината имени Микояна, а при царском режиме хозяином был какой-то помещик с немецкой фамилией. В хвойном лесу высилось обширное двухэтажное здание с шатровыми башенками, зимним садом и бильярдной.

Непривычная мирная обстановка располагали к сладким снам, лыжным прогулкам в сказочном, серебряном лесу. Начмед называл эти места «лирическими». Он утверждал, что здесь любил работать на пленэре художник Исаак Левитан. Спокойная среднерусская природа как будто специально создала этот уголок для отдыха и восстановления сил издёрганным, измотанным войной людям. Тишину нарушали только ветерок, игравший в кронах сосен и елей, шум крыльев пролетающих птиц, да изредка стрекот сороки. Солдаты, отвыкли от таких ощущений за полтора года войны, ведь им приходилось слышать только «музыку Молоха». Казалось, что эта тишина первозданного покоя оглушает.

В доме отдыха можно было подлечить фронтные болячки, отведать почти домашнюю пищу, приготовленную женскими руками.

Во время медосмотра один лейтенантик настойчиво внушал врачу, что он страдает «острым отсутствием аппетита», полагая, что медик назначит ему двойную дозу «Московской особой».

Однако седой врач-полковник, пристально осмотрев просителя, прокашлялся, и сказал медсестре:

— Запишите в карточку лейтенанта: водку из меню исключить! Только вино в обед. Пусть отвыкает!

Но чаще всего отдыхающие проводили время в бильярдной и библиотеке.

Фронтальная свадьба

Среди отдохнувших в доме отдыха оказался Александр Кондин, лётчик истребителя. Накануне авиатор был легко ранен. Он был известен тем, что отлично играл в бильярд. И ещё тем, что собрался жениться...

Довольно скоро стало известно, что его избранницей стала не невеста из родного городка, не «полковая подруга», а местная официантка. Причём, довольно симпатичная.

Лётчик долго добивался разрешения у командования на женитьбу. Рассказывали, что дошёл до командира дивизии. Рапорт не сработал. Но неожиданно в этом деликатном деле ему помог командарм.

27 февраля состоялась свадьба Александра Кондина. По этому случаю в столовой были накрыты столы для круга обретенных друзей, а также для подруг и родственников невесты.

После поздравления молодых и возлияния напитков домашнего изготовления все чинно отправились на покой. Такое необычное для фронта событие, как свадьба, казалось чем-то абсолютно нереальным. Оно напомнило, что у всех есть довоенное прошлое, семьи, родные, любимые, друзья. Но как всё это было далеко!

ЖИВОЙ ГЕРОЙ

Дмитрий Бакуров, один из немногих оставшихся алтайских Героев Советского Союза, живёт в Новосибирске, но связи с малой родиной не теряет, навещая в Каменная-Оби, Каменский, Усть-Пристанский и Панкрушихинский районы, где когда-то жил.

Зелёная пуговица

Мальчишкой и подростком Дима Бакуров мечтал служить моряком, даже выучился заливчато плясать «Яблочко». Потом хотел стать лётчиком.

Перед самой войной на побывку пришёл земляк, принимавший участие в событиях на Халхин-Голе. Он подарил Диме пуговицу с шинели. Она была совсем не блестящей, как представлялось алтайскому пареньку, а зелёной, блёклой. Школьник догадался, что, значит, большая война будет уже скоро. Да это особо и не скрывалось: газеты и радио твердили о том, что если будет война, то только победоносная. И непременно — на чужой территории.

Тем временем учащиеся старших классов школ спешно обучали стрельбе из мелкокалиберной винтовки, а также азам противохимической и санитарной подготовки, добивались сдачи норм ГТО.

Однако ни моряком, ни лётчиком Дмитрию Бакурову не довелось быть. Судьба и военное командование распорядились так, что он четверть века, в том числе и почти четыре фронтовых года, отдал артиллерии и ракетным войскам. Одним словом, сполна познал, что такое зелёная пуговица на мундире.

Школу-десятилетку Дима окончил накануне начала войны. Успел поработать в Панкрушихе и Усть-Пристане, рвался на фронт, но его всё не брали из-за возраста. Пришлось «потерять» метрическую запись о рожде-

нии. С тех пор у него путаница в документах и две даты рождения – 7 ноября 1923 года и 7 февраля 1922 года.

Днепровский приступ

В самый канун нового, 1942 года, после окончания Томского артиллерийского училища, стал младшим лейтенантом. Прошёл фронтовыми дорогами пол-России, а потом ещё и пол-Европы.

25 сентября 1943 года батарея 19-летнего капитана Бакурова сразу после форсирования Днепра уничтожила до двухсот фашистов, семь пулемётных точек, четыре танка, несколько миномётов и орудий. Недели через три бежит к нему почтальон, размахивает газетой, и кричит: «Комбат, ты герой!» Тот — ему: «Да какой же я герой?!» Оказалось, что в той газете опубликован указ Президиума Верховного Совета о присвоении капитану Бакурову звания Героя Советского Союза.

Но награду Дмитрий Алексеевич получил только в 1944 году — как раз на Новый год. К тому времени дивизия вышла к государственной границе страны 1939 года, и 47 её воинам были вручены медаль героя, грамота и орден Ленина.

Командир полковой батареи 76-миллиметровых пушек так и тягал тяжёлые орудия до конца войны вместе с почти сотней своих бойцов и 60 лошадьми. Однако случалось, что пушки проваливались в сугробах, а лошади и люди выбивались из сил. Но отставать от части никак нельзя — можно и под трибунал попасть. И вновь выручала солдатская выдумка — орудия двигались на самодельных лыжах-санях. Их для передвижения пушек по глубокому снегу придумали пятеро артиллеристов батареи. За это новшество комбат представил солдат к наградам.

Ещё сложнее было преодолевать болота и реки. Здесь также надежда была на смекалку бойцов, да ловкость сапёров.

Чубчик золотой

Фронтовые тяготы без разбору доставались и героям, и негероям.

Случалось, вши заедали бойцов. Одежду-то — ватные брюки, гимнастёрку, шубу или фуфайку, иногда не снимали месяцами. Сибиряк Бакуров очень скучал по бане, но такой праздник бывал редко. Вроде выведут бойцы насекомых, а как вновь облачатся в полушубок, надоедают вши. Противоядие научили партизаны: «Товарищ капитан, прикажи солдатам так гонять лошадей, чтоб они в пене были». Артиллеристы немедленно выпол-

нили приказ. Потом накинута на горячих лошадех вывернутые полушубки, и глазам не верят: вши градом падают в снег.

Когда освобождали советские сёла, жители, случалось, обнимали и целовали солдат. Всё бы ничего, но тем самым они разносили разные болезни.

После окончания Курской битвы, когда в начале 1943 года войска Воронежского и Брянского фронтов окружили 11 фашистских дивизий под Касторным, Дмитрия Бакурова свалил сыпной тиф. Совсем дошёл, как-то проснулся в мертвецкой, но сумел дать понять похоронной команде, что ещё жив. Перевели в армейский госпиталь, вылечили. Вернулся в часть, череп лысый, волосы не растут. Его подчинённые, а среди них было немало тех, кто годился комбату в отцы, посоветовали: «Ты, сынок, брей голову, иначе без причёски останешься». Так он и сделал, поныне чуб вон как вьётся.

Четыре парада

День Победы Дмитрий Бакуров встретил в предместьях Праги. Её освобождали две советские танковые армии. После того, как бои затихли, группа офицеров-артиллеристов решила съездить в столицу Чехословакии. Но капитана Бакурова срочно вызвали в штаб дивизии. Поступил приказ: «Поедешь на парад победы в Москву».

А у него даже чемодана нет — трофеи Бакуров принципиально не брал. И домой родственникам посылки не отправлял. Когда после войны приехал к матери, та намекнула, что соседям посылки присылали. А сын ответил так: «Мама, если бы я тебе прислал посылку, меня бы убило». Больше об этом разговоров дома не было. А вот офицерский аттестат — 500 рублей — он регулярно перечислял матери. Всё остальное направлял в фонд обороны.

И всё же чемодан старшина ему нашёл — старый, деревянный, закрывающийся палкой. Но коллеги-офицеры его засмеяли — с таким в Москву нельзя ехать. Нашли фибровый, изготовленный из гибких, прочных листов прессованной и пропитанной специальным составом бумажной массы.

Когда Бакуров прибыл в Москву, каждому участнику парада победы выдали посылку из США. В ней было письмо, написанное по-русски бывшим соотечественником с патриотическими словами, о том, что американцы готовы России помочь в войне, гордятся советскими воинами, которые воюют с фашизмом. Дмитрий Алексеевич поныне жалеет, что не сохранил это письмо.

В день проведения памятного парада победы шёл проливной дождь. Для москвичей даже отменили демонстрацию. А участники парада, построенные «коробками»: 20 на 10 человек, промокли до нитки, но вынесли на всю жизнь незабываемые впечатления.

Впрочем, Дмитрий Алексеевич — участник четырёх парадов на Красной площади в Москве. А в 2003 году в числе сорока ветеранов войны был приглашён на приём к президенту России.

«Знай наших, мы — из Сибири!»

После окончания войны Дмитрий Бакуров ещё два десятилетия служил в армии. Довелось побывать и в Берлине — несколько лет проходил службу в штабе артиллерии Группы советских войск в Германской Демократической Республике. Его однокурсники по выпуску Томского училища побывали у рейхстага в мае 1945-го, и написали: «Знай наших, мы — из Сибири!»

После увольнения из армии, Дмитрий Алексеевич вот уже более сорока лет активно занимается военно-патриотической работой. Как фронтовику, несколько лет назад, ему выдали автомобиль «Оку». И ветеран — сам за рулём — ездит на машине не только на дачу под Новосибирском, но и на Алтай, в Томск, по городам и весям. Он сохранил остроту ума, с ним интересно и школьникам, и его ровесникам.

Дмитрий Алексеевич по праву считает себя не только новосибирцем, но и нашим земляком. И не только потому что часто бывает на малой родине.

В начале 1990-х годов он даже на несколько лет возвращался на Алтай. Отдал старшему сыну «Волгу», младшему — дачу, а сам подался из Новосибирска на родину, в село Новоярки Каменского района, где когда-то родился. Купил домик с 15-ю сотками земли. Его даже приняли членом колхоза, а жену — врачом. Развели поросят, гусей, курочек, колхоз обеспечивал живность кормом. Так Бакуровы прожили в Новоярках три лета. А как только выпадал снег, они уезжали в Новосибирск, и до ранней весны жили в городе.

Или такой вот пример. Наш земляк, директор фитоцентра «Алфит» Сергей Корепанов, который годится ему если не во внуки, то в сыновья, много лет дружит с семьёй Дмитрия Алексеевича. Однажды Корепанов предложил Бакурову съездить в Усть-Пристанский район, где когда-то тот и другой жили. Фронтовик сразу же согласился, и, несмотря на утомительную дорогу, провёл многочисленные встречи.

Весной 2009 года мне довелось быть рядом с Дмитрием Алексеевичем два дня в Барнауле и Камне-на-Оби. И не уставал удивляться тому, что Герой Советского Союза не только интересен самым разным людям, от губернатора до трудного подростка, но и сам интересуется буквально всем.

У него много наград, регалий, званий, но это мало его занимает: в трёх районах края установлены бюсты, в двух выстроены улицы его имени, в музеях — портреты и экспонаты героя. Но ему интересно быть не около бюстов и вывесок, не сидеть в президиумах, а общаться с самыми разными людьми и быть рядом с ними.

АЛТАЙСКИЙ ШТИРЛИЦ

Алексей Мороз, ветеран войны из Алейска, был советским резидентом в польской армии под именем Алексиса Мороза. Об этом периоде своей биографии он молчал почти 60 лет.

Как в русских сказках

Ситуация — как в русских сказках, где повествование, как правило, заканчивается свадьбой: «И жили они долго и счастливо», «И я там был, мёд-пиво пил». С одной только разницей: события, о которых пойдёт речь, происходили в основном до реальной свадьбы. Хотя, конечно, была и свадьба...

Но и спустя десятилетия после окончания войны, он всего не рассказывал о своей военной судьбе. Даже близким людям. Как председатель городского совета ветеранов войны, Алексей Георгиевич

сотни, тысячи раз встречался с земляками, делился воспоминаниями. Но рассказывал о своём участии в совсем иных воинских сражениях. О заграничном периоде, максимум, что говорил бывший контрразведчик, это то, что ему доводилось бывать в Польше и Германии.

Жена, конечно, догадывалась, о прошлом мужа. Иногда в его речи проскальзывали незнакомый акцент, польские слова. Выдавала и удивительная галантность, особенно по отношению к дамам — «Прощу пани». Супруга замечала также, что

когда Алексей Георгиевич заходил в квартиру, он почему-то первым делом заглядывал за дверь. Не раз допытывалась, зачем он это делает? Вот так он и признался ей, что служил в Польше, — там нельзя было по-другому.

Почти три года, до ноября 1946 года Алексей Мороз не мог, не имел права даже сообщать родственникам о себе. А ведь в родном селе Урлапово Шипуновского района его ждала любимая девушка...

Табу о «польском следе» своего бывшего сослуживца не преодолел даже Василий Зайцев, начальник штаба знаменитой 10-й дивизии НКВД, героически воевавшей под Сталинградом. В книге «Исполняя солдатский долг» он тепло рассказал, в том числе и о том, как воевал наш земляк, прежде чем стал контрразведчиком. И лишь неопределенно упомянул о его дальнейшей воинской судьбе: «Группу опытных политработников, героев Сталинградских боев направляли на учёбу в военные училища... Одновременно с политработниками отправлялся старшина Алексей Мороз...

Генерал Сараев питал к нему особую симпатию. Уже в самый последний момент, когда Мороз пришёл попрощаться, Александр Андреевич вдруг сказал мне: «Василий Иванович, не хочется отпускать Мороза в Москву. Давайте направим его на курсы младших лейтенантов, тогда он возвратится в дивизию». «Но Мороз прошёл все отборочные комиссии и едет в спецшколу, — возразил я.

Что ж, делать было нечего. На прощание генерал Сараев обнял своего любимца со словами: «Знаю, что ваша служба в дивизии закончена, но уверен, что в ходе учёбы и последующей службы вы достойно пронесёте традиции сталинградцев».

Алексей Мороз оправдал надежды комдива. После окончания спецшколы он находился в загранкомандировке».

На польском языке

Итак, летом 1943 года Алексея Мороза направили учиться в Первую Московскую школу ГУКРа СМЕРШ — Главного управления контрразведки Наркомата обороны «Смерть шпионам». После окончания школы, курсанты, переодетые в польскую военную форму, продолжили подготовку на специальных курсах в Рязани. В общей сложности обучение длилось около года. Разговаривали только на польском языке. Тех, кто заговорит по-русски — наказывали. Осваивали обычаи и нравы польского общества и армии, способы и приёмы контрразведки.

Я спрашивал у Алексея Георгиевича о том, каким приёмам контрразведки его учили, но развёрнутого ответа не добился. — Всё умел, — отвечал он. — Даже исполнять католические молитвы.

Мягко отказался пояснять бывший контрразведчик и то, какая ему была придумана «легенда».

Просто стал паном Алексисом Морозом (ударение на первый слог), поручиком Армии Людовой — польской военной организации, действовавшей в 1944 году на территории оккупированной германскими войсками Польши.

Оказался в Житомире. Особенно близко сошёлся с ординарцем — поляком Антонием Загадски.

Между прочим, спустя десятилетия судьба вновь забросила ветерана войны Алексея Мороза в этот город. Антония Загадски уже не было в живых, но его тепло встречал сын бывшего ординарца, работавший директором госхоза.

В польской армии.

С его отцом Алексис Мороз прошёл Украину, Белоруссию, Восточную Пруссию, освобождал Польшу и Германию. Находился в польских соединениях в качестве оперативного уполномоченного армии и старшего уполномоченного. По словам бывшего контрразведчика, это были части армии и военно-морского флота. Например, офицерская школа сапёров. Относительно долго находился в портовом городе Данциг, который после войны отошёл к Польше, и был переименован в Гданьск.

За эту службу Алексис Мороз был награждён двумя польским орденами — «Серебряный крест заслуги», «Знак Грюнвальда» и тремя медалями.

Когда враги — рядом

На вопрос, что было самым страшным в его военной биографии, Алексей Георгиевич ответил так: в Сталинграде хоть и навиделся смерти, но знал, где расположен враг и чего от него следует ожидать. А вот позже он не всегда мог определить, кто является врагом. Нередко пугало то, что по каким-либо причинам срывались намеченные встречи с людьми, с которыми он работал. Вот и одолевали мысли: может быть, человека схватили гестаповцы, или он заболел, а может быть предал? Что теперь следует ожидать — провала, ареста, расстрела?!

Самый драматический случай — разоблачение английского двойного агента. Алексис Мороз не растерялся, приказал, чтобы тот выложил всё из карманов. Противник выхватил парабеллум, сделал два шага назад: «Встать, руки вверх!» Но наш земляк — этому его учили в спецшколе — мгновенно выхватил пистолет из его руки, и предпринял меры, чтобы резидента арестовали.

Ещё один факт биографии советского контрразведчика связан с поиском канала утечки оружия из воинской части. Подозрение пало на одного польского офицера, который был завербован врагами. Алтайскому штирлицу удалось, не привлекая подозрений, пригласить его в штаб, к поль-

Делегация воинов 10-й дивизии НКВД во главе с полковником Сараяевым на приеме у председателя ВЦИК СССР Михаила Калинина по случаю награждения дивизии орденом Ленина. Декабрь 1942 года. Алексей Мороз — крайний справа во втором ряду.

ским контрразведчикам. Но Мороз совершил ошибку, не обыскав офицера, потому что этим мог выдать осведомителя, указавшего на поставщика оружия. В кабинете, в присутствии трёх польских товарищей, резидент попытался оказать вооружённое сопротивление, но был уничтожен на месте.

А с радистом, работавшим на зарубежную разведку, пришлось повозиться долго. Его неоднократно пеленговали, но наблюдение ничего не дало. В квартире жили дедушка с внучкой-портнихой, которая принимала заказчиц. Внезапно в это жилище нагрянули с обыском. Заметили, что на столе стоит несколько столовых приборов, хотя в квартире проживают лишь два человека. Хозяева оправдывались, что тарелки предназначались для разных блюд. Но кто-то из проверявших отметил странную деталь: с улицы у дома — два окна, а изнутри в той же стене — только одно. Контрразведчики тщательно присмотрелись к стене, в которую был встроены шифоньер. Оказалось, что в нём была потайная дверь, ведущая в комнату, в которой и скрывался иностранный радист. Его взяли вместе с рацией.

Под грифом «Секретно»

Алексей Георгиевич вспоминает, что осенью 1946 года очень затосковал по родине, буквально заболел ностальгией. Настоял на том, чтобы его отозвали в СССР. Вернулся домой, женился, работал.

Он ещё перед началом войны окончил педагогическое училище, пре-

подавал в школах Шипуновского района. Этим там же занялся и после возвращения на родину. Потом работал инструктором райкома и крайкома партии, заместителем директора машинно-тракторной станции, избирался секретарём райкома. После выхода на пенсию много сил отдавал общественной работе, являясь председателем Алейского городского совета ветеранов.

Ему есть чем гордиться, кроме участия в польских событиях. Под Сталинградом воевал в составе прославленной 10-й дивизии НКВД, которая ценой гибели не пустила фашистов за Волгу. За 56 дней страшных боев из 15 тысяч военнослужащих остался в живых лишь 91 человек. В том числе и Алексей Мороз — единственный из взвода. И что удивительно — без единой царапины. Чудом спасшихся воинов наградили, нашего земляка — орденом Красной Звезды. А 10-й дивизии НКВД, впоследствии переименованной в 181-ю, «всесоюзный староста» Михаил Калинин вручил орден Ленина. На этой церемонии довелось присутствовать и Алексею Морозу, о чём свидетельствует фотография в его семейном альбоме.

В биографии воина — ещё и участие в боях на Курской дуге. Там он дважды был ранен — в голову и в руку. Но боец отказался от госпитализации, поля боя не покинул.

Спустя десятилетия, когда стали одолевать болячки, обеспокоился Алексей Георгиевич о пенсии инвалида войны. С трудом удалось получить сведения, подтверждавшие ранения. Ведь многие документы алтайского штирлица поныне лежат в архивах под грифом «Секретно».

КАВАЛЕР «СЕРЕБРЯНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Алексей Кочегаров — воин 2-й ударной армии, как зачинатель снайперского движения был представлен к званию Героя Советского Союза. Но оказался в штрафном батальоне. Его ожидала иная звезда — боевые заслуги нашего земляка были отмечены орденом США.

— Воевал за Россию, а получил американскую награду, — многие годы недоумевал Алексей Кочегаров.

Уже после его смерти выяснилось, что кавалер «Серебряной звезды» имел право на очень приличную военную пенсию США и постоянное место жительства в Штатах.

Кто метко стреляет — битым не бывает

В роду Кочегаровых даже женщины владели оружием. К примеру, баба Луша стреляла не хуже мужчин. Фёдор Кочегаров, отец Алексея, воевал в Первую мировую, партизанил в Гражданскую войну. А дядя командовал партизанским отрядом.

Алексей любил на старости лет вспоминать, что охотиться при-
страстился сызмальства. В 12 лет самостоятельно добыл первых двух волков — по поручению правления колхоза охранял общественное ста-
до животных от зверей. Затем работ-
тал в заготовительной кооперации и егерем охотничьего хозяйства. В предвоенные годы за сезон Алексей Фёдорович отстреливал из обыкновенной берданки по несколько вол-
ков, до восьмидесяти лисиц и пяти-
сот(!) белок.

О том, что началась война, узнал, когда пришёл с охоты. 1 августа 1941 года Алексей Кочегаров был призван на фронт, сразу же попал под Ленинград. Вот тут-то и припомнилась ему охотничья поговорка: «кто метко стреляет — битым не бывает».

Кажется, благодаря охотничьим навыкам и удалось выжить в годы войны...

Поначалу Кочегаров числился вторым номером в пулемётной роте. Обязанности пулемётной obsługi различались: первый номер — стрелок, в транспортном положении несёт собственно пулемёт «Максим», второй номер расчёта, помогает ему в стрельбе и несёт станок.

В одном из первых же боёв весь расчёт контузило. Очнулись — слышат немецкую речь. Пулемётчик не мог самостоятельно передвигаться, но однопольчанин-сибиряк взвалил его на себя, прихватил оружие, и через сут-
ки вынес к своим.

Одно время в целях маскировки было запрещено стрелять. Каково же бывшему охотнику наблюдать, как вольготно чувствуют себя фашисты! Свободно разгуливают, обустройствают блиндажи, открыто готовят обеды. А

красноармейцы, кое-как устроившиеся в болоте, и головы поднять не могут — сразу же засекут вражеские снайперы.

Не выдержал как-то Кочегаров, наблюдая, как фашисты веселятся, вскинул винтовку: хлопок — одного, хлопок — другого. Раньше-то белку в глаз бил! Фашисты замерли, а потом начали массированный артобстрел. Вызывает его командир батальона: «Ты стрелял?» «Я, товарищ командир». «Почему без приказа? Пойдешь под трибунал!» «Так ведь, товарищ командир, обидно: враги рядом, рукой подать, гуляют, веселятся... Мы же из Сибири, охотники...»

На счастье рядом оказался замполит полка: «Охотник, говоришь... А можешь потягаться с их снайперами?» «Могу!»

Так вместо трибунала в ноябре 1941 года Кочегаров стал снайпером. «Первый день слежки, — вспоминал он позднее, — был на редкость удачным. Я, красноармейцы Седашкин и Кусков рано утром перешли линию обороны, залегли в кустах. Специальных снайперских ячеек у нас ещё не было. Немцы тогда вели себя смело. Из блиндажа в блиндаж они переходили по открытой местности, во весь рост, не торопясь. Кончился день. У каждого из нас было по три истреблённых оккупанта».

Школа Кочегарова

Блокада Ленинграда, как известно, продолжалась более двух лет. Главная задача, которую ставило командование весь этот период, — сохранение и расширение единственного маршрута снабжения окружённого города в районе Волхова. Здесь, близ Синявинских болот, Мясного бора и Любани, воевала 2-я ударная армия Волховского фронта под командованием генерал-лейтенанта Власова, 13 июля 1942 года добровольно сдавшегося фашистам в плен.

Трижды враги смыкали армию в кольцо окружения. По воспоминаниям командующего Волховским фронтом генерала Мерецкова, в живых осталось только около 20 тысяч солдат и командиров 2-й ударной. Алексея Кочегарова от трибунала и позорного клейма власовца спасло то, что он к тому времени был широко известен на фронте как снайпер, и летом 42-го учился на командирских курсах.

В условиях длительного противостояния и близкого расположения врага снайперы оказались востребованными. Особенно в зимнее время, когда болотистая местность замерзала, покрывалась снегом. А весной и летом знатному снайперу, у которого на счету было уже несколько десятков уничтоженных врагов, поручали обучение молодых бойцов.

Сохранившиеся в его семье и в Мамонтовском районном музее — на родине Кочегарова — фронтовые и послевоенные публикации позволяют рассказать, как это было.

Из корреспонденции в армейской газете «Ленинский путь»: «Видели, как кошка наблюдает за мышью? — делится старший сержант Кочегаров наблюдениями с новичками, — вот так и мы. Упала ветка с дерева: прикинь — почему? Может, на ветке «кукушка». Слетела птичка — опять раскинь мозгами — чего испугалась. Пошевелился куст, снова подумай — не немец ли маскируется за ним?»

А это — фрагмент выступления Кочегарова на фронтовом слёте истребителей в 1943 году: «Снайперскому делу я обучил уже свыше 30 бойцов и командиров, и сегодня беру обязательство за короткое время подготовить ещё не менее 10 снайперов...

Во-первых, каждый снайпер должен всесторонне изучать местность, где он думает охотиться. Надо знать место нахождения фашистских дзотов, блиндажей, избрать несколько ориентиров, помнить расстояние до каждого из них.

Во-вторых, надо обладать выдержкой: заметил цель — не суетись, а внимательно наблюдай за ней, как убедишься, что фашист будет сражён — стреляй! У снайпера ни одна пуля не должна идти мимо цели. Промазать — значит, оставить фашиста в живых.

В-третьих, снайпер должен проявлять как можно больше боевой инициативы, военной хитрости, смекалки. Немцы сейчас стремятся поймать нашего истребителя на удочку: выставляют чучела, макеты пулемёта, иногда даже и орудий, поднимают на палку каску.

У меня был такой случай: фашисты сперва из траншеи поднимали ка-

ски, затем сделали несколько перебежек, а я всё молчал. Когда фрицы убедились, что по ним никто не стреляет, вылезли из траншеи и стали что-то собирать. Метким выстрелом я отправил в могилу сначала одного, потом другого».

Пленный немецкий ефрейтор признался фронтовому корреспонденту: «Мы всё время чувствуем себя на прицеле снайперской винтовки. Только

здесь, в плену я разогнулся в полный рост».

Одна из учениц Алексея Кочегарова — Эмма Оноприенко приехала на Алтай в октябре 1986 года. Она благодарила его за то, что он учил маскироваться, не теряться в сложных ситуациях, за что и обязана ему жизнью.

На встрече школьников Георгиевской школы Ребрихинского района с ветеранами 372-й Новгородской дивизии она вспоминала: «Однажды мы вернулись с очередной «охоты». Добыча была хорошая — 13 фрицев. Мы сидели, обсуждали прожитый день. Вдруг

к палатке, у которой я сидела, прилетела мина и упала прямо у моих ног. Не растерялся только Алексей Фёдорович. Он схватил мину и отшвырнул её за бруствер. Раздался взрыв...»

На счету Алексея Кочегарова числилось на 1 марта 1942 года 52, к 15 июля — уже 70 истреблённых врагов. Кроме того, во время боёв он уничтожил из ручного пулемёта 18 фашистов. Всего же у Кочегарова в самодельной снайперской книжке с 1941 по 16 октября 1943 года значилось 182 убитых врага.

Корреспондент фронтовой газеты «Сталинский воин» Россинский 7 июня 1943 года писал по этому поводу так: «Знатный снайпер орденосец Алексей Кочегаров, о действиях которого неоднократно писала газета «Ленинский путь», добился нового выдающегося успеха: на днях вместе с группой молодых снайперов, окончивших курсы, вышел на линию огня, истребил лично семь гитлеровцев. А всего от его метких пуль погибла немецкая рота полного состава».

Алексей Фёдорович рассказывал мне, что в 1978 году ездил на встречу фронтовиков в Ленинград. Поначалу очень огорчился, что на ней не оказалось никого из однополчан. Но вот к нему бросился один из ветеранов: оказалось, что это тот самый журналист Россинский, который много о нём писал.

У каждого — своя звезда

О Кочегарове действительно много писали как в годы войны, так и после неё. Даже секретарь крайкома партии Александр Невский публиковал очерк о нём. Но в узком семейном кругу ветеран нередко делился воспоминаниями, которые миновали газетные страницы.

Например, он откровенно рассказывал детям и внукам, почему было отозвано представление на присвоение ему звания Героя Советского Союза. К тому времени командир разведроты старший лейтенант Кочегаров участвовал в прорыве блокады Ленинграда, освобождении Новгорода, Выборга, Польши, воевал на территории Германии.

Разведчики, как водится, первыми ворвались в какой-то городок. И оказались в окружении. По каким-то причинам соседние подразделения отстали, поэтому рота попала в ловушку. Вырвались с боем и потерями. Уставшие, грязные, окровавленные, вышли к своим, выпили спирта и загнули в каком-то доме.

Как на грех, их обнаружил какой-то замполит, полковник. «Кто тут старший?» Кочегаров ответил по форме: «Я — старший». Тот — матом: мол, кругом война, а вы пьяные. Старший лейтенант пытался объяснять: «Мы только что вырвались из окружения, отдыхаем».

Замполит ещё пуще принялся кричать. Кочегаров долго терпел «тыловую крысу», наконец, не выдержал и ударил полковника. Тот, сломав перила крыльца, рухнул на землю. По военным меркам действия Кочегарова считались тяжким преступлением — ударил старшего по званию, политработника.

Но и в этот раз (уже — в третий!) Кочегаров счастливо избежал трибунала. Особисты разобрались, что он представлен к званию Героя Советского Союза. Документы отозвали, расстрела он избежал, но в звании его понизили до лейтенанта, направив в штрафбат — кровью смывать вину. А полковник простил обидчика — был рад, что война для него закончилась в госпитале.

Три ранения перенёс за войну Алексей Фёдорович и тяжелейшую контузию. От гибели спасла привычка не расставаться с каской — опытный воин не снимал её даже в зной. Осколок пробил каску и зацепил голову. Недаром на последней воинской фотографии, сделанной в Берлине, Кочегаров выглядит больным и измождённым.

Некоей компенсацией отозванного награждения Золотой Звездой командование, видимо, посчитало представление Кочегарова к американскому ордену «Серебряная звезда».

Однажды вернулся с очередного задания. Только вошёл в землянку, ему говорят: «Поздравляем, тебя Рузвельт орденом наградили». И протягивают Алексею Фёдоровичу газету «Красная звезда»: «Все, кто увидит эту награду, должны приветствовать и оказывать почести этому человеку.

Настоящим подтверждается, что президент Соединенных Штатов Америки, уполномоченный актом Конгресса от 9 июля 1918 года, наградил «Серебряной звездой» лейтенанта Алексея Фёдоровича Кочегарова, Красная армия, СССР, за храбрость в военных действиях».

Эту награду вручили ему через много лет, уже в Мамонтове. В конце 80-х годов он рассказывал мне, что однажды потерял её, работая на собственном огороде, но через несколько лет всё же обнаружил... в огуречной грядке.

А совсем недавно родные скончавшегося в 1991 году Алексея Кочегарова, передавая в архив его документы (орден, к сожалению, исчез после смерти его сына Григория), узнали, что американская награда давала ему право на военную пенсию и постоянное место жительства в США.

Алексей Фёдорович после войны ещё многие годы работал егерем. Вот что писала о нём районная газета в середине 60-х: «...Охотник-промысловик Алексей Кочегаров в окрестностях села Мамонтово добыл 44 лисицы, в бору отстрелял 24 белки, 9 зайцев».

... Несмотря на свою суровую воинскую и гражданскую специальность, он был улыбочив и добр. Потому что верил в свою звезду!

ПАРТИЗАН ОТРЯДА КОВПАКА

О войне Семёну Чернову напоминают сны и осколки в ноге

Раны поля брани

Начало войны Семён Чернов застал на границе, в Коростеньском укреплённом районе, что в Житомирской области Украины. В Красную армию его призвали ещё в 1940 году. До того успел поработать учителем в Горном Алтае, жениться, вот только о том, что родился сын, узнать пришлось не скоро...

Служба шла своим чередом: окончил школу младших командиров, освоил немудрёные солдатские премудрости, стал помощником комендан-

та дота. Гарнизон дота состоял из 14 человек, в основном это были приписники — мужчины средних лет и пожилые дядьки, не имеющие воинских специальностей.

Враг в первом же бою применил хитрость, обойдя укрепление с фланга. Поступил приказ отходить. Приписники куда-то исчезли, от гарнизона осталось лишь шесть красноармейцев. Взвалили на себя винтовки, три станковых и один ручной пулемёт. Дот — на замок, и догонять своих.

А вот у Коростеня попали в страшную «кашу»: красноармейцы ещё не успели окопаться, а на их позиции обрушилась мощь артподготовки, следом пошла пехота. Чернову повезло: после этого боя в живых осталось лишь 12 человек.

Потом потянулись постыдные дни отступления. Старался не глядеть в глаза жителям покинутых деревень. Стал командиром пулемётного взвода: оказалось, что кроме него никто толком не знает «Максима», а это оружие весьма капризное. Начал обучать красноармейцев, но не успел. Потом это аукнулось...

11 сентября 1941 года у украинского села Пакуль, что в Черниговской области, подразделение, в котором воевал Семён Чернов, окружили. Почему-то в этот момент на месте не оказалось командира батальона, был только старший политрук.

Заняли круговую оборону, окопавшись в небольшом леске. А пулемётчики были подготовлены наскоро, в основном умели устанавливать прицел да стрелять. Случись поломка — они терялись. Вот один из пулемётов замолк, другой, а враг прёт. Чернов перемещался по позициям, устраняя поломки. Но вдруг рядом с ним разорвался снаряд: потемнело в глазах, боль пронизала ногу, руку, плечо. Он сгоряча ещё пытался бежать, но свалился от острой боли, потеряв сознание. Очнулся, пополз, но вновь попал под обстрел фашистов. Наконец, миновав открытую местность, оказался в естественном укрытии. Отдышавшись, попытался сделать перевязку. Но бинт был только один, а ран много, пришлось пожертвовать нижнюю рубашку — действовал здоровой правой рукой и зубами.

Не помнит, сколько пролежал. Очнулся от холода следующим утром. Понял, что однополчане отступили, оставив его на поле боя. А вскоре Чернова едва не обнаружили два фашиста, которые прошли совсем рядом. Потом промчался табун лошадей, едва не затоптав раненого. К обеду на опушке леса появились местные жители в поиске трофеев: сначала старушка, потом дед с большой белой бородой. Он заметил красноармейца, спросил о

самочувствию. Тот в свою очередь поинтересовался, где он находился, есть ли поблизости немцы. Дед ответил, что рядом расположен хутор Локотьев, а немцев пока нет. И ушёл.

Семён недоумевал: чего ждать — предательства, помощи? Тем временем нога распухла, ныли другие раны. Вскоре заметил, что в его сторону движется группа людей. Сначала он принял их за врагов, но потом различил — к нему идут несколько девушек, одетых в национальные одежды. Они принесли раненому кувшин молока, хлеба, круто посоленную отварную картошку. У Семёна потеплело в груди: он рассказал им, что родом с Алтая, сибиряк. А девушки, перед тем как уйти, сообщили, что его заберут на хутор — долго здесь находиться нельзя, неподалёку могут быть немцы.

Появилась надежда, что вылечится, выживет. И действительно, вскоре услышал какие-то звуки: это ехала бричка. Потом мужской голос окликнул: «Хлопче». Это был мужчина лет тридцати, а с ним молодая женщина. Она подошла к раненому и ласково произнесла по-украински: «Ой, серденько, що они с тобою зробили?» Это была его спасительница Александра Дергач.

Долгий путь к выздоровлению

Через некоторое время, придя в себя, Семён Чернов понял, что находится в хате. Александра Ефимовна сняла с него окровавленные повязки, тщательно обмыла, перевязала, передела в чистое бельё. Но раны не давали покоя. Хозяйка, чтобы отвлечь от страданий, просила, чтобы её маленькие дочки пели ему песни.

А вскоре в хате появилась пожилая женщина, акушерка. Она осмотрела раны, особенно обеспокоилась состоянием ноги: раненому угрожала гангрена.

Позвала хозяйку: «Грей воду, наливай в глубокую посудину, чтобы в неё можно было ногу до колена опускать». Нашли кадушку. В неё наливали воду — такую горячую, чтобы только нога терпела. После трёх дней процедуры опухоль на ноге стала спадать. И ничего, что кожа лоскутами слезала. Стали заживать и раны на руке, плече. Только ходить раненый всё ещё не мог — в ноге оставались осколки. Они его до сих пор мучают, беспокоят к непогоде.

Наконец, через четыре месяца настал день, когда раненый смог подняться с постели, передвигаться, используя самодельный костыль.

Однажды в хату зашёл пожилой сосед Изосим Семеняго, сообщивший, что в соседнем селе Пакуль появились староста и полицаи, которые узна-

ли, что на хуторе Локотьков живёт раненый красноармеец. Но пленение не входило в его планы. В одну из ночей Семён Сафонович вышел из хутора, намереваясь преодолеть Днепр и уйти к партизанам. Идти было трудно, беспокоили раны. Шёл перелесками, только изредка останавливался в хуторах. Дней через 20, в январе 1942 года, пересёк по льду Днепр, остановился в одном селе Полесской области Белоруссии. Немцы и полиция сюда почти не заглядывали. После тяжёлого перехода Семён Чернов до весны здесь лечился.

Однажды ему сообщили вездесущие мальчишки: «Дядя, там какие-то люди с автоматами идут, одежда нашенская и немецкая, а говорят по-московски. Их человек пять-семь». Группа остановилась на берегу речки. Бывший красноармеец прислушался: верно, говорят по-русски. Решился, вышел из укрытия, подошёл: «Вы, наверно, партизаны?» Рассказал, что воевал, был ранен, благодаря добрым людям выздоровел. Его подробно расспросили: откуда родом, где воевал, как оказался в Полесье? И попросили помочь им перебраться через вешнюю речку. Семён добыл лодку, переправил их на противоположный берег...

Проверка боем

Потом, когда уже оказался в партизанском отряде, его ещё не раз проверяли. Но Семён больше всего боялся, что заметят, как он прихрамывает...

Однажды дали задание преодолеть Припять, поймать и обезвредить одного из предателей. Задание было выполнено. После чего Чернова зачислили в пулемётный расчёт. Так что за годы войны ему пришлось воевать и «Максимом», и пулеметом Дегтярёва, и мадьярским станковым, с которым дошагал до Карпат.

Для Семёна Чернова, кадрового красноармейца, выросшего в таёжном селе, тяготы лесной жизни казались обыденными. Ему приходилось участвовать во многих боевых операциях партизанского отряда под командованием легендарного Сидора Ковпака. Особенно подружился с будущим Героем Советского Союза, командиром конной разведки Александром Ленкиным, который, как и он, до войны жил в Горном Алтае. Кстати, его имя носят улица в

Ковпаковцы.

Горно-Алтайске и музей боевой славы партизан-сибиряков школы № 41 города Новосибирска.

Первое время ковпаковцы не знали, где фронт, у них не было связи с Москвой. Всё брали у врага, в бою. Сидор Ковпак, которого ближайшее окружение называло «Дедом», любил повторять: «Мой поставщик — Гитлер».

Партизаны являлись универсальными солдатами: они не только уничтожали живую силу противника, но и сжигали танки, сбивали самолеты и даже брали на бордаж корабли — такой факт был весной 1943 года на Припяти.

Ковпак смело использовал старую партизанскую тактику времён 1812 года, суть которой заключалась в быстром скрытном перемещении в тылах противника с дальнейшим созданием новых очагов партизанского движения. Такие рейды помимо значительного ущерба, наносимого вражеским войскам, и сбора разведывательной информации, имели большой пропагандистский эффект. Как правило, на операцию партизаны выступали только с наступлением темноты, а днём отдыхали в лесу или в глухих сёлах, они знали всё, что делается впереди и по сторонам. Походная колонна могла через пару минут занять круговую оборону и открыть огонь. А при вступлении в село ковпаковцы подымали народ на борьбу, вооружали местное население, учили его. В итоге создали знаменитый Партизанский край, очистив от фашистов и полицейской администрации значительную часть территории Украины и Белоруссии.

Особенно памятен Семёну Сафоновичу Карпатский рейд в июне-октябре 1943 года, маршрут которого прошёл по глубоким тылам противника.

В последние годы в суверенной Украине эта операция получила неоднозначную оценку. Ковпаковцы действительно пришли на территорию, абсолютно не приспособленную к той партизанской тактике, которую использовали прежде. В горах было трудно маневрировать. Здесь не было населения, которое бы их поддерживало, это была вотчина лидера украинского националистического движения Степана Бандеры. Серьёзные разногласия по этому поводу возникли у Сидора Ковпака, намеревавшегося сразиться с бандеровцами, с комиссаром Семёном Рудневыми, который отговорил его от этого шага. Хотя у соотечественников не было общего врага: сторонники Степана Бандеры воевали против Красной армии и поляков, партизаны — против фашизма. Невозможной была и поддержка партизан с Большой земли. И, наконец, теперь-то известно, что перед отрядом была

поставлена задача — уничтожить нефтеперерабатывающие заводы, чтобы лишить фашистов горючего.

8 июля, после начала наступления немцев на Курской дуге, ковпаковцы взорвали мост железной дороги в Тернополе, лишив фашистов новых танков. Это был действительно мощный удар по врагу, о чем партизаны тогда не догадывались. Однако данная акция стала и причиной будущих их бед. Гитлер приказал немедленно уничтожить ковпаковцев. Немцы пропустили их в горы, партизанскому соединению после выполнения задания, для того чтобы выйти из Карпат, пришлось разбиться на шесть отрядов. Задание было выполнено: за четыре месяца с боями пройдено четыре тысячи километров, разрушены нефтепромыслы, 14 железнодорожных и 38 шоссейных мостов, пущено под откос девять эшелонов. На партизанскую базу удалось доставить даже большинство тяжелораненых.

После ранения Сидора Ковпака командиром соединения партизанских отрядов стал бывший начальник разведки Пётр Вершигора. Он назначил Семёна Чернова командиром комендантского взвода. Такая должность предполагала высшую степень доверия. И наш земляк его оправдал. Однажды спас своего командира: обладавший отличным слухом таёжника,

издалека услышал звук летевшей мины, сбил Вершигору с ног, закрыв его своим телом.

Он участвовал ещё в двух рейдах по тылам противника в западных областях Украины и Белоруссии, а также на территории Польши, не дошёл до Варшавы всего пятнадцать километров — здесь уже действовали соединения Советской армии, которые завершали операцию по разгрому врага.

Встречи в блиндажах и музеях

День Победы Семён Чернов встретил ... дома. В апреле 1945 года Пётр Вершигора предоставил ему отпуск. Когда Семена Сафоновича в 1940 году призывали в армию, жена была беременна, а теперь сыну Рудольфу уже шёл пятый годик. Семья долго ничего не знала о судьбе воина, пока ему, уже из партизанского отряда, не удалось отправить весточку о себе.

17 лет учительствовал: был директором Усть-Коксинской и Тюнгурской школ. Потом перевели на работу в Нижне-Уймонский детский дом. После войны было много беспризорников, порой отчаянных и озлобленных. Пользуясь слабостями педагогов, они творили невообразимое. В Нижнем Уймоне группа таких ребят одного воспитателя сбросила с утёса, другого — с моста через речку Мульта. Вот в это пекло и направили семью педагогов Черновых: жену назначили завучем, а мужа — воспитателем. Коллеги откровенно сочувствовали, местные жители крутили пальцем у виска, а бывший партизан считал, что дети не могут убивать людей, это — упущение взрослых.

Испугаться было чему: двери, кровати были разломаны, одеяла, подушки порваны, дети — полуголодные, запущенные. Семён Сафонович в первый же день прошёл проверку: преодолел вместе с ними студёную горную реку. Играл с ними в футбол, волейбол, увлёк, научил ребят играть на баяне (наконец-то исполнилась и его детская мечта), в шахматы. Буквально через пару лет Нижне-Уймонский детдом занял в соревновании подобных учреждений второе место в Горно-Алтайской автономной области. Когда семью Черновых перевели на работу в Шебалинский детский дом, воспитанники ревели в голос.

Лет через пять супругу направили на учёбу в Барнаульскую высшую партийную школу. А Семёна Сафоновича пригласили работать старшим инспектором детской комнаты милиции Новоалтайска, затем в Ребрихинском РОВД много лет служил в должности участкового. За ним были закреплены все сёла района, кроме райцентра и станции Ребриха, и ничего

— справлялся. После выхода в отставку в звании капитана милиции увлечённо занимался общественной работой.

Между прочим, когда оформлялся на пенсию, выяснилось, что в военном билете не помечено ни одно ранение. Семён Чернов попросил в письме коллег-милиционеров

Черниговской области, чтобы они съездили в хутор Локотьков, взяли объяснения с людей, которые могли его помнить. Узнал, что Александра Дергач жива, наладил с ней переписку. Спасительница приглашала его приехать, погостить. Удалось это уже тогда, когда вышел в отставку, но Александра Ефимовна уже ушла из жизни. Встретился с её дочерьми Ольгой и Галиной, побывал на местах боёв, на лесных базах, увиделся с бывшими партизанами. Трижды ездил на партизанские слёты, несколько раз посещал музей партизан-сибиряков имени Александра Ленкина в новосибирской школе № 41.

На последней такой встрече в 1997 году их было только двое. Вдруг к нему подошла женщина: «Ой, Семён Сафонович, ведь я же вас знаю. Это ж моя тётя, Александра Ефимовна Дергач, вас спасла. Я бывала в её доме, вас видела, только маленькой была».

Оказалось, что племянница его спасительницы — учитель той самой 41-й новосибирской школы, где он не раз бывал. А она узнала его, рассматривая фотоархивы партизанских встреч в школьном музее.

«НОЧНАЯ ВЕДЬМА»

Татьяна Гражданкина служила в единственном на фронте 46-м гвардейском Таманском женском авиаполку ночных бомбардировщиков.

От школьной доски — на фронт

Война, хоть её и ждали, оказалась внезапной. Отца — Григория Щербинина, хорошо известного в крае полевода по прозвищу «Дед Гришака», ставшего впоследствии Героем Социалистического труда, оставили в тылу «на броне». Забрали на фронт по повестке старшего брата. И Татьяна, таясь от сурового отца, отнесла заявление о добровольном вступлении в армию. Молоденькая учительница рвалась туда, где надо было помогать брату бороться с врагом, с тем, чтобы отец мог растить хлеб, а она — учить ребятишек.

Пригласили в военкомат неожиданно. Татьяна думала, что разрешат закончить учебный год в школе, но срочно, в числе 25 девушек, была направлена в армию. Отец, хотя за словом в карман никогда не лез, в этот раз был немногословен: «Воюй, дочь! А мы тут будем растить хлебушек».

После непродолжительной, полуторамесячной военной подготовки в городе Ишиме Омской (ныне в Тюменской) области, куда была эвакуирована Вторая Ленинградская лётная школа, девушек распределили по разным соединениям. Щербинина, получившая воинскую специальность «мастер по вооружению», попала в формируемый по инициативе известной лётчицы Марины Расковой ночной легкомобардировочный авиационный полк — как оказалось, единственное на советско-германском фронте подразделение, сформированное исключительно из женщин.

Татьяна хорошо помнит первую бомбёжку под городом Козельск, где

только-только начали оснащать полк. Нет, это было вовсе не бомбометание, которое наносили девчонки по врагу. Фашисты заметили расположившиеся в лесочке советские самолёты, и решили уничтожить их на земле. Было очень страшно. Но лётчи-

цы не растерялись, отстояли свои фанерные У-2 — поднялись в воздух, где, как ни странно, было безопасней, особенно на низких, недоступных противнику, высотах.

Фашисты же «окрестили» женщин-лётчиков «ночными ведьмами». Случалось, из пролетающей «Рамы» доносилось: «Сдавайтесь, ночные ведьмы!» Ещё противник сбрасывал в расположение части листовки. В них, наряду с призывом к сдаче, почему-то непременно помещали карикатуры ведьм с хвостом.

БОЕВОЙ ПУТЬ
46-ГО ТАМАНСКОГО ГВАРДЕЙСКОГО ЖЕНСКОГО ПОЛКА
НОЧНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ:

Осень 1941 года — формирование женского полка поручено Марине Расковой. Он комплектовался в Поволжье. Здесь же многие девушки овладевали боевыми специальностями.

27 мая 1942 — по приказу полк выдвинулся на фронт.

Июнь 1942 — получено первое боевое крещение на Южном фронте. Нанесены бомбовые удары по войскам противника на переправах через реки Миусс, Северный Донец, Дон в Сальских степях и пригородах Ставрополя.

Август-декабрь 1942 — личный состав полка участвовал в обороне Владикавказа. Лётчицы уничтожали войска и скопление техники в районе Моздока, Прохладной.

Январь 1943 — участие в прорыве оборонительных линий противника на реке Терек и в наступлении советских войск в районе Ставрополя и в долине реки Кубань.

Смех сквозь слезы

С весны 1942 года начались фронтовые будни. Большинство лётчиц имели довоенный опыт полётов, десятки прыжков с парашютом. Татьяна Щербининой поручили обеспечивать боезапасами одну из четырёх эскадрилий полка. Кроме оснащения бомбами и патронами самолёта Ольги Санфировой, она отвечала за готовность вооружения ещё трёх «бортов»: а ну как пулемёты стрелять не смогут — это же верная гибель!

А бомбы-то тяжеленными были. С ними и мужчине справиться нелегко. Молоденькие фронтовички, тужась, плача и смеясь, крепили их к крылу самолёта. Но прежде надо было сообразить, сколько понадобится ночью снарядов (как правило, брали 24 штуки), принять их, достать из ящика и расконтрить, протереть от смазки взрыватели, вкрутить в адскую машину.

Техник кричит: «Девчонки — по живой силе!» Значит, надо осколочные бомбы навешивать, самые лёгкие, по 25 килограммов. А если летят бомбить, например, железную дорогу, то к крыльям крепили 100-килограммовые бомбы. В этом случае работали вдвоём. Только до уровня плеч поднимут, напарница Ольга Ерохина что-нибудь скажет смешное, обе прыгнули — и уронят адскую машину на землю. Плакать надо, а они хохочут! Снова берутся за тяжеленную «чушку»: «Мам, помоги мне!»

Март-сентябрь 1943 — лётчицы участвовали в наступательных операциях по прорыву оборонительной «Голубой линии» фашистов на Таманском полуострове, в освобождении Новороссийска.

Ноябрь 1943-май-1944 — содействие в высадке военно-морских десантов на Керченском полуострове, прорыве оборонительных укреплений фашистов в районе Керчи, изгнание врага с территории Крымского полуострова и Севастополя.

Июнь-июль 1944 — участие в прорыве обороны противника на реке Проне, у Могилёва, Червеня, Минска, Белостока.

Август 1944 — лётчицы совершали боевые вылеты на территорию Польши, участвовали в освобождении городов Августов, Варшава, Остролёнок.

Январь 1945 — полк сражался в Восточной Пруссии, содействовал форсированию реки Нерев.

Февраль 1945 — участие в форсировании реки Висла.

Март 1945 — участие в освобождении Грыни и Ганьска (Данцига).

Апрель 1945 — полк помогал наземным частям Советской армии в прорыве обороны противника на реке Одер, наносил бомбовые удары по отступающему противнику.

Случались счастливые ночи, когда в отсутствие штурмана, лётчица приглашала: «Забирайся в кабину, полетим!» Усталость, как рукой снимало. В воздухе её разбирал дикий хохот. Может, это было компенсацией за слёзы на земле?!

Цветы на снегу

Особенно тяжело было зимой. Бомбы, снаряды, пулемёты изготовлены из металла, к которому, кажется, руки так прилипают, что оторвать можно только с кожей. Разве возможно, например, зарядить пулемёт в рукавицах? Руки отмерзают, отнимаются. А ручки-то — девичьи, маленькие — и вправду клочки кожи порой оставались на заиндевевшем металле.

Полковые аэродромы, как правило, располагались рядом с фронтом, «на подскоке». Нередко можно было не только слышать, но и видеть разрывы бомб. За ночь самолёт 10-12 раз возвращался для оснащения новой порцией снарядов, и всякий раз надо было, напрягаясь изо всех сил, крепить их, терпеть пронизывающий ветер, трескучий мороз или несносный зной, запахи выхлопных газов.

И днём не передохнешь: аэродромным техникам и мастерам вменялись обязанности часовых.

Особенно докучали переезды. Только соорудят ниши, блиндажи с накатами, замаскируют, укроют ветками самолёты, а к вечеру командир полка в

За годы Великой Отечественной войны бойцы авиаполка совершили 24 тысячи боевых вылетов, многие экипажи имели на своём счету по 500-1000 ночных вылетов.

В феврале 1943 года за активную и успешную боевую работу на Северном Кавказе полк из 588 ночного легкомбардировочного переименован в 46-й гвардейский.

За участие в освобождении Кубани и Таманского полуострова полку присвоено наименование Таманского. За участие в изгнании врага из Феодосии полк был награждён орденом Красного Знамени. За освобождение Белоруссии награждён орденом Суворова III степени.

Весь личный состав имел государственные награды. 23 лётчика и штурмана полка удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе — бывшая жительница Алтая Евдокия Пасько, которая после войны окончила МГУ, защитила кандидатскую диссертацию, преподавала в Московском высшем техническом училище.

15 октября 1945 года полк был расформирован, личный состав демобилизован.

рупор кричит: «Девочки, готовьтесь к передислокации». Полетали несколько дней, и снова — переезд.

Летом было полегче: в каком-нибудь леске делали шалаши, а то и просто спали на земле, заверну-

вшись в брезент, а зимой приходилось кайлить промёрзшую почву, освобождать от снега взлётную полосу, работать остывшими руками под крылом рвущейся в небо крылатой птицы. Одно благо: и лётчицы, и весь техперсонал в стужу одевались в меховые куртки и унты.

Главное же неудобство для женщин на войне — отсутствие простых гигиенических удобств. Невозможность привести себя в порядок, отмыться, постирать. Какая ж женщина без бани, без теплой воды?!

Тело зудит от грязи, голова не мыта. А все ж девчонки — с косами!

Летом — проще: у любого ручья можно устроить постирушки и помывку. Зимой выходили из положения так: грели в бочке воду, на наст бросали доски — так и мылись: цветы — на снегу.

А ведь ещё были и вши. Праздником считались дни, когда в расположении части прибывала «вошебойка» — в ней прожаривали гимнастёрки, бельё, брюки. Чаще же от вредных насекомых избавлялись по-авиаторски, радикально: стирали вещи в бензине. Обмундирование мгновенно обрело стерильную чистоту, правда, теряло цвет, светлело. А запах горячего от белья авиаторов ничуть не беспокоил — он и так повсюду преследовал «ночных ведьм».

Удовольствие поваляться на чистых простынях они смогли позволить себе только на третьем году войны, когда перешли государственную границу. Мирное немецкое население вело себя безропотно, молча предоставляло победителям кров и харчи. А до того нередко случалось, фронтная кухня несколько дней не появлялась в расположении части. Приходилось обходиться сухим пайком, или в бачках из-под взрывателя наскоро готовить походную похлёбку. От положенных «фронтовых» 100 граммов, особенно

зимой, мало кто из аэродромного персонала и лётного состава отказывался, но, летом, как правило, меняли на сахар или галеты. Курили девчонки — почти все, в том числе и Татьяна. Бывало, лётчица, перекрывая шум мотора, кричит ей под крыло: «Заверни «козью ножку», руки совсем отмерзли». Полковые «матери-командиры» на нарушение техники безопасности смотрели сквозь пальцы: раз это помогает бить врага, пусть всё остаётся так, как есть!

... Самое яркое впечатление Татьяны после демобилизации и приезда домой: всё никак не могла запомнить, что дверь родного дома открывается вовнутрь.

Фронтowej бал

Известие о капитуляции Германии застало «ночных ведьм» в пригороде Берлина. Неожиданно изменился ритм жизни, не надо было нести изнурительных, почти круглосуточных вахт. И фронтовички, уже почти забывшие о своём естестве, вновь стали ощущать себя женщинами.

Комендатура разместила полк в каком-то богатом древнем замке немецкого помещика с фруктовым садом, бассейном и лугом. Ещё накануне победы девчонки нашли мастера по пошиву обуви. Добыли добротной кожи, и он пошил им элегантные туфельки. После тяжелых, кислых, невзрачных кирзачей, эта обувь казалась невесомой и изящной, девчонки в ней словно летали. Хотя, куда уж там! Выглядели они смешно и нелепо — туфли контрастировали с выцветшими, штопаными гимнастёркам и брюками-галифе. В итоге, гражданская обувь оказалась на дне фронтовых чемоданчиков.

О туфлях вновь вспомнили лишь тогда, когда в распоряжение полка прибыл маршал Константин Рокоссовский, разрешивший размягчённым победой фронтовичкам переодеться в гражданское. Найти в поверженном Берлине отрезки на платья и швей не было проблемой, и вскоре тела «ночных ведьм» были облачены в воздушные платья.

Вновь посетивший женский полк Константин Рокоссовский был шокирован изумительной переменой: «Девочки вы хорошие! Вас ведь не узнать: кто — капитан, кто — сержант, кто — лётчик, а кто — вооруженец?» И дал команду: «Готовьтесь к балу!»

В соседнем местечке располагалась ещё одна авиачасть, естественно, мужская. Это был истребительный полк, всю войну прикрывавший от врага девчонок, вылетающий на ночные бомбежки. Кстати, его командиром

являлся муж Евдокии Бершанской, бессменного командира женского авиаполка. Она была для 18-20-летних «ночных ведьм» как родная мать, да и по возрасту почти вдвое старше их.

И вот из истребительного авиаполка пришли приглашения на фронтовой бал. Тут-то девчонки и струсили. За три последних года они разучились танцевать, и почти не видя мужчин, одичали, отвыкли от общения с ними.

Словом, командиру полка Евдокии Бершанской пришлось приказывать своим нарядным подчинённым отбыть на бал!

Встречи подруг

После войны, ровно через пять лет ветераны 46-го авиаполка встречаются в Москве – «ночные ведьмы» слетаются «на шабаш»!

На первую из этих встреч Татьяна, сменившая фамилию на Гражданкину, приехала одна. И пожалела о том, что оставила мужа с детьми дома — боевые подруги явились с мужьями и чадами. Евдокия Бершанская её упрекнула: «В следующий раз одна, без мужа не появляйся!» Татьяна передала ему этот разговор, а он упёрся: «Мне как-то неудобно». Но на очередной встрече они были уже вдвоём. Евдокия Давыдовна обняла, поцеловала их, и по-женски хитро улыбнувшись, шепнула: «Теперь понимаю, почему ты боялась своего красавца везти!»

А, кажется, давно ли командир полка грустно говорила девчонкам: «Никто вас замуж не возьмёт. Вы же больные все, надорванные». Но Татьяна Гражданкина, как и другие её фронтовые подруги, наперекор нажитым на фронте болячкам, обзаводились семьями, рожали детей, казались нестигаемыми.

«Шабаш» «ночных ведьм» начинается в сквере Большого театра. Долгие разговоры, воспоминания, смех, слёзы. Плотная программа: поездки по предприятиям, школам, посещение театров и музеев. Деревца, посаженные их руками на аллее Мира, тянутся вверх, в небо, которое они защищали от врага.

Бывали подруги и на местах боев полка. С дочкой Наташей ездила как-то в Гомель, где перезахоронена Ольга Санфирова, «её» лётчица, Герой Советского Союза, погибшая в Польше. Самолёт Ольги был подбит в воздухе, она катапультировалась, но приземлилась на минное поле. Штурман тоже погасила парашют на этом поле, осталась невредимой, а Санфирова погибла. Татьяна Гражданкина была приятно удивлена тем, что на могиле её подруги в Гомеле — живые цветы. Ведь несколько десятков погибших «ночных ведьм», в том числе и Ольга Санфирова в ту пору были незамужними, не оставили наследников, которые бы ухаживали за их последним пристанищем. Значит, это делают просто добрые люди!

Последний раз на встрече фронтовичек Татьяна Григорьевна была в 1990 году, сказываются годы. Как-никак 19 апреля 2002 года разменяла девятый десяток. Но остались, как и прежде, переписка и телефонные переговоры с подругами, альбомы фронтовых фотографий, писем, воспоминания.

Дети — разлетелись. Владимир, которого дед Гришака мечтал выучить на агронома, чтоб заменил его в поле, стал лётчиком — полковник, служит в Калининграде, Николай дослужился до полковника МВД, потом работал заместителем директора барнаульского завода «Кристалл», а дочь Наталья всё же воплотила мечту деда, стала агрономом, живёт в Крыму.

А что сказать о себе? Воевала. Растила детей и внуков. 51 год работала в родной Березовской школе. Вот и вся жизнь!

В Германии во время Второй мировой войны лётчиц не было. Единственный пример — немка Ханна Рейч, летавшая на истребителе Me-163, единственная в Третьем рейхе женщина, награждённая Железным крестом 1-го и 2-го классов.

В США существовал «женский авиационный резерв», который так и не был задействован.

Между тем, в конце июля 2009 года главнокомандующий военно-воздушными войсками России генерал армии Владимир Михайлов заявил, что в ВВС может быть сформирован лётный женский полк по примеру авиачастей времён Великой Отечественной войны. Как считает командующий, в этом нет никаких сложностей.

«У нас очень много девушек в Российской оборонной спортивно-технической организации, которые прекрасно pilotируют самолеты, — сказал он. — Если они творят такие чудеса по фигурам высшего пилотажа, то смогут летать и на современных реактивных самолётах», — отметил Михайлов. По его словам «по нагрузке и длительности полёта это одно и то же».

НА ВСЕХ ФРОНТАХ

В Великой Отечественной войне участвовали жители небольшого села Зелёная Роца Ребрихинского района

Отсюда было мобилизовано на борьбу с врагом 286 человек, из них вернулись лишь 83 воина. Зимой 2006 года на территории Зелёнорощинского сельсовета фронтовиков можно пересчитать по пальцам.

Пётр Миков, Анна Редько и Иван Куцев.

Вот их имена: Александр Иванович Кузнецов — артиллерист, воевал на Украинском, Белорусском фронтах, освобождал Венгрию, Германию; Михаил Сергеевич Петров — служил в железнодорожных войсках. Награждён медалями «За освобождение Будапешта», «За победу над Германией», «За отвагу», «За боевые заслуги»; Максим Иванович Анциферов — воевал на 3-м Белорусском фронте, имеет медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией»; Михаил Николаевич Беликов — в войсках НКВД воевал с бандитами в Литве, Белоруссии, Польше, на Украине. Награждён медалями «За отвагу», «За мужество». Служил в армии до 1952 года.

Ещё с тремя фронтовиками я встретился в канун 60-летия Великой Победы, записал их воспоминания.

Пётр Фёдорович МИКОВ:

— Мне довелось протопать тысячи километров фронтовых дорог, освобождая от врага европейскую часть страны — до Прибалтики, а в 1944 году перебросили на восток, воевал и с японцами.

По военной специальности я связист. Нередко приходилось налаживать связь по ночам. Ползком, с тяжёлой катушкой, в грязь, снег, слякоть. В одном из боев меня контузило, оглох. Но всё равно служил в армии до 20 мая 1947 года.

Особенно трудными были бои с японцами на Большом Хингане. Както, истомлённые жарой, вышли мы к горному озеру. А оно оказалось солёным. Но иные солдаты всё равно рискнули напиться, а затем умерли в мучениях. Старшина прошёл, красноармейские книжки собрал. Писарь домой отправил казённый текст: «Погиб смертью храбрых...» Хорошо, если друг грамотный, или командир добрый — черкнут родным письмецо об обстоятельствах гибели, месте захоронения.

Чем дальше уходит война, яснее понимаю, что одно из самых ярких её впечатлений — могилы однополчан. У нас чаще всего делали братские захоронения — без гроба, креста или памятника с именами. За рубежом иное отношение к погибшим. У каждого, нашедшего смерть на войне — ухоженная могилка. У нашей армии целые полки, дивизии гибли, а родным сообщали, что «пропал без вести». То ли в плену (а это приравнялось к предательству), то ли дезертировал, струсил (семьям никаких льгот)?!

Анна Павловна РЕДЬКО:

— Я была санитаркой. Прошла от Ленинграда до Берлина. Самые большие потери — в наступлении, да при артобстреле или бомбежке. Бывало, тащишь раненого, видишь в пути: рядом ворочаются, стонут, зовут, ползком ползут, руку поднимают: «Возьми!»

В самой весу-то килограммов 40, а в раненом — около центнера, раза в два тяжелей. Санитарке, как ни странно, легче зимой: можно из плащ-палатки или веток подобие санок соорудить. Тяжело — в непогоду и в слякоть.

Говоришь солдатику, бывало: «Ты покричи, поругайся, тебе легче будет». А он нередко умолял: «Доченька, оставь меня, ты же меня не дотащишь». Как увидим палатки медсанбата, иной раненый приободрится, а другого, наоборот, силы оставят. Хирург выйдет: «Вот, видишь, девчонка тебя притащила, а ты «брось, оставь!» Давай вместе бороться за жизнь будем». Унесут его на операцию, я приволоку следующего, и скорей узнавать, как мой предыдущий, выжил ли? Плакала много. Обидно, когда тащишь-тащишь, а он умрёт.

Мне иногда кажется, что мой фронтовой путь можно измерить километрами окровавленных, заскоружлых бинтов, которые мы, санитарки, стирали в перерывах между боями.

Иван Никитович КУЦЕВ:

— Мне в 1945 году исполнилось 18 лет, но около года уже был в армии. Участвовать довелось только в боевых действиях против Квантунской армии Японии. На всю жизнь сохранил благодарность к старослужащим солдатам и командирам, имевшим богатый боевой опыт. Мы-то, молодежь только учебку окончили, и они нас опекали как сыновей. Недаром, ни один из нас не струсил. Даже пленные японцы нам потом говорили, что они боялись русских солдат, которые повоевали с немцами.

Нас часто направляли прочёсывать местность. Попадались доты, дзоты, овраги, а в них — смертники. Нередко те бросались с плоским штыком на группы наших солдат. Их связывали, отправляли на допрос.

У города Нинань я оказался участником важного, можно сказать, исторического эпизода. В небе показался японский самолёт, мы подняли стрельбу. Но он всё равно сел неподалёку от того места, откуда мы стреляли. Одного из японцев ранили, но экипаж не отстреливался. Слышим, приказ: больше не стрелять. Потом нам говорили, что это прилетали парламентарёры — мир заключать, а мы его встретили огнём. Но ведь на самолёте не было никаких отличительных знаков, и наши командиры почему-то ничего не знали о парламентарёрах. Тем не менее после этого эпизода боевые действия завершились, японцы стали массово сдаваться в плен.

РОДИНА И РОДНЫЕ — СЛОВА ОДНОКОРЕННЫЕ

Герой Советского Союза Яков Орлов — наш земляк по месту рождения, хотя ни в одной публикации в Алтайском крае об этом прежде не упоминалось.

С мечтой о небе

Яков Никифорович появился на свет 25 ноября 1917 года в селе Калиновка Карасукского района. Но он утверждает, что родился в селе Нестеровка того же района. В ту пору эти населённые пункты, как и территория всего теперешнего Карасукского района, входили в состав Славгородского уезда образованной накануне Алтайской губернии. Как известно, до августа 1944 года Карасукский район находился в составе Алтайского края, затем отошёл к Новосибирской области.

Яков Орлов лишился отца, умершего от чахотки, когда ему не было ещё и года. Вскоре мать вышла замуж за Семёна Хворостяна, родила от него ещё шестерых детей, в том числе четверых мальчиков.

После окончания в 1931 году школы Яков несколько лет работал в колхозе, затем был матросом и грузчиком Нижне-Иртышского пароходства в Омске, каменщиком в Караганде. В сентябре 1937 года поступил в горно-промышленный техникум, который окончил через два года. Одновременно прошёл обучение в Карагандинском аэроклубе по подготовке пилотов на самолёты По-2. С октября 1939 года до февраля 1940 года, когда его призвали в армию, работал электрослесарем на угольной шахте № 18 в Караганде. До войны успел послужить в Ташкенте на авиабазе. Мечтал летать, и мечта его стала сбываться. Через год, в феврале 1941 года, его направили для обучения в Тамбовскую авиационную школу военных лётчиков, которую окончил в июне 1942 года. Был оставлен при ней в должности инструктора-лётчика для обучения курсантов на скоростном бомбардировщике СБ.

Конечно, рвался в бой, но командование отклоняло его рапорты. И в тылу нужны были люди, способные готовить кадры для фронта.

На трёх фронтах

Наконец, в феврале 1943 года Яков Орлов был переведён в 34-й штурмовой запасной авиационный полк города Ижевск для переучивания. Но в мае того же года уже на Калининском фронте пришлось осваивать ещё более современные самолёты Ил-2 и Пе-2.

Фронтная биография 25-летнего лётчика началась 29 июля 1943 года в составе 11-го разведывательного авиационного полка. А боевой путь воина пролёг через многие города. Якову Орлову довелось повоевать на трёх фронтах: Калининском, Прибалтийском и Белорусском.

За годы Великой Отечественной войны он сделал 184 вылета. В основном это были разведывательные полёты. Он наблюдал, фотографировал, наносил на карту передвижения фашистских войск, оборонительные рубежи и укрепления. Чаще всего это были скопления врагов и техники на железнодорожных станциях, автомагистралях и аэродромах.

Добытые им сведения приносили неоценимую помощь командованию для оценки ситуации, способствовали уничтожению врага и дальнейшему продвижению советских войск на участках фронта.

Попутно лётчику нередко приходилось наносить бомбовые удары в места сосредоточения войск и техники немцев. Также несколько раз во

время заданий Яков Орлов штурмовал с бреющего полёта живую силу и технику фрицев. Случалось, из опасения быть сбитым, разведанные приходилось устно передавать прямо с борта. Не раз лётчик выводил машину из-под обстрела, уходя от фашистских истребителей. Нередко его самолёт возвращался из опасных полётов со многими пробоинами в машине, а иногда просто изрешеченным.

Памятные полёты

По воспоминаниям Якова Орлова, особенно памятным был полёт 14 сентября 1944 года. Поднялись в небо в четыре часа утра. Ещё при взлёте советский самолёт подкараулили два немецких истребителя «Фокке-Вульф-190».

На высоте 800–900 метров они атаковали, повредили мотор, самолёт загорелся. Но покинуть горящую машину экипаж не мог, потому что у штурмана оказался неисправным парашют. А бросать боевого друга было нельзя, и командир принял решение посадить горящую машину на своём аэродроме. Как только шасси коснулось земли и самолёт остановился, экипаж бросился в кустарник, чтобы не погибнуть от очереди немецких истребителей.

Для выполнения боевого задания приходилось идти на различные хитрости. Особенно трудно было перелетать линию фронта. Обычно экипаж из опаски попасть под огонь зениток пытался укрыться за облаками, если они были на небе. Если же пролетали над лесом, то, едва не касаясь верхушек деревьев. Иногда преодолевали передовую очень низко, почти над головами немецких солдат, которые были в окопах. Увидев советский самолёт те, как правило, вылезали из окопов и принимались стрелять из автоматов и пулемётов. Советские авиаторы применяли такую хитрость: штурман стрелял из пулемёта в воздух. В солдат ему трудно было попасть, а фашисты, видя, что самолёт изрыгает пули, падали на землю и скатывались в окопы. Машина же тем временем перелетала передовую и углублялась во вражеский тыл.

Однажды экипаж должен был сфотографировать немецкий аэродром. Достигнув цели, самолёт стал быстро снижаться. Чтобы его не обстреливали с земли, авиаторы выпустили шасси, как бы показывая, что хотят совершить посадку и сдаться в плен. Фашисты приготовились встретить советский самолёт, а он и не собирался приземляться. Сделав необходимые снимки, облетев ещё один круг, машина резко взмыла вверх и скрылась

за облаками. Немцы подняли тревогу, но было уже поздно.

К счастью, экипаж в составе командира Якова Орлова, штурмана Фёдора Лежнюка и стрелка-радиста Ивана Круподёрова сохранился до конца войны в одном составе. Авиаторы ощущали себя единым целым, понимали друг друга с полуслова.

Командиру авиационного звена 11-го отдельного разведывательного авиационного полка 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта старшему лейтенанту Якову Орлову за два с половиной месяца до окончания войны было присвоено звание Героя Советского Союза. Так Родина и военное командование оценили его заслуги в успешном выполнении боевых заданий в разведке и проявленные при этом отвагу и мужество.

На фронте побывали все четверо его братьев. Двое из них — Василий и Григорий Хворостяны так и не вернулись домой.

Лучший праздник в жизни

А Яков Никифорович после войны не оставил своего любимого дела: ещё двенадцать лет отдал службе в авиации. Летал на новейших машинах, обучал молодежь.

После увольнения в запас основался в Тамбове, там, где в 1942 году окончил авиашколу. Работал инженером на тамбовском заводе «Электроприбор».

В 1980 году он выполнил ответственное поручение — доставил из Москвы от памятника Неизвестному солдату в Александровском саду огонь для открывшегося в Тамбове на Октябрьской площади мемориала погибшим в годы войны солдатам.

А в 2005 году решением городской Думы ему было присвоено звание

Яков Орлов.

Портрет работы художника Н. Ладыгина.

почётного гражданина города Тамбова. Во время торжественной церемонии он отметил: «Меня постоянно тянуло к общественной деятельности: я хотел каждым своим действием помогать прекрасному городу Тамбову, давшему тогда, много лет назад, мне путевку в небо. Для меня было большой честью получить признание тамбовчан, да какое!»

9 мая 2007 года в Тамбове вместе с полутора тысячами фронтовиков чествовали двух Героев Советского Союза, 90-летнего Якова Орлова и Виктора Мясницкого, — об этом сообщал корреспондент информационного агентства REGNUM.

Яков Никифорович, стоя у Вечного огня мемориала, на который нанесено его имя, поделился с журналистами такими мыслями: «Языки пламени едины, слиты. Их сплотила единая горящая, неиссякаемая основа. Так и нас сплотила в годы войны идея, что мы сражались за правду, за справедливость; что сражались не только за Кремль или не только за родную семью. Нет! Мы сражались за Родину. Государством для нас были и родное село, и златоглавая Москва, и родная улица, и Кремль, и родители, и Сталин; морозные ветра северных морей и жгучее тепло южных городов — ибо всё это было одно и то же, носящее величайшее название — Отчизна. Мы ждали и верили в победу, которая пришла к нам, как лучший праздник в жизни!»

НА ВОЙНЕ ЛЕГКО ВДВОЙНЕ

Михаил Дроздов родился в 1926 году в городе Барнауле. С раннего детства проживал в Яшкинском районе Кемеровской области. После окончания в 1940 году семи классов школы работал в животноводческом совхозе. В один из летних дней 1941 года узнал о начале Великой Отечественной войны.

Путь на фронт

Впрочем, одна война уже состоялась — финская. В ноябре 1939 - марте 1940 годов военкомат без лишнего шума, как НКВДшники

в 1937-м, забирал мужиков, а в деревню приходили похоронки. На ферме побавилось мужских рук. Коровам не хватало кормов, они были голодными.

Зима была суровой — 35-40 градусов мороза. А Михаил обязан был три раза в день ездить за сеном в поле, чтобы накормить животных.

С началом новой войны и вовсе деревня обезлюдела. Но, как и его сверстники, юноша рвался на фронт. Бытовало мнение, что «на войне легче вдвойне», потому что бить врага почётно и патриотично.

Однако ещё долгих два года, до достижения 17-летия, Михаила Дроздова в армию не брали. Старики тихо роптали, что таких молодых парней прежде вообще под ружья не ставили. Например, при царском режиме, несмотря на боевые действия Первой мировой, мужчина становился воином лишь по достижении 20 лет.

Дроздова призвали в армию 11 ноября 1943 года. Впрочем, прошёл целый год, прежде чем он оказался на передовой. Сначала призывников доставили в город Багатол Красноярского края.

Кормили очень плохо, за три месяца истощал, заболел. Поэтому был направлен для поправки в батальон выздоравливающих в Красноярск.

Но и там не давали норму продуктов. Ещё через два месяца оказался в Омске, на курсах по подготовке сержантов. Всё бы ничего, но здание, где размещались курсанты, не отапливалось. От холода спасались тем, что зарывались в солому. Да и кормили тоже неважно. Чуть-чуть отъелись тогда, когда в марте 1944 года перевели в посёлок Черёмушки, в 39-ю Омскую запасную бригаду. Полгода осваивал там нехитрую науку овладения стрелковым оружием. А летом 1944 года курсантов спешно выпустили, присвоив воинское звание ефрейтор.

Прибыл на фронт Михаил Дроздов в августе 1944 года, когда фашистов уже изгнали с территории России. Весь его боевой путь, завершившийся 5 мая 1945 года, проходил через Латвию. Участвовал в освобождении города Риги и населённых пунктов Рижской области.

Ранение — не смерть

Воевать пришлось в мотострелковых частях во взаимодействии с танкистами — в составе 5-го танкового корпуса 5-й мотострелковой бригады. В задачи корпуса в основном входили рейды по тылам противника.

Например, 7 сентября усиленный мотострелковый батальон, в котором воевал земляк, вырвался далеко вперёд наших войск. Ему удалось разгромить роту гитлеровцев и несколько тыловых учреждений, взорвать эшелон с боевой

техникой, захватить много оружия, боеприпасов, горючего и продовольствия. Потом ещё несколько суток бойцы удерживали станцию, успешно отбивая вражеские атаки. И только когда противник подтянул свежие части, майор Дитюк отошёл, направив батальон на север. К нему присоединилось несколько групп советских солдат, оказавшихся во вражеском тылу.

В боях за освобождение Риги Михаил Дроздов был ранен. Это произошло в самом начале октября 1944 года. Осколки вражеской мины заделали ногу и левый глаз. Бойца направили на лечение в госпиталь № 4173 в городе Торопец. Больше всего опасался потерять глаз, но когда сделали операцию, доктор сказал, что видеть будет — рана несерьёзная, просто задело осколком верхнее веко.

Выписали Михаила Дроздова из госпиталя через месяц. Рану залечить толком не успели, в каждом подразделении существовал свой медико-санитарный взвод, вот бойцов и направляли туда на перевязки.

Подвиг или безрассудство?

На войне многое регламентировано. Большинство действий солдаты выполняют по приказу. Нередко гибнут, выполняя приказ. Но обиднее всего, когда сами буквально ищут смерть — из-за бахвальства или безрассудства.

В конце марта 1944 года шли очень кровопролитные бои. Ведь противниками советских солдат являлись не только гитлеровцы, но ещё и власовцы, и местные националисты, которым нечего было терять.

Это был один из последних боёв Дроздова — за населённый пункт Каркльни. Накануне выпал снег, ударил морозец. Противники разместились в открытом поле, их траншеи разделяли всего каких-то 120-150 метров. Несколько ночей предпринимались безуспешные попытки одолеть фашистов — враг отчаянно сопротивлялся. Командование решило проверить, можно ли выдвинуться на исходные позиции днём?

Начали выдвижение с отделения, которым командовал Михаил Дроздов. Он пошёл первым. Поставил задачу подчинённым наблюдать за его выдвижением, а затем повторять действия командира.

Прополз метров 20-25, потом заметил впереди бугорок с насыпью от снаряда. Там можно было спрятаться. Залёг за него, начал наблюдать, как будут выдвигаться подчинённые.

Первыми пошли лучшие солдаты — пулемётчики. К концу войны каждое отделение комплектовалось двумя пулемётчиками: один — с пу-

лемётом, а второй, вооружённый автоматом, носит диски для первого. Но подчинённых ранило, едва они преодолели метров десять. Выдвижение захлебнулось.

Командир взвода кричит командиру отделения: «Дроздов, иди сюда, теперь вечером будем выдвигаться!» А тот ему отвечает: «Нет, сейчас я уже не пойду, немцы как раз наблюдают за этим участком поля, и если я сейчас выдвинусь назад, то меня обязательно подстрелят. Уж лучше я здесь замерзну, но назад сейчас не поползу, дождусь, пока стемнеет». Так и пролежал на снегу около шести часов, смог вернуться назад только, когда начало темнеть. Конечно, весь продрог до костей: был в шинельке, в маскхалате, в валенках, но это не очень спасало. До сих пор с благодарностью вспоминает тех, кто придумал шерстяные портянки.

Когда ноги немеют от холода, пальцами пошевелишь, потрёшь о портянки, глядишь, снова стали чувствовать, согреваться.

Табак из кожаного кисета

Нередко в таких случаях люди бесшабашно погибали. После одного ожесточённого боя от батальона осталось всего лишь 18 бойцов, которых собрали в сводную роту.

Во время захлебнувшейся атаки Дроздов оказался на простреливаемом, но недосягаемом для врага участке. Мечтал укрыться за разбросанными бревнами разбитого блиндажа. Но добраться до него и спрятаться было нереально — как только поднимал голову, свистели пули.

Неподалёку залегли два командира взводов. Они приглашали сержанта: «Ползи к нам, у нас курить есть. Ты ведь там без курева, лежишь под дождём, мокнешь». Но Дроздов отказался: «Ребята, меня сейчас два раза чуть не шлепнули. Если я к вам поползу, меня точно убьют. Я теперь буду здесь лежать до вечера, пока не стемнеет».

Вдруг рядом с ним упал командир сводной роты. «Кто у тебя справа?» Сержант ответил, что справа два командира взвода — лейтенант и младший лейтенант, назвал их фамилии. «Ну, тогда, — говорит, — будьте здесь, я пойду влево поднимать в атаку!» Дроздов пытался его остановить: «Вы за полем боя наблюдали? Там никого нет». «Нет, я поползу».

Только отполз — убили. Командиры взводов видели это, спрашивают, почему Дроздов его за ноги не схватил? Тот отвечает: «Как я буду хватать его за ноги, если он — лейтенант, командир сводной роты, с пистолетом в руке. Я ему объяснил ситуацию...»

После того дня из батальона выжило всего четверо: командиры взводов, Дроздов и киргиз Ашакаев. У этого был кожаный кисет, в котором табак не промокал. На всю жизнь осталось в памяти, как чудом выжившие, насквозь промокшие воины курили его сухую махорку...

Цветущее поле победы

Военные боевые действия для Дроздова закончились 5 мая 1945 года. После окружения Курляндской группировки, полк, в котором он служил, вышел из боя 1 мая. А через два-три дня у нашего земляка поднялась очень высокая температура. Сразу отправили в санитарную роту, а затем в медсанбат. Оказалось, что боец болен малярией. После того как ему сбили температуру, хотели уже выписывать и направить в родной полк для дальнейшего прохождения службы. Но планы врачей нарушила победа над фашистской группировкой. А поскольку война уже закончилась, Михаила Дроздова направили в госпиталь на долечивание. Тот возмутился:

— Что вы делаете, куда вы меня отправляете, у меня в моём родном полку боевые товарищи, друзья, с которыми я воевал. Я же их всех потеряю. Тем более радость такая — победа, а вы меня — в госпиталь.

Но начальник медсанбата — подполковник, а больной — сержант. Врач его и слушать не стал.

В госпитале Дроздов лечился очень долго. Помнит, рядом с ним было поле, по которому гуляли выздоравливающие. Но воин был слаб, у него держалась высокая температура. И всё же молодость взяла своё: едва сбили температуру, стал просить на обед добавку, да и от прогулок по цветущему весеннему полю уже не отказывался.

По минному полю

Физическая подготовка пригодилась сибиряку, поскольку после выздоровления предстоял большой пеший поход из Латвии в Эстонию.

Расстояние 500-600 километров необходимо было пройти своими ногами. Но знакомая медсестра Люся упростила командира артиллерийского дивизиона, чтобы он помог слабому после болезни воину. В итоге часть пути Михаил Александрович передвигался на лафете пушек или на лошадях.

До начала апреля 1946 года Дроздов продолжал службу в Прибалтике, затем был направлен под Ленинград в 33-й инженерно-сапёрный Двинский полк на разминирование местностей, где в годы войны проходила линия фронта. Но прежде надо было научиться сапёрному делу. Нашлись спе-

циалисты, которые занимались этой опасной работой ещё в годы войны. Каждый новый день начинался с тренировок. Воины учились пользоваться щупом и миноискателем. Были среди них и лихачи.

Например, один солдат, обнаружив мину, кинул её в берёзу, в итоге его сильно ранило.

Однако ещё больше потряс такой случай. Старший сержант Гаврилов назавтра должен был увольняться, и решил завершить службу нарядом на разминирование. Командир роты его отговаривал: «Да не ходи ты, завтра тебе уезжать...» Но Гаврилов всё же пошёл. Не заметил проволоку, зацепил её, и погиб от взрыва фугаса.

Сапёры обезвредили значительную территорию Ленинграда и Ленинградской области — Колпино, Ораниенбаум, Синявино.

По окончании разминирования Михаил Дроздов был направлен для прохождения дальнейшей службы в 26-й гвардейский танковый полк 2-й гвардии Тацинской танковой дивизии, где прослужил до августа 1953 года. В 1950 году ему присвоили воинское звание младший лейтенант. Затем продолжал службу в 1-й армии ПВО особого назначения в Москве, в Главном штабе войск ПВО. Окончил военное училище и командную академию ПВО. После увольнения из рядов Советской армии с августа 1974 года по июль 1986 года работал начальником отдела кадров Сбербанка СССР. В 2007 году, как упоминается в VIII томе книги «От солдата до генерала», жил в Москве.

АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

Алтайский радист Андрей Стоцкий 2 мая 1945 года расписался на стене рейхстага рядом с маршалом Жуковым.

Книжная иллюстрация

Каким-то чудом Ивану Ющенко удалось приобрести двухтомник Георгия Жукова «Воспоминания и размышления». После опалы, умолчания и смерти маршала Победы появление его книги о войне было откровением, прорывом.

Ющенко читал её запоем. События страшного и героического противостояния, после окончания которого прошло уже три десятилетия, словно представляли перед глазами человека, которому не довелось воевать.

Иван Александрович внимательно вьедался в строки, вглядывался в иллюстрации.

Он был поражён, когда на одной из фотографий, помещённой в книге увидел знакомую фамилию. Фронтовой снимок иллюстрировал Георгия Жукова подпись на рейхстаге. Удивительно, но чуть ниже автографа маршала ясно виделась фамилия сослуживца, написанная знакомым до боли почерком: «Стоцкий».

— Так это же наш Андрей Афанасьевич! — осенило читателя. —

А он про это никогда не говорил.

Оно и понятно, ведь Стоцкий — человек скромный. Не любит рассказывать про войну. Но абсолютно достоверно то, что он брал Берлин.

Когда Иван Ющенко показал эту фотографию Андрею Стоцкому, тот ничуть не удивился:

— А чего я хвастаться-то буду! Но маршала Жукова в тот день у рейхстага я не видел.

С удивительной находкой Иван Ющенко, секретарь парткома железнодорожного узла станции Алейская, пришёл в горком партии:

— Знаете, кто у нас работает?

— Кто?

— Да дежурный по станции Андрей Афанасьевич Стоцкий. Он на рейхстаге расписался рядом с маршалом Жуковым. Вот в книге и фотография имеется.

— А почему про это никто не знал?

— Да потому что он — молчун.

Победа — рядом!

По воспоминаниям Андрея Стоцкого, в Берлине его часть воевала немножко левее рейхстага. В штурме вражеского логова она непосредственного участия не принимала. Ведь солдаты на войне боевые задачи и объекты сами не выбирают.

Стоцкий был радистом. Накануне последнего боя командир батальона приказал ему внимательно следить за сообщениями, поскольку уже ожидалось сведения о завершении операции. Как только

рейхстаг сдастся, радист должен был сразу же сообщить об этом комбату.

В те памятные дни 1 и 2 мая 1945-го, сквозь гулы боя и тарабарщину лающих немецких фраз, советские радисты, пренебрегая паролями, радостно сообщили миру: «Рейхстаг пал!» С этой ошеломляющей новостью Андрей Стоцкий примчался к командиру батальона. Тот, не медля, распорядился: «Ребята! Пошли к рейхстагу!»

Подошли, а там — пляски, шум, крики, пальба в воздух. Кто плачет, кто смеётся. Радист вместе с сослуживцами обратил внимание, что войны расписываются на стенах и колоннах рейхстага. Подобрал на крыльце какой-то белый кусочек — то ли обожжённой глины, то ли бетона, приподнял на носках и расписался.

Жукова увидеть ему не удалось. Теперь известно, что маршал побывал у рейхстага днём позже, 3 мая 1945 года. Но по удивительному стечению обстоятельств их имена оказались у центрального входа в рейхстаг, между колоннами. Рядом!

Вот как Георгий Жуков писал об этом дне в книге «Воспоминания и размышления»: «Утром 3 мая вместе с комендантом Берлина Н.Э. Берзариным, членом Военного совета 5-й армии Ф.Е. Бокковым, членом Военного совета фронта К.Ф. Телегиным и другими мы осмотрели рейхстаг и места боёв в этом районе... Поставили мы и свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Пришлось задержаться и поговорить по душам».

2-е мая 45-го запомнился Стоцкому и тем, как он с однополчанами отпраздновал взятие рейхстага. Искали спиртное. В подвале у одной немки нашли ящик советского «Тройного» одеколona.

Но как он туда попал? Хозяйка дома прежде была соотечественницей победителей, до конца 30-х годов жила в Ленинграде, отлично говорила по-русски. В Германию переехала, потому что Гитлер настойчиво приглашал этнических немцев возвращаться на историческую родину.

Этим одеколоном войны и отметили взятие логова врага. На всю жизнь Андрею Афанасьевичу запомнилась вонючая, разбавленная водой жидкость молочного цвета.

Тревожные сны солдата

В ту ночь он проснулся, потому что в обязанности радиста входило поддержание связи. Обратил внимание на то, что впервые за четыре года войны не было ночного караула. То ли командир забыл выставить его, то ли решил, что победителей охраняет бог войны. Но с той ночи, действительно их часть позволяла себе спокойный мирный сон.

Десятилетия прошли с момента победы над врагом. Но иногда Андрею Афанасьевичу всё ещё снятся военные кошмары. По его словам, он, опасаясь бессонницы, всю жизнь старался не вспоминать о боях. Первые лет двадцать после войны было в этом смысле спокойней: о ней почти не писали, не снимали фильмов, не бередили души выживших участников. Тогда Стоцкому было легче жить.

А потом, особенно после того, как стало известно о том, что он расписался на рейхстаге рядом с Жуковым, ветерана стали тормошить. А всякая такая встреча — это почти наверняка бессонная ночь. Поэтому ветеран старался избегать традиционных ветеранских мероприятий, за что на него — молчуна даже обижались их организаторы и журналисты.

Нередко во время бессонных ночей всплывают эпизоды тех далёких лет. Всплывают липкие, тяжкие, горькие впечатления. Если вспоминать эпизоды боевых действий, то особенно много солдат полегло в начале войны, при отступлении. Ведь Андрей Афанасьевич прошёл её с первого до последнего дня. Ещё до войны окончил полковую школу радистов, служил в Луцке на Западной Украине.

Ранним утром 22 июня 1941 года часть, в которой он нёс службу, бомбили. Разнесло штаб, но, к счастью, радистов не зацепило. Сколько страданий пришлось перенести! Постыдное отступление, геройство и трусость, прорыв из окружения, голод и холод.

Отступали до Сталинграда. Потом были кошмарные сражения у этого города на Волге и на Орловско-Курской дуге, где на глазах солдата гибли

тысячи сослуживцев. Фронтная дорога солдата к Берлину пролегла через Белоруссию, предместья Варшавы, Франкфурт-на-Одере.

Особенно навязчива во сне картинка, как он пытается скрыться от налетевшего вражеского самолёта в высокой пшенице, полагая, что спрячется. А для лётчика он — как на ладони. Эта солдатская беспомощность сродни старости.

Хорошо, когда приходят светлые воспоминания о друзьях-товарищах, о солдатском житье-бытье. Или о послевоенной жизни, ведь он отдал 34 года работе на железнодорожной станции Алейская.

И всё же самый яркий и счастливый военный эпизод — о том, как удалось дойти до Берлина и оставить надпись на рейхстаге. Да ещё и рядом с автографом маршала Победы!

ПРИГОВОР БОЙЦА

В Табунском районе живёт Анастасия Попкова, расписавшаяся на рейхстаге

Вместо разведчиков — в шофёры

Родом Анастасия Васильевна с Поволжья. В полдень 22 июня 1941 года она находилась за селом Сергиевск Куйбышевской, ныне Самарской области на народном гулянии.

Места те издавна считаются курортными. Девушка не по книжкам знала, что здесь бьют четыре сероводородных источника, стекающие в Серное озеро, которое не замерзает зимой. А первые сведения о Сергиевских источниках относятся к началу XVIII века. В 1703 году Пётр I «высочайшей грамотой» повелел устроить там завод по добыче серы. А Серноводский курорт был открыт в 1833 году. С тех пор местные жители широко пользовались источниками для лечения ряда заболеваний кожи, костно-мышечной и нервной системы, органов кровообращения. Здесь останавливались писатели Сергей Аксаков, Николай Гарин-Михайловский, Владимир Сологуб, ученый-математик Николай Лобачевский, композитор Александр Алябьев, многие другие выдающиеся деятели России. Жизнь «водяного» общества этих лет описал Сергей Аксаков в неоконченной повести «Наташа».

Однако в тот воскресный июньский день 1941 года внимание отды-

хающих, в том числе и Настя Тихоновой, привлёк всадник, прискакавший галопом на берег реки. Он громко прокричал: «Началась война, Гитлер напал на Советский Союз». Гулянье сразу же прекратилось. Все направилась в Сергиевск, прослушали выступление по радио Вячеслава Молотова.

А в военкомате седовласый, усатый военком спросил Настю с подругами: «Вы-то куда собрались?» Те ответили хором: «Хотим в разведку». Военком и говорит им: «Знаете что? Идите пока домой. Когда нужно будет родине, я вас приглашу».

Девушки ждали вызова в военкомат долгих четыре месяца.

Однажды Настя идёт из школы, а мать держит в руках повестку в военкомат и плачет. Наутро военком сказал девушкам: «Нам поступило указание подготовить военных водителей для Красной армии».

Вообще-то Настя мечтала стать медиком, но, конечно, согласилась. Учёба давалась ей легко. Она даже не ожидала от себя, что так быстро освоит технику. А изучать пришлось не только теорию, но и практику — материальную часть различных марок автомобилей, в том числе и иностранных. И это потом, на фронте, ей здорово пригодилось. Также изучали оружие: винтовку, карабин, автомат. Правда, пострелять почти не удалось. Заставляли заниматься и строевой подготовкой. Девчонки поначалу восприняли это в штыки: «Зачем эта строевая нам нужна?» Но командиры были строги: «Вы теперь люди военные, это необходимо». Что ж, надо, значит надо!

Закончила ускоренные курсы вневойсковой подготовки водителей Анастасия с отличием. Поныне сохранилась у неё похвальная грамота, выданная за отличные успехи в овладении знаниями, датированная 4-м июня 1942 года. Её даже хотели оставить преподавать на этих самых курсах, но та заартачилась: «Нет! Только на фронт».

«Мы проложим дорогу вперёд»

После принятия присяги, новоиспечённым военнослужащим выдали обмундирование. У гимнастёрки — рукава длиннющие, даже кистей рук не видно, юбки — до пола, кирзовые сапоги — на несколько размеров больше, чем надо.

Словом, чучела, а не воины. Но они не были бы девушками, если бы не подогнали под себя обмундирование. И получилось вполне даже ничего. В таком виде можно было и воевать.

Ночами поднимали по тревоге. Навьючены скатка шинели, противогаз, патронташ, карабин. Чеканят шаг по Можайскому шоссе. Команда: «Запелай». Какая там песня?! Выдохлись девчужечки. Снова приказ: «Запелай». Опять молчат. Теперь уже звучит: «Надеть противогазы». Надевают. Новая команда — ползти по-пластунски. Пот — градом, пищат, но ползут. Когда оказываются снова на ногах, бодро, хотя и из последних сил поют:

*«Вражья сила качнётся и сломится
На штыках наших доблестных рот.
Артиллерией, танками, конницей
Мы проложим дорогу вперёд».*

Наконец, поступила в воинскую часть. Евдокия Тихонова стала водителем в 8-м механизированном корпусе 1-й танковой армии. В её составе она участвовала в Курской битве, Житомирско-Бердичевской и Проскуровско-Черновицкой операциях на Украине, Варшавско-Познанском сражении в Польше. В феврале-мае 1945 года воевала на территории Германии — в Восточно-Померанской и Берлинской стратегических наступательных операциях.

За ратные подвиги в годы войны свыше 80 тысяч воинов первой танковой армии награждены орденами и медалями, а 117 из них присвоено звание Героя Советского Союза. Дважды этого звания были удостоены командующий армией генерал Михаил Катуков, полковники Иван Бойко и Иосиф Гусаковский.

Минное поле воспоминаний

Многое сохранила память ветерана. Неумолкающую канонаду Курской битвы, цепкую оборону врага на Украине, в Польше, и особенно в Германии. Там танкистам Катукова пришлось столкнуться с «панцерверке» — автономными сталебетонными сооружениями, связанными между собой подземными ходами и врытыми в землю на десятки метров. Толщина

наружных бронекорпусов достигала 35 сантиметров. Но советские танки сумели одолеть врага. Где просочились, а где и с боем прорвались через «Одерский четырёхугольник». Опытные башенные стрелки всаживали снаряды в амбразуры, заклинивая взрывами немецкие орудия.

Анастасия Васильевна не стреляла по врагу из пушек или пулемётов, она подвозила для них боекомплекты. Это занятие не просто нелёгкое, но и смертельно опасное. Если, не дай бог, вражеские снаряды или их осколки попадали в гружёные автомобили, от них оставались только воронки. Даже хоронить было нечего.

Вес ящиков со снарядами достигал шестидесяти килограммов. Сама молоденькая шофёр не весила в ту пору столько же. Но всё равно приходилось загружать и разгружать эти тяжеленные ящики.

Однако больше всего она почему-то боялась переправ через реки. И не только потому что плохо плавала — надо было и самой перебраться на другой берег, и переправить технику.

Жутким кошмаром осталось в памяти преодоление Вислы. Вокруг рвались вражеские снаряды, один из них попал в понтонный мост, и Настя вместе с машиной оказалась в воде. Но девушке помогли выбраться из тонущего автомобиля, добраться до берега. Обсушилась в штабе. Дождалась новой машины — теперь вместо допотопной газогенераторной ЗиС-5, передвигавшейся благодаря сжиганию деревянных чурочек, ей достался ленд-лизовский «Студебеккер». Больше не надо было мучиться с розжигом газогенератора, запасать до полуцентнера древесных чурок для преодоления сотни километров пути, мерзнуть в фанерной кабине, буксовать на фронтовых ухабах. «Студебеккер» был машиной повышенной проходимости, но требовал более качественных топлива и смазки, а таковые не всегда были во фронтовых условиях.

У городка Ландсберг в земле Саксония-Анхальт, известном своей тысячелетней историей, и с Анастасией случилась история. Колонна из девяти машин оказалась на минном поле. Автомобили были загружены танковыми снарядами, волокли за собой 78-миллиметровые пушки. Выбора не было: ни назад, ни вправо, ни влево. А впереди — противотанковые надолбы, лес, высокие деревья.

Фашисты решили взять советских водителей живыми. Старшина приказал приготовить оружие, проверить наличие боекомплектов, и дал понять, что надо готовиться к самому худшему. Водителей спасло то, что возвращавшиеся из разведки наши бойцы сообщили по радиации об окружённой

автоколонне. И танкисты, которых шофёры не раз выручали в боях, пошли им на помощь. Анастасия попыталась было двинуться вперёд, под укрытие деревянного сруба, и только в последний момент заметила, что левое переднее колесо огромной машины въезжает на бугорок, скрывающий мину. Услышала глухой взрыв — больше ничего не помнит.

Потом ей рассказывали, что выжила она чудом: сдетонировали, рванули снаряды, от машины остался лишь один мотор. Её же взрывной волной отбросило далеко от колеи, ранило и контузило. Два месяца находилась на излечении в госпитале. После выписки пересела на другую машину, на которой 2 мая 1945 года вместе с танковой колонной вошла в Берлин. А последний боевой рейс Анастасии Васильевна совершила в Дрездене.

Подпись на рейхстаге

Через Бранденбургские ворота ведут военнопленных, мечтавших о завоевании мира. Машина огромная, а в её кабине сидит крохотная девчушка: Проносится: «руссиш дас медхен» — «русская девушка». А справа от неё сидит старший техник, лейтенант. Она посмотрела на него, он — на неё. Кивнул головой: «Ты — девчонка, тебе ничего не будет».

Грешница, Анастасия дала право руля, въехала в колонну... Отомстила за всё, что те творили на её родине. Ведь попадись она в их руки — об этом даже страшно подумать. Ей приходилось видеть и это...

Юная военный водитель, прошедшая по бесконечным фронтовым дорогам, расписалась древесным угольком неподалёку от центрального входа в рейхстаг. Текст был простым: «Громлю врага от Волги до Берлина». И подпись: «Анастасия Тихонова». Жалко, что не сфотографировалась на этом месте, у стен рейхстага. А до нынешнего дня подпись не сохранилась.

Младшая внучка, проживающая с 2001 года с родителями в Германии, всё спрашивает: «Бабуля, а где ты расписывалась?»

Высоких наград Анастасия не заслужила. В основном — медали «За освобождение...», да юбилейные. Гвардии ефрейтор Тихонова на фронте вела себя строго, презирала ППЖ — «походно-полевых жён», всем мужчинам, по её словам, «от ворот поворот давала», была недоступной, как орешек.

После войны вышла замуж за кадрового офицера Попкова, получила гражданскую специальность финансово-экономического работника. Работала в Киргизии и Казахстане, наконец, осела в селе Алтайское Табунского района. В 2009 году отпраздновала 85-летие со дня рождения.

Анастасия Попкова — свыше шестидесяти лет она носит эту фамилию — получает поздравления с Днём победы, Днём танкиста и другими праздниками. А Совет ветеранов первой гвардейской краснознаменной танковой армии каждые пять лет приглашает на встречу однополчан в Москву. И она ездит. В последние годы отвечает на приглашения примерно так: если жива буду, постараюсь по-пластунски приползти. Только придётся на месяц-другой пораньше выдвигаться.

Представительство на встречах идёт по убывающей: в мае 1995 года 19-ю гвардейскую механизированную бригаду представляло 12 человек, через пять лет — трое, в 2005 году — лишь двое...

Анастасия Васильевна сочинила стихи, посвященные встречам однополчан:

*«Из боя в бой по всей войне
Солдат к победе пробивался.
И в наступившей тишине
Он на рейхстаге расписался.
Как приговор бойца войне
Как символ счастья на земле...»*

ВОЙНУ НЕЛЬЗЯ НАРИСОВАТЬ,

Так считает Иван Отставнов — 88-летний самодельный художник из посёлка Малиновое Озеро Михайловского района.

Сынишка Юра, когда ему было лет десять-одиннадцать, как-то попросил Ивана Терентьевича купить ему масляные краски и кисти. Отец тогда и представить не мог, что увлечение живописью изменит жизнь всей его семьи. Глядя на первые опыты Юры, пристрастились к рисованию отец и мать, а затем и его сын Максим. Кстати, Отставнов-младший, получивший профессию ювелира и работающий во Владивостоке, подаёт, говорят, большие надежды как профессиональный художник. Только Раиса Ильинична, умершая несколько лет назад, работала карандашом, причём, у неё замечательно получались портреты, а Отставновы-мужчины пишут картины масляными красками, и, в основном — пейзажи.

Впрочем, художественные увлечения Ивана Терентьевича проявлялись ещё в молодости.

Прежняя власть, как известно, очень любила наглядную агитацию. Его, а затем и повзрослевшего сына Юрия, так-

же работавшего на содовом заводе в Малиновом Озере, нередко привлекали для оформительских работ. Но особенно, увлёкся живописью Иван Терентьевич после 60 лет, когда устроился работать шофёром на «скорую помощь». Там был особый график — через сутки, а то и через двое. Вот в это время он и всерьёз занялся живописью — как правило, выезжал на своём стареньком «Москвиче» на пленэр.

... Иван Терентьевич смутно помнит годы Гражданской войны. В сознании остался облик военного, который угостил его кусочком сахара. Прежде мальчишка такого лакомства не пробовал, может, поэтому и отложился в памяти этот сюжет на всю жизнь. Не запомнил рано умершей матери, а вот данную картинку почему-то сохранил.

До коллективизации помогал отцу и мачехе по хозяйству, потом семья переехала в Прокопьевск. Работал на шахте, затем в Красноярском крае — на лесосплаве. Возвратился в Михайловское уже взрослым самостоятельным человеком, устроился на маслозавод, женился, выучился на шофёра. Его, отца трёх малышек ещё перед войной призвали в армию, где он стал артиллеристом.

Первое боевое крещение часть, в которой служил Иван Отставнов, получила у Западной Двины. Во время пристрелки, фашисты засекли расположение пушек, и накрыли их своим огнём. Погибли три солдата, а часть попала в окружение. Вырваться удалось только под Калинин. Часть перестроили, усилили тракторами и автомобилями. С тех пор до начала 90-х годов Отставнов был шофёром.

Проехал по ухабистым военным дорогам от Москвы до Австрии. Участвовал в сражениях под Москвой, в Орловско-Курская битве, освобождал Киев, Житомир, Черновцы, Польшу, Германию, Чехословакию, Австрию.

Самая дорогая военная награда Ивана Терентьевича — орден Красной Звезды. Дело было на реке Жиздра на Украине. Советские войска долго готовились к наступлению. Шофёры, среди них и Иван Отставнов, ночами подвозили артиллеристам снаряды. Но фашисты внезапно предприняли контрнаступление, отрезав наши части. Попавшие в окружение яростно отбивались, снаряды и патроны были на исходе. Было решено прорываться к своим. Но на глазах водителей автомашин, рядом с мостом, где скопились наши войска, внезапно появились немецкие танки. И Отставнов вместе с другими водителями не растерялся — помчался прямо к расположению пушкарей. Иван Терентьевич, вспомнив свою артиллерийскую подготовку, прямо с машин подавал снаряды, которые расстреливали прямой наводкой вражеские танки. Пять из них удалось уничтожить, остальные вынуждены были уйти.

Таких эпизодов в военной биографии Ивана Отставнова немало. Не раз приходилось под обстрелом подвозить снаряды на передовую, опасаясь мин и прямого попадания. Закончил войну в Вене в возрасте 32 лет. Новый, 1946 год встретил в Москве, откуда был, наконец, демобилизован домой.

Отправлялся в армию пешком, а за время его отсутствия до Малинового Озера заключённые Алтайлага построили железную дорогу к содовому заводу. Здесь после войны он и проработал шофёром 28 лет, а потом ещё 17 — в «скорой помощи». В 1990 году, после того как ему отметили полувековой стаж водительской работы, вышел на пенсию и всё свободное время отдал своему увлечению.

Всего им создано свыше 200 картин. Иван Отставнов — неоднократный участник региональных, зональных конкурсов, несколько произведений подарил Михайловской районной картинной галерее, остальные — друзьям и знакомым, заводу и музеям.

За его плечами — огромный жизненный опыт. Но военная тематика Отставнова не привлекает. «Войну нельзя нарисовать», — говорит он. По-прежнему, как и десятилетия назад, утром его нередко можно видеть с мольбертом на окраине заводского посёлка — он остаётся верен пейзажу.

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ

Танкист, педагог, мастер древних ремёсел: всё это — Иван Жернаков из села Ребриха.

Я попросил фронтовика поделиться военными воспоминаниями, рассказать о воинской службе, работе и увлечениях.

Воздушный поцелуй

— Родился я в Томской области, в многодетной семье, в которой росло 12 детей: шесть братьев и столько же сестёр. Несколько Жернаковых участвовали в Великой Отечественной войне. Михаил, старший из братьев в бою потерял глаз, а когда вернулся домой, вовсе ослеп. Аггей был ранен, перенёс шесть операций, скончался от ран. Третий — Дий, служил в десантной дивизии, пропал без вести. Следующий по возрасту, был я, рождённый в 1926 году. Мне не было ещё восемнадцати лет, когда попал на фронт. Правда, успел пройти ускоренные курсы миномётчиков и танкистов.

К концу войны необстрелянных бойцов берегли те, кто прошёл долгий фронтовой путь. Но сполна досталось и нам. Довелось сутками не покидать танк, спать на броне, голодать по нескольку дней.

Но почему-то больше всего запомнились звуки войны. Вот уже шесть с половиной десятилетий прошло после её окончания, а помню так называемый воздушный поцелуй. Это когда в воздухе взрываются два снаряда — редкий случай, но такое тоже бывает на фронте. Поныне снится, как тяжело стонут смертельно раненые кони. Мы-то привыкли различать звуки пролетающих мин, снарядов и пуль, но, кажется, даже деревья умели делать это: так по-разному лепетала их листва во время обстрела.

Спасительная молитва

За время войны мне довелось сменить три танка.

Один случай произошёл в каком-то немецком предместье. Не давала покоя вражеская артиллерия. Во время очередного обстрела наш танк на-

ходился, как нам казалось, в надёжном укрытии. Экипаж на всякий случай расположился под днищем 45-тонной стальной машины. Но и её разворотило мощным взрывом. Пострадал и экипаж. У зампотеха повредило сухожилие, у командира танка Климантовича — позвоночник, я был ранен в коленный мениск. Но в медсанбат не пошёл, так и воевал ещё два месяца с повязкой на ноге.

Ещё один эпизод случился под Дрезденом. Нашему танковому батальону надо было миновать простреливаемый врагом участок. Снаряды ложились с недолётом, с перелётом, попадали в танки. Вот и наша машина получила пробоину в броне. Оглушённый, я едва понял приказ командира произвести осмотр местности. И стоило мне спрыгнуть с брони и вернуться за угол соседнего здания, как новый снаряд попал в наш танк. А в нём — ни много, ни мало пятьдесят снарядов — две с половиной тонны взрывчатки. Она сдетонировала и весь экипаж, за исключением меня, погиб.

Третий случай был уже в Берлине. Головная машина благополучно миновала перекрёсток, а он мощно обстреливался. Второй танк — тот, в котором был и я, получил удар по броне. Снаряд попал в трансмиссию, разворотил коробку скоростей. Экипаж спасся только благодаря закону инерции. Тяжёлый танк «ИС» — «Иосиф Сталин» — прополз юзом за безопасный поворот и встал. Мы были в нескольких сантиметрах от смерти, ведь недвижимая машина — отличная мишень для врага.

Но на этом наши приключения не окончились. Наш подбитый танк на буксире утащили в безопасное место. Утром, после завтрака экипаж намеревался приняться за ремонт. В это время метрах в пятидесяти от нас показалась колонна советских средних танков. И один из них выстрелил в нашу машину. Дело в том, что наш «ИС» и немецкий танк «Фердинанд» внешне были очень похожи. А мы сидели рядом с ним втроем: механик-водитель, санитар, который остался ночевать, и я — посредине между ним. Их иссекло осколками, а меня, слава богу, даже не зацепило.

Почему? Думаю, что за меня сильно молились мои родные. Я ведь родом из семьи верующих людей.

Живы братцы-кролики!

Перед самым окончанием войны руководство Чехословакии обратилось к руководству нашей страны с просьбой об оказании помощи в освобождении Праги. И нас развезли из Берлина. Граница между Германией и Чехословакией — Судетские горы. Они невысокие, да и дороги в Евро-

не были не в пример нашим, однако подъём для танков был трудным. Несколько машин сорвались в пропасть. Одна из упавших вниз после падения оказалась стоящей на гусеницах. Мы искренне порадовались за коллег, когда увидели, что экипаж появился из люков — значит, остались живы!

Танковую колонну обходили на горной дороге связисты, артиллеристы, разведчики. И вдруг среди ночи майор-пехотинец как заорёт: «Ребята, война кончилась!» Колонна встала. В это трудно было поверить. Так, на самой вершине Судетов мы и встретили победную весть!

Включили радиостанции, и с двух часов ночи местного времени, как говорится, открытым текстом стали по-русски сообщать о капитуляции гитлеровской Германии. Ликованию не было предела. Тем более что накануне у подножья миновали завод по производству вин — было чем отметить победную радость и печаль. Вообще-то имелся приказ не пить не только тамошнее спиртное, но даже и воду — отмечались смертельные случаи после употребления вина, а также воды из отравленных колодцев.

Помню, в одном населённом пункте (там все деревни назывались городками) два моториста-регулировщика нашли канистру с какой-то жидкостью. Пахнет спиртом. Но, на всякий случай всё же решили провести эксперимент. Намочили в спиртном хлебные крошки, дали их кроликам, которых держал в клетках хозяин усадьбы. На следующее утро смотрим: живы братцы-кролики! Значит, и мы живём!

Настанет радостный день...

Мне довелось служить в армии ни много, ни мало — девять лет и 21 день. Такова судьба моего поколения — «поскребышков войны». Многие мои одногодки так и не видели детства и юности — они выпали на годы мировой бойни, а потом ещё служили по семь-восемь лет.

Уже после капитуляции врага набрели на концентрационный лагерь, в котором содержались наши пленные солдатики. Все запасы продуктов, которые были у нас, раздали им.

Спустя несколько лет, уже в Австрии, в 18 километрах от границы с Венгрией во время посещения пустующего бывшего концлагеря увидел надпись на стене барака: «Настанет такой радостный день, когда я увижу свой родной Ленинград». Наши его освободили, но, боюсь, что наши же и бросили этого человека вновь в лагерный барак. А человек так хотел в родной Ленинград!

Я тоже хотел домой. Но служба есть служба. Довелось нести её сначала в составе оккупационных войск, а затем — Группы советских войск в Германии, Польше, Австрии и Венгрии. Пришлось, например, участвовать в подавлении массового антиправительственного восстания в Берлине в июне 1953 года. Наша танковая часть стояла в сотне километров от столицы ГДР. Подняли по тревоге, двинули в Берлин, пока притащились в столицу, все события уже близились к завершению. Для острастки нас разместили где-то в предместье, а потом отправили в расположение части.

За годы войны и после неё освоил все танковые специальности: начинал на фронте заряжающим, потом был замковым, командиром орудия, механиком-водителем и командиром машины. Понял, что «на гражданке» без профессии — одна маята. Ведь меня на фронт взяли прямо со школьной скамьи. Решил продолжить образование в вечерней школе, которая была в части. Всё бы ничего, да в это время в Советской армии проходил эксперимент под девизом «Учить войска военным действиям в любых условиях». Понят он отцами-командирами был странно: всё дневное расписание

было сдвинуто ровно на половину суток. Солдаты жили в перевёрнутом мире. Вечер считался утром: вместо вечерней перекички объявлялся утренний подъём, в полночь был обед, и так далее. Так пытались нас обучать действиям в экстремальных условиях. Мы же умудрялись спать и днём, и ночью. А я ещё выкраивал утреннее время для занятий в вечерней школе.

После окончания службы в 1955 году приехал к брату Михаилу в Барнаул, поступил в Алтайский сельскохозяйственный институт. Учиться в тридцатилетнем возрасте было нелегко, но окончил вуз с отличием. При распределении предложили выбор: остаться в институте или пойти в систему профтехобразования. Здоровье было подорвано трудным детством и военной службой, и я поехал в Ребриху, где несколько десятилетий преподавал в ПТУ.

Как попасть в переплёт

Перед выходом на пенсию перешёл на работу в районный дом пионеров, позже переименованный в центр детско-юношеского творчества, где больше тринадцати лет вёл кружки по переплётному делу и изготовлению изделий из берёсты. Ушёл на отдых в возрасте 72-х лет.

Переплётному делу научил меня младший брат Прокопий, который живёт в Нижнем Новгороде. До начала наступившего века в стране была серьёзная проблема с приобретением литературы. Женщины, к примеру, собирали журналы мод, вышиваний и домашних засолок — я помогал им сброспоровать их. У них, да и у меня дома поныне хранятся годовые подшивки журналов «Времена года», «Вестник ЗОЖ» и других, а также газет. Нередко обращались ко мне библиотекари, учителя, соседи — им помогали не только я, но и мои юные воспитанники. Чаше других возникает в этом нужда у известного ребрихинского педагога, кандидата биологических наук Евгения Денисова — переплетаю его научные труды и печатные работы.

Способов переплёта существует несколько — сшивание «втачкой» и «внакидку». Для этого необходимы инструменты: самодельный сшивальный станок из двух листов толстой фанеры, ножницы, деревянная линейка или рейка, пресс или груз для сушки переплетённых и клеенных изделий, кисти, длинная игла и белые, лучше капроновые, нитки, хорошо заточенный сапожный нож, две струбины, киянка — деревянный молоток, пила по металлу, шило. Также переплётчик не сможет обойтись без картона и бумаги различной плотности и цвета, крахмаленной марли, ледерина или коленкора, клея ПВА, крахмального клейстера. Безусловно, украшают самодельную книжку канты — края переплёта, выступающие за пределы блока, каптал — соединительная тесьма на верхней и нижней части корешка, и ляссе — шёлковая ленточка-закладка, цвет которой сочетается с цветом каптала.

Немногим сложнее изготовление изделий из берёсты. Недаром берёзовую одежду называют древнерусским папирусом — такие письма сохраняются веками. Рассказывают, в Великую Отечественную войну, при отсутствии бумаги, партизаны выпускали на берёсте газеты.

А сосуды из берёзовой одежды, поражающие простотой и мудростью конструкции, изобретены очень давно. Люди, в том числе и в Сибири хорошо знают, что соль, хранимая в тuesке, никогда не волгнет, а солёные грибы и огурцы не только долго хранятся, но и приобретают такой аромат, что непосвящённому порой трудно поверить, что в соление не добавлены пряности. Но всё же больше всего ценится другое достоинство тuesка — вода, молоко или квас долго остаются в нём холодными, а горячая вода, наоборот, никак не остывает. Недаром же берёзовый сок всегда бывает холодным.

Заготавливаю сырьё я по старым приметам — когда цветёт рожь, это в конце июня-начале июля. Главное выбрать «чистое» дерево, без сучков, наростов и вкраплений — так называемых черевичек. Лучшее исходное сырьё — сколотень — из тайги или густого леса. Для снятия берёсты использую сочилку — нехитрый стальной инструмент, типа длинного тупого долота. «Сшивку» наружного слоя — рубашки с внутренним производу методом высечки — без использования клея или гвоздей, окуная в кипяток. Днище и крышку изготавливаю из сосновых дощечек, хотя лучше бы их делать из кедра.

Ещё многие годы я учил ребрихинских мальчишек и девчонок заниматься и резьбой по дереву с помощью лобзика. Получаются удивительные поделки — шкатулки, туалетные наборы, и даже картины из кусочков фанеры. Горжусь званием лауреата краевой выставки детского декоративно-прикладного искусства «За волшебной дверью творчества».

... Когда был на фронте, всё мечтал: вот бы найти себе занятие по душе в гражданской жизни. И эта мечта, слава богу, удалась!

ДОЛГОЖДАННЫЕ НАГРАДЫ

Участнику войны Валентину Дрягину из села Новоегорьевское ордена Красного Знамени и Славы вручили лишь 9-го мая 2004 года. Ветерана переполняли противоречивые чувства: гордость за то, что о его подвигах помнят, и боль — оттого, что награды искали его так долго.

Через всю Европу

Все послевоенные годы Валентин Трофимович знал, что его представили к наградам. Ведь к нему в госпиталь, где сержант находился на излечении после ранения, приходил командир Виктор Чепа, который поведал о наградах. Даже номера орденов сообщил. Выздоровливающий записал их на спи-

ечном коробке. Однако потом коробок где-то утерял.

После выписки из госпиталя, когда война уже завершилась, о неврученных наградах Валентин Дрягин уже почти и не вспоминал. Поиск, если он был, затруднялся ещё и потому что фронтовик сменил место службы, а потом, уже на гражданке — и жительства.

Домой вернулся лишь в 1947 году. Тех, кто был постарше, до 1921 года рождения включительно — демобилизовали, а тех, кто помоложе, оставили продолжать службу в армии. Почти два послевоенных года Дрягин продолжал оставаться на территории восточной Германии.

А начало войны он запомнил ещё и потому, что её первый день выпал на его день рождения. 22 июня 1941 года Валентину Дрягину исполнилось 19 лет. До призыва на фронт успел поработать на заводе в Ижевске. Некоторое время находился «на броне», но потом её сняли и юношу отправили на фронт.

Воевал на Украине. Потом принимал участие в освобождении от фашизма Латвии, Эстонии, Литвы, Польши. В Пруссии сержанта Дрягина ранило в руку — не дошёл до Балтийского моря всего 18 километров.

На фронте был сначала пулемётчиком, потом артиллеристом. Предста-

вители этого рода войск имели преимущество перед пехотой: их хорошо одевали. Зимой — полушубки, стегёные брюки, шапки, двупалые рукавицы, а весной и осенью — фуфайки.

Впрочем, на передовой, как известно, тепла и еды всегда не хватает.

Тяготы войны

— На войне досталось горя, — вздыхает старый солдат, — холода, голода. Много было неразберихи, бардака.

Как учили новобранцев? Муштра, шагистика, да односложные приказы: «Отбой», да «К бою».

Думал, что их готовят для пехотных частей, мысленно уже попрощался с роднёй. Ведь красноармеец-пехотинец жил только до третьего-четвертого боя.

Однако в часть поступили новые орудия и новобранцы в одночасье стали артиллеристами. Командир батареи приказал: «Ты будешь наводчиком, ты — командиром орудия, а ты — заряжающим». Вот и вся учёба. А ведь пушечные стрельбы — целая наука.

Много недоразумений было не только из-за того, что были необучены, но ещё и из-за плохой связи. Случалось, одна рота вперёд продвинется, а свои же по ней открывали огонь.

По мнению старого солдата, мало что изменилось в организации связи за прошедшие десятилетия. Подобная неразбериха была во время боевых действий в военных конфликтах в Афганистане, Чечне и Южной Осетии, где противники нередко имели ошеломляющее преимущество в средствах связи, организации войск и в современном вооружении.

На той, далекой войне с фашистами было мало подготовленных офицеров. Только к концу войны научились воевать. И солдатиков плохо берегли. Даже в последнюю неделю войны под Берлином и в самом Берлине положили около миллиона наших солдат.

Иные офицеры только и умели, что перед строем пистолетом помахать: «Кто не выполнит моё приказание, того ждёт расстрел». Случалось, и убивали. Но доставалось и таким горе-командирам.

Уже здесь, в Новогорьевском ему рассказал один безногий инвалид, что взял он грех на душу. После бессмысленной атаки, когда погибли все его однополчане, он в горячке боя пристрелил самодура-командира, сгубившего сотни жизней. Такая вот жестокая штука — война...

Бывало, некоторые офицеры занимались больше с ППЖ — походно-полевыми жёнами, чем с солдатами. Чрезмерно увлекались выпивкой. Имея лучшее, чем у рядового и сержантского состава довольствие, забирали ещё и пайки у солдат, чтобы погулять. А кому пожалуешься?! На командира нельзя писать, потому что любое заявление он же и обязан подписывать. Такие «отцы-командиры» расправлялись с несогласными подчинёнными, отправляя их в самое пекло боя, в штрафбаты или под трибунал. Может быть, да что там — наверняка — поэтому Дрягин отказался от лестного предложения поступать в военное училище.

К счастью, у Валентина Трофимовича командир был хороший — Виктор Чепя. Родом он с Запорожья, перед войной учился в Горьковском институте. По характеру требовательный, но и добрый. Познал с подчинёнными все тяготы войны: делился с ними куревом, пищей и мыслями. Недаром и солдаты выполняли его приказы беспрекословно.

Не пасовать перед трудностями!

Насмотрелся на войне Валентин Дрягин и того, как живут люди в Европе. В Германии, например, дома не закрывались, однако никто не трогал чужого. А уж дома, одежда, бытовые приборы и питание не шли ни в какое сравнение с тем, что было у большинства советских людей. Солдат мечтал, что после войны и у него дома всё будет по-другому: сытно, уютно, а в зале — непременно — пианино...

Но на родину он явился с тощей котомкой, в которой были лишь ложка, вилка, да смена белья. Ничего не привёз — ни гармошки, ни отрезков родным на платья и костюмы. Хотя насмотрелся, как иные военачальники отправляли на родину материю тюками, а разные предметы быта, роскоши и продукты питания — контейнерами и даже железнодорожными составами. А солдат куда может положить? Только в вещмешок. Всё равно перед отправкой на родину все трофейные предметы приказали бросить в костер — не положено.

Первые мирные годы жил в Кировской области, где несколько лет назад воевал с фашистами. Женится на Марусе Коршуновой — уроженке соседней деревни. В последний год войны они переписывались, воевали рядом: он — на Калининском фронте, она — в Польше...

Но встретились только в 1947 году. Одна за другой у Дрягиных появились четыре дочери. Работал трактористом, однако жили бедно, впроголодь. Не только о пианино Валентин Трофимович не вспоминал, но и вкус хлеба стал забывать, всё больше питался лепёшками из лебеды. Обложение (теперь

уже и слово-то такое не употребляется) было кабальным: с овцы драли две шкуры, а с козы — столько молока, что и корова-то не даёт.

В 1958 году уехала семья Валентина Дрягина на хлеботородный целинный Алтай. Устроился плотником в колхоз «Егорьевский» одноименного района. Ничего, что рука покалеченная — строил фермы, дома, сооружал телеги и брички. Фронтное ранение было сложным, изувеченный осколком локоть заживал долго, а кисть правой руки на всю жизнь осталась скрюченной. Но, слава богу, как-то приспособился — работал. А как же без неё — кормилицы?!

Но, верно говорят, что сапожник — без сапог. Никак в первое время не мог обрести надёжную крышу над головой. Семья ютилась в землянке и в чужих углах. Решил строить дом. Мучился один, с жены и малых дочек в этом деле прок невелик. Людей нанимал только стропила ставить. Не хватало стройматериалов. Пришёл как-то к председателю колхоза. Попросил выписать их, а тот ему: «Моё какое дело, что ты дом строишь?!»

Всё же дом Валентин Дрягин возвёл. Жалко, что проживавшая рядом с ним боевая подруга Маруся недавно покинула этот мир, однако теперь старшая дочь Валентина всегда рядом.

После плотницких утех подался Дрягин в чабаны. Отара досталась сборная: пугливые, молоденькие ярки, да слепые, беззубые, старые овцы. Помощником стал свояк, а жёны работали сакманщицами.

Вышли в передовики. Неоднократно Валентина Трофимовича уговаривали вступить в партию. Но он всякий раз категорически отказывался, опасаясь, что из-за партийной дисциплины вынужден будет «не замечать» недостатки. А он привык всю жизнь бороться с ними открыто, не таясь, не прикрываясь партбилетом. Ведь фронтовику не пристало закрывать глаза на издержки и пасовать перед трудностями!

КРОВНЫЕ УЗЫ

Аркадий Константинов в детстве прошёл все круги фашистского ада, потерял родителей, которых обрёл уже будучи взрослым человеком.

Фашисты вырвали из рук матери крохотную дочку и швырнули в ров, а мать и её пятилетний сын оказались в неволе: она — в Германии, он — Бобруйске. Разлука длилась долгих 17 лет. Все эти годы они искали друг друга...

Всесоюзный розыск

Рядовой Константинов доблестно служил в дальневосточном Уссурийске. Писем ему ждать было неоткуда, и он всё свободное время посвящал штудированию воинских уставов. Однако ему не давал покоя замполит. Всё выпытывал, отчего это военнотруженик, в детстве оказавшийся в оккупации, сменил фамилию с Незнамова на Константинова. В послевоенном пору под особым контролем были те, кто жил в годы войны на оккупированной территории. И неважно, что такие, как Аркадий, по малолетству ничего не помнили — в этом кому-то грезилась особая форма скрытности.

А что скрывать, если Аркадию, когда немцы пришли в белорусское Заболотье, было всего-навсего три года, да к тому же вскоре его и вовсе оторвали от родителей. Он помнил только своё имя — Аркадий, по-белорусски — Аркадь. Недаром же до 14 лет носил фамилию Незнамов. Потом внезапно всплыла в памяти фраза, произнесённая матерью: «Костик, где Аркадь?» Так, когда пришла пора получать паспорт, он стал Константиновым. Но отчество в документ внесли вымышленное — Иванович. Ещё помнил несколько малозначащих деталей, череду детдомов, детприёмников, да побегов из них. Помнил речку под забавным названием Птичь, Бобруйскую крепость с охраной на вышках, вечным голодом и холодным страхом. А из

подростковой жизни — ремесленное училище и работу на «Алтайсельмаше».

Как-то в часть, в которой служил Аркадий Константинов, прибыл представитель особого отдела министерства обороны страны. Теперь уже этот офицер скрупулезно допрашивал рядового о его прошлом. Но что-то в поведении сотрудника особого отдела подкупило солдата. Не насторожило даже то, что напечатали дюжину его фотографий и отправили, как заявил особист, в районные газеты Белоруссии.

Однако вскоре после этого эпизода солдат был уволен из армейских рядов, и уехал пытаться счастья на строительстве Братской ГЭС. Но стройка уже шла к завершению и он возвратился в Рубцовск, на завод «Алтайсельмаш», где до армии работал сварщиком по распределению. А тем временем его воинская часть была расформирована, что также впоследствии усложнило поиск.

Шли годы. Он женился, переехал в село Новогорьевское, что под Рубцовском, устроился работать сварщиком же в машинно-тракторную станцию. После окончания войны прошло уже полтора десятка лет, и он почти потерял надежду найти родных.

Но однажды его пригласил к себе в кабинет директор МТС Герой Социалистического труда Тихон Жилин, протянул конверт с красной косой полоской «Всесоюзный розыск». Начал допытываться, уж не натворил ли чего рабочий? Но тот лишь недоумённо пожимал плечами.

Когда вскрыл конверт, на бланке обнаружил короткий текст: «Уважаемый тов. А.И. Константинов. Ваши родители Е.М. и К.Я. Курач проживают в с. Заболотье Октябрьского района Гомельской области Белорусской ССР».

Аркадь szukaе батькоу

Ещё около года ушло на переписку. Только в апреле 1961 года, через 17 лет после расставания, Аркадий вновь встретился со своими родными и близкими. Причём, встреча произошла в день полёта Гагарина в космос — это совпадение никак не забыть. На встречу собралось половина населения села Заболотье.

*Этот снимок публиковался
в документах всесоюзного
розыска.*

По счастливому стечению обстоятельств вернулись живыми с войны не только родители, но и четверо братьев отца — Фёдор, Аркадий, Иван и Константин Курачи. Впрочем, погибла от рук фашистов его двухмесячная сестрёнка Люба и многие односельчане. Зато у него появилась новая сестра Маруся, рождённая уже после войны, в 1947 году. Кстати, позже и она перебралась на Алтай, а сейчас с семьей живёт в Павлодаре.

Все эти годы родители искали сына.

Одна женщина из деревни Старый Двор передала семье Курачей, что её хлопец видал их малого, когда освобождали Бобруйск. Отец Аркадия, Константин Яковлевич, объехал все детдома Белоруссии и Украины. Везде спрашивал Аркадия Курача. А дядя Федя, школьный учитель, много лет направлял запросы по разным адресам. Отвечали: «Куркин — е, Курача — немая».

Мать, Евдокия Макаровна, позже делилась воспоминаниями: «Мы шукали Курача. Я в Глуск ходила, Марусей была беременна. Зашла в детдом, спрашиваю: «Тут нема Курача?» «Нет, — отвечают, — Нема таких». Чаму ж мне не поглядеть! Он же там был, я б спознала».

Но не раз она видела во сне один и тот же сон: танцует её Аркаша в красных валеночках с чёрными галошами. Значит, живой сынок! Сядет, пригорюнится, думает про него: сыт ли, обут-одет он?

По рассказам Константина Яковлевича, о том, что сын жив, они узнали так: знакомый из соседнего села в обед во время косовицы развернул газету. А там заголовок «Аркадь шукае батькоу». «То, верно, мово знакомца сын», — сказал он. Сел на велосипед и приехал к Курачам. Глядят отец-мать в газету, и не верят себе: «Чи наш, чи не наш». Поехал отец в военкомат, а там ещё пятеро Курачей: «Наш, — говорят, — сын». Но Константин Яковлевич стоял на своём: «Мой, гавару — имя сходится. А фамилья — Константинов, так я ж — Костя».

Целый год прошёл, пока он откликнулся и приехал. И не один, а с молодой женой Ниной. Решили жить рядом с родными. Устроился Аркадий сварщиком в совхоз «Оресса», а супруга вскоре родила ему первого сына. Фамилию и отчество Аркадий менять не стал — пусть будет так, как есть. А вот жене белорусский болотистый климат оказался вреден, стала болеть, врачи рекомендовали ей сменить регион. Так в 1964 году они вновь оказались на Алтае.

Память о детстве

По воспоминаниям матери, Аркадий едва не погиб ещё до того, как оказался в неволе. Отец к тому времени был уже в партизанах, а в их хату

На груди матери, угнанной на работы в Германию, сохранился номер, который она на фотографии затёрла.

зашёл гитлеровец. Мальчик от страха забился в лаз под печкой, где хранятся чугунки, рогачи да кочерёжки. А нацист подумал, что в подпечнике спрятался партизан, наклонился и дал очередь из автомата. Каким-то чудом пули миновали малыша. А мать со слезами и причитаниями едва оттащила фашиста от печи: «Там малой, киндер, не стреляй».

В марте 1943 года нацисты выгнали из хат всех жителей Заболотья. Завели в здание школы немощных и больных, а потом подожгли — никто не спасся. Остальных увезли в город Бобруйск. На железнодорожной станции разлучили матерей и их детей. У Евдокии вырвали из рук двухмесячную Любу и швырнули в ров. Пятилетнего Аркадия отвели в сторону, а мать увезли на работы в Германию. Так мальчик оказался в старой Бобруйской крепости, на стенах которой были оборудованы вышки с пулемётами и прожекторами, а на фасаде — надпись: «Союз борьбы с большевиками».

Много лет спустя Аркадий Константинов нашёл в литературе упоминание, что в городе Бобруйске Могилевской области в годы войны располагались четыре концентрационных лагеря, восемь их отделений и филиалов. Здесь было уничтожено свыше 44 тысяч человек, в том числе на территории Бобруйской крепости 7 ноября 1941 года расстреляно свыше четырёх тысяч человек. Однако, по официальным сведениям, концлагеря для детей там не было.

Через десятилетия Аркадию Ивановичу удалось встретить Георгия Метельского и Виктора Предыбайло, вместе с которыми находился в крепости. Они были чуть постарше его, потому помнили больше. У детей брали кровь для раненых нацистов, располагавшихся в Барановичском госпитале. Даже малолетний Аркадий вспомнил, что когда на территорию крепости въезжала грузовая машина, он забивался под нары. Те, кого увозили, никогда не возвращались назад. А старших подростков, кажется, учили подрывному делу.

О предстоящем освобождении ребятишки узнали по звукам бомбовых разрывов. И ещё потому, что фашисты попросту сбежали из города. А ребятам бросились «в бега». Несколько месяцев жили в городских развалинах. Потом

начали ездить на крышах железнодорожных вагонов. На больших станциях их снимали, определяли в детприёмники, детдома. Но ребята снова рвались на волю. Аркадий некоторое время жил в Подольском, Смоленском, Глуском детских домах. Наконец, прижился в Клецком детдоме, неподалёку от Барановичей. Он располагался в бывшей помещицкой усадьбе с большим фруктовым садом. В памяти сохранилось, что ребята складывали яблоки в бочки, обвязывали проволокой и бросали в протоку. А зимой добывали из-под льда свежие яблоки, которые не портились в холодной воде.

Рядом жила большая семья Иосифа Загара, в которой было семеро своих детей. Но привечали и детдомовских. В том числе и Аркадия. «Не за картошкой мы приходили к этим людям, — вспоминает он. — Кормили нас в том детдоме хорошо. Мы пасли лошадей, молотили, веяли хлеб, девочки учились шить и вязать, доили коров и ухаживали за телятами».

Два дня рождения

После окончания семи классов его направили на учёбу в Могилёвское ремесленное училище № 10, где получил специальность сварщика. Оттуда по распределению попал в Рубцовск на завод «Алтайсельмаш».

Остальное читатель уже знает. Аркадий долго работал сварщиком. Потом стало пошаливать сердце. Вероятно, сказались испытания детства и юности. Врачи настояли на смене рода деятельности, рекомендовали заняться так называемым лёгким трудом. Летом трудился помощником пчеловода в колхозе «Сибирь» Егорьевского района, а зимой — слесарем в котельной. Был также слесарем молочного завода и фотокорреспондентом районной газеты. На пенсию ушёл только в 66 лет, из которых 45 — трудовой стаж.

У Аркадия Ивановича не только три фамилии, но и два дня рождения: 15 августа 1937 года и 7 января 1938 года. Первый был

записан в паспорт произвольно ещё в юности, второй — по чудом сохранившейся у родителей метрической записи.

Аркадий увлекался фотоделом с молодости. Однажды в очередной приезд в Заболотье на рыбалке снимал отца и его знакомых. Один из них почему-то никак не желал попасть в кадр. Потом Константинов узнал, что недаром тот прятался от фотографа: в годы войны, подросток был поллицаем, принимал участие в расстрелах земляков. Вот и боялся, что его опознают. Так и случилось. Судили его и других. Сроки дали небольшие, списали на возраст, на войну. В знак протеста земляки сожгли здание суда в Бобруйске.

В Белоруссию Константинов ездил часто. Один, с женой и сыновьями. В 1986 году приезжал туда с Владимиром Марченко, выпускником Литературного института имени Горького, руководителем Егорьевской любительской киностудии. Между прочим, у него, как и у Аркадия, предки тоже белорусы. Владимир Марченко создал телефильм и написал документальную повесть о судьбе Аркадия Константинова. Он и меня познакомил с ним, а я — вас.

МАЛОЛЕТНИЙ УЗНИК

Во время войны 10-летний Алексей Мешков, оказавшись в оккупации, провёл несколько месяцев в фашистском концлагере под Воронежем. Он осиротел, потерял родных, однако сумел превозмочь боль утрат...

Сиротское детство

Редко можно видеть слёзы на глазах пожилого мужчины. Но житель Тальменки Алексей Мешков не может сдерживать их, когда вспоминает о годах военного лихолетья. Если рассказ прерывается, в разговор вступает его жена Нина Ефимовна. Впрочем, ей трудно представить ужас оккупации, поскольку во время войны она жила на Алтае, в глубоком тылу.

Алексей Владимирович родом из села Гремяче, что в 25 километрах от Воронежа. Семья Мешковых имела восемь детей, и много лет он даже толком не знал, каким по счёту ребенком был у родителей. Установить, что являлся пятым, удалось только спустя несколько десятилетий после окончания войны.

Известно, что советские войска бились под Воронежем и непосредственно в городе с немецкими и венгерскими захватчиками 212 дней, с 28 июня 1942 по 25 января 1943 года. Фашисты так и не смогли захватить его полностью, левобережье Дона оставалось под контролем Красной армии.

В ходе боев сильно пострадали город и его жители. Берлинское радио в те дни сообщало, что Воронеж «не представляет в настоящий момент никакой ценности». Бои шли и в родном селе Алексея Мешкова. Советским войскам противостояли десять дивизий из состава 2-й венгерской армии и до пяти дивизий 6-й немецкой армии, которые пробивались к Дону на рубеж Гремячье-Коротояк-Лиски. Здесь стороны потеряли сотни тысяч воинов. Кроме солдат в сельской местности Воронежской области было убито около пяти тысяч мирных жителей, столько же уведено в плен, десятки тысяч человек прошли ужасы концентрационных лагерей.

Среди них оказалась и семья Мешковых. К тому времени дети осиротели: мать умерла накануне прихода фашистов, а отец находился на фронте.

Летом 1942 года жителей села Гремячье фашисты угнали в соседнее село Матрѐнки, которое ныне относится к Липецкой области. На его окраине стоял скотный двор, туда бросили соломы и загнали узников. Среди них были старики и дети, мужчины и женщины. Окна заколотили досками, двери держали взаперти, лагерь охраняли венгры и свора собак. Людей кормили в прямом смысле слова хуже злых овчарок — бросали в приоткрытые двери то, что оставалось после собак. Тех узников, которые были покрепче, выводили наружу для заготовки пищи, упокоения умерших и участия в общественных работах — их кормили чуть лучше затворников.

По словам Алексея Мешкова, смертность среди узников была высокой. Нередко умерший человек несколько дней находился рядом с живыми. Трупы сбрасывали в яму. На её краю приводили и массовые расстрелы. Там

же нашёл свой последний приют Иван Мешков, один из старших братьев, умерший от какой-то неведомой болезни.

От холода спасались, зарывшись в вонючую солому. Малолетних узников опекали женщины-односельчанки и родственники. Как удалось выжить в этом аду, Алексей Мешков удивляется поныне. Вероятно, от смерти его уберегли молодой организм, да помощь старших братьев и сестёр.

Дорога к целине

Освобождение пришло зимой 1943 года. Бывшие узники с радостью направились домой. Но родное село Гремячье оказалось выжженным дотла. Тем не менее люди принялись копать землянки, потихоньку обустриваться.

Мир не без добрых людей, соседи помогли и Мешковым-младшим соорудить немудрёное жилище. Но как жить дальше, если у сирот не было ничего — ни пищи, ни одежды, ни дров?

Кто-то похлопотал, и ребят определили в детские дома. Причём, в разные, в зависимости от возраста. Так судьба надолго разбросала бывших малолетних узников по всей стране. Алексей оказался в детском доме Добринского района теперешней Липецкой области.

Учёба давалась трудно, ведь он не посещал школу несколько лет. Ещё до войны из-за бедности приходилось пропускать целые месяцы занятий. А уж в годы войны — и подавно. После нескольких лет школьной учёбы его зачислили в ремесленное училище № 3 в городе Липецк. Там была крыша

Мемориал в селе Гремячье.

над головой, одежда и пища. В армию Алексея Мешкова не взяли из-за болезней, полученных в годы сиротства. После окончания училища в 1953 году направили слесарем на Липецкий металлургический завод. В ту пору ему уже перевалило за двадцать лет.

Когда началось освоение целины, Алексей Мешков по путёвке комсомола в составе первого эшелона добровольцев приехал на Алтай. Зимой 1954 года оказался в селе Анисимово Тальменского района. Работал в машинно-тракторной мастерской слесарем по трудоёмким работам, комбайнером. Там и познакомился с Ниной, через три года поженились. Она тоже была из многодетной семьи — четвёртой из девяти братьев и сестёр.

Перебрались в Тальменку, воспитали двоих детей. Сын работает в Бердске, дочь — в Тальменке. Радуют и внуки, один из них окончил аспирантуру, ещё один внук и внучка скоро получают высшее образование, есть и правнук-дошкольник.

У Алексея Владимировича — золотые руки. Он способен выполнять любую сельскую работу: хоть на производстве, хоть дома: сложить печку, срубить сруб, изготовить оконную раму. Многие годы работал на Тальменском деревообрабатывающем комбинате, заводе железобетонных изделий, в передвижной механизированной колонне. Трудился и после выхода на пенсию, да дети и жена настояли поберечь здоровье, подорванное лишениями, выпавшими в детстве и юности. Недаром же Мешков официально признан малолетним узником.

5 декабря 2007 года Нина Ефимовна Алексей Владимирович отметили золотую свадьбу. И в почтенном возрасте сохраняют трогательные отношения. Супруга не просто уважает, но и гордится мужем. Говорит о нём искренне, от души: «Хороший муж, хороший отец, хороший дед. Он меня за жизнь ни разу Нинкой не назвал. Не прикрикнул, не толкнул. А дети его зовут только на «вы» и только «папой»!

Встречи через годы

Лишь во второй половине 50-х годов прошлого века Алексей Владимирович занялся поиском братьев и сестёр. Впрочем, письмо в сельсовет села Гремяче Хохольского района Воронежской области писала Нина Ефимовна: мол, будьте добры, помогите найти родственников мужа. Ответ поступил удивительно быстро: в селе по такому-то адресу проживает Мешкова Мария Владимировна — она в те годы ещё не была замужем.

Наладилась переписка. Маруся сообщила о других братьях и сёстрах, которые знали об Алексее только то, что он, кажется, уехал на Алтай осваивать целину. Но куда именно — неизвестно. Особенно волновалась за младшего брата самая старшая сестра Екатерина, которую он звал «няней». Это она, по сути дела, спасла его от смерти в холодном скотном дворе, превра-

щённом в тюрьму. Это Катя сообщила ему о гибели на фронте отца, которого он помнил смутно. Это она в детдомовскую пору писала ему письма, на которые младший брат отвечал, к сожалению, редко.

А встреча с ближайшими родственниками со-

Воронежские сёстры Алексея Мешкова.

стоялась так. Зимой 1959 года Алексей, Нина и маленький сын Саша, укутанный в полушубок, ступили на перрон станции Воронеж. В их объятья тут же кинулись две женщины.

Я спрашивал, как они могли узнать почти через двадцать лет друг друга?

Мешковы одновременно всплеснули руками: «Господи! Да сердце подсказало!»

Когда приехали в квартиру Кати, там уже собралась вся родня — братья, сёстры, их жёны, мужья, дети. Он узнал тех, кто был с ним одной крови. Конечно же, очень похожих друг на друга близнецов Марусю и Дусю, которые жили в Гремячем.

Сиротство, детдомовское детство и юность не позволило Мешковым получить высшее образование, но они имели хорошие рабочие специальности, бог отвёл их от сумы и от тюрьмы, все создали семьи, растили детей и внуков.

Сейчас у Алексея осталось только две сестры. Последний раз Мешковы ездили из Тальменки в Воронеж в 2002 году. Они удовлетворятся тем, что потери в семейной династии восполняют дети, внуки и правнуки.

ВДАЛИ ОТ ЛИНИИ ФРОНТА

ПЛАН, КОТОРЫЙ РУХНУЛ

1. В Туркестанском рейхскомиссариате

В публикациях о Второй мировой войне не очень часто находишь ответы на вопросы, что же было бы, если бы фашистам удалось завоевать европейскую часть СССР. Пошли дальше — на Урал, в Сибирь? Что стало бы в этом случае с Алтайским краем? Это была бы территория для ссылки «неполноценных» людей, или, как считают другие — процветающий, богатый регион?!

Действительно ли фашисты намеревались захватить Сибирь, включая верховья Оби внезапным нападением с северных морей? Были ли на Алтае диверсии в годы войны? Почему в Барнауле появлялись неофашисты? Ответы на эти и многие другие вопросы я пытался искать в мемуарах, исторической литературе, архивах...

Земли для колонизации

В последние годы опубликованы материалы о Великой Отечественной войне и судьбах нашей страны, открывшие немало тайн. Но большинство исследователей согласно с тем, что против СССР много лет готовилась страшная война.

Известно, например, что через три дня после прихода к власти, выступая перед командованием армии и флота, Гитлер сформулировал одну

из основных задач своей политики: «Завоевание жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация».

На съезде нацистов в Нюрнберге в 1936 году, раскрывая будущую завоевательную программу, фюрер говорил, что Германия избежит многих трудностей, если в её распоряжении будут «безмерные сырьевые богатства Урала и сибирские леса».

Впрочем, идея захвата России вовсе не принадлежала Адольфу Гитлеру. План «Дранг нах остен» был разработан ещё в вильгельмовской Германии в годы Первой мировой войны.

Например, в сентябре 1914 года в меморандуме «О целях войны» подчеркивалось, что «часть российского крестьянства можно переселить на территорию Сибири вплоть до Владивостока, освободив, тем самым, земли для немецкой колонизации».

На школьной доске слова: «Русский должен умереть, чтобы жили мы» — разбойничий лозунг фашистов.

В поиске противника

С приходом к власти Гитлера было создано управление планирования, позднее преобразованное в Восточное имперское управление Розенберга, которое разрабатывало схемы будущего устройства вновь обретенных регионов рейха. Информация о Сибири объединяла различные источники: официальные сведения, данные разведки, материалы открытого в 1923 году в Новосибирске германского консульства. Оно было укомплектовано в основном бывшими офицерами германской армии, которые, после пленения во время Первой мировой войны, оказались в Сибири. Со временем консульство превратилось в крупный центр сбора информации в Зауралье.

Консульство наладило «полулегальную» разведывательную сеть, которая сохранилась и после его закрытия в феврале 1938 года. А связь с агентурной сетью продолжал осуществлять дипкурьер, ежемесячно курсировавший по маршруту «Берлин-Токио».

К сбору информации об СССР в разные годы были также подключены рабочие и специалисты, участвовавшие в наладке оборудования и освоении германских технологий на гигантах индустриализации в Сибири и на Урале, сотрудники концессионных фирм и смешанных акционерных обществ, коммивояжеры, армейская разведка, РСХА (Главное управление имперской безопасности (нем. Reichssicherheitshauptamt, сокр. RSHA) — руководящий орган политической разведки и полиции безопасности Третьего рейха), учреждения СС (служба безопасности имперского вождя, одно из главных репрессивно-карательных учреждений гитлеровской Германии). Осуществлялся обмен данными разведок Германии и Японии. НКВД же в погоне за «врагами народа» в собственной стране выпустил из поля зрения подлинных внешних противников.

Неудавшийся раздел

В итоге, в планы «Барбаросса» и «Ост» было заложено и использование завоёванного пространства СССР посредством создания нескольких территориальных образований, которые административно должны были входить в Третий рейх.

Предполагалось разделить территории Советского Союза на пять рейхскомиссариатов. В крупнейший из них — «Московию» намечалось включить генеральные комиссариаты «Уфа», «Пермь».

Последний охватывал Свердловск, Челябинск, Магнитогорск, Омск и Новосибирск. Часть Западной Сибири — Алтай и Прииртышье планировалось включить в рейхскомиссариат «Туркестан». Вероятно, учитывалось то, что в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области и восточном Казахстане проживают аборигенные народы.

По антикоминтерновскому пакту Япония должна была занять территорию Азиатской России вплоть до Омска. План освоения Дальнего Востока и части Сибири был воплощён военными специалистами Страны Восходящего Солнца в проекте «Кан Току Эн». Он предполагал освоение территорий и эксплуатацию сибирских богатств.

В конце 1941 года немецкий экономический штаб «Восток» предложил разделить сферы влияния по линии Енисея. Японский посол в Берлине

генерал Осима даже настоял на специальной встрече с Гитлером в начале 1942 года. Вероятно, чтобы стимулировать активность союзника, фюрер согласился с новым вариантом раздела: Урал и часть территории Сибири — Германии, Кузбасс — Японии, Транссибирская магистраль — под совместным контролем.

Известно, что Гитлер предполагал водрузить по периметру новых границ рейха и в столицах покорённых государств огромные каменные скульптуры. 20-метровый вооружённый воин в каске должен был символизировать мощь фашистской армии. Где-то даже проходило сообщение о том, что каменную глыбу для изготовления такого монстра везли к Москве. Не исключено, что подобная работа проводилась и для того, чтобы обозначить границы немецкого рейха и Японии где-нибудь у райцентров Ельцовка, Солтон или Тогул, расположенных на стыке Алтая и Кузбасса — предлагаемых рубежей Великой Германии и Великой Японии.

Значительная часть Западной Сибири, в том числе и Алтай, была включена в пятую хозяйственную инспекцию экономического штаба «Восток». Главной задачей инспекций была организация эксплуатации оккупированных территорий.

На первом этапе «обеспечения жизненных интересов германской нации на Востоке», в соответствии с планом «Барбаросса», немецкие войска должны были закрепиться на Волге и приступить к проникновению на Урал и в Сибирь. Имперские стратеги, конечно, отдавали себе отчёт в том, что уничтожить советское государство одним ударом невозможно.

Гитлер в беседе с фельдмаршалом фон Бокком предполагал, что «если взятие Москвы и Петербурга не приведёт к решающему успеху, то мы должны, по крайней мере, подвижными частями — прорваться к Екатеринбург». Действительно, 27 июля 1941 года появился документ под названием «План операции против промышленной области Урала». Восемь танковых

Конец блицкрига.

и четыре мотопехотных дивизии внезапно должны были совершить рейд от Горького, Казани, Ульяновска и Куйбышева (рубеж Д) в четырёх направлениях —

до Перми, Свердловска, Нижнего Тагила и Магнитогорска. Но из-за срыва блицкрига, чему поспособствовали и сибирские дивизии, этот проект был остановлен.

«Обращаться как с индейцами»

Уже через два месяца после нападения на СССР в германских документах почти исчезли упоминания об Урале и Сибири. План «Барбаросса» рухнул. Гитлеровские стратеги ошиблись в оценке потенциала СССР по мобилизации военных и людских ресурсов. Штаб «Восток» недооценил промышленный потенциал азиатской России. А эвакуация советской промышленности на Урал и в Сибирь перечеркнула последние надежды на блицкриг. Но, главные события, конечно, произошли на фронтах войны, где ценой невероятных усилий и огромных людских потерь удалось остановить врага.

Что было бы в Сибири, на Алтае в случае, если бы фашисты всё же одержали победу над нашей страной? Сомневаться в том, что «новый порядок» оказался бы ещё более жёстким, чем сталинский, не приходится. В этом убеждается всякий непредвзятый исследователь. Достаточно сказать, что Гитлер отменил все старые законы и указы на оккупированных советских территориях. Вместо них в жизнь проводились военные приказы. Высказывалось намерение использовать в общении только немецкий язык, «связывающий» поработённые народы. Местному населению в принципе было отказано участвовать в политической и общественной жизни. Словом, те, кто сегодня в шутку или всерьёз говорят о том, что, мол, «при Гитлере было бы лучше» либо плохо знают предмет, либо, мягко говоря, непатриотичны.

Власти гитлеровской Германии намеревались сослать на восток СССР жителей завоёванных территорий европейской части страны, чтобы заселять последние «чистыми арийцами». В Сибирь надлежало выселить в течение 30 лет более 30 миллионов человек. Среди них 100 процентов неунничтоженных евреев, 85 — поляков, 50 — литовцев, латышей и эстонцев, 65 — украинцев, 75 процентов белорусов, а также цыган, мазуров и представителей других «неполноценных» народов.

В документах германских штабов подчёркивалось, что «нашей целью должно быть внедрение нашей мощи, и для этого мы должны применить все силы, не опускаясь при этом до так называемой отеческой опеки».

Но откровенней и твёрже всех высказывался Адольф Гитлер: «Есть

только одна задача: предпринять германизацию, заселив земли немцами, с коренным населением обращаться, как с индейцами!».

Нацистской колониальной программе не суждено было сбыться. И хотя планы использования территорий Урала и Сибири отличаются, конечно, известной противоречивостью и непоследовательностью, — это не бред маньяков. Они опирались на серьёзные проработки. И то, что было задумано, показывает античеловечность идеи завоевания мирового господства.

II. Субмарина — в Оби?

Истории, о которых речь пойдёт ниже, кажутся совершенно невероятными. Кто-то поначалу воспринимает их просто как легенду, или, если хотите, байку. Так думал и я, пока не собрал достаточно материалов. Они показывают, что фашисты хозяйничали в наших северных и сибирских морях, имели несколько баз подводных лодок и складов, в том числе в низовьях Оби, которая, как известно, берёт начало на Алтае.

«Научные» экспедиции

Имперский флот Германии занялся изучением северных морских границ нашей страны ещё в Первую мировую войну. Существует гипотеза, что тогда где-то на Новой Земле тайно была создана база для немецких подводных лодок, а в районе горла Белого моря — склад морских мин. К подробному изучению Арктики фашисты приступили в ходе советско-германских «научных экспериментов» 1930-х годов. Это — «научная» международная экспедиция на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1931 году, в результате которой было отсняты километры киноматериалов для абвера. Кроме того, в те годы была создана база «Норд» для «зверобойных» и метеорологических судов, осуществлена высадка немецких «полярников» на острова Карского моря с исследовательского судна «Мурманец» в 1939 году. Причём, известно, что «научные сотрудники» на корабле общались исключительно на немецком языке. Там был смонтирован эхолот, индикаторная часть которого была выведена в «немецкий» отсек, куда советским морякам и исследователям вход категорически запрещался. «Научные сотрудники» были оставлены до начала войны на арктических островах. Позже там создали базы Кригсмарине — военно-морского флота Германии.

Но самой значительной была операция в августе 1940 года по переводу на Дальний Восток фашистского рейдера «Эмс» под новым именем «Комет», сопровождавшего три стареньких крейсера и пять вспомогательных судов.

Известный полярный штурман Валентин Аккуратов, участник этой экспедиции, свидетельствовал, что «конвой шёл очень медленно, часто останавливаясь под разными предлогами. Под любым из крейсеров вполне могла двигаться подводная лодка».

Естественно, возникают вопросы: зачем это надо было Германии? И почему столь откровенный шпионаж не заинтересовал склонных к подозрительности советских руководителей и бдительных чекистов, истово выискивавших врагов внутри страны?

Фашистам это надо было для сбора сведений о Северном морском пути. Любое адмиралтейство или генштаб крайне заинтересованы иметь у себя точнейшие лоции Мирового океана. Лоции Севморпути всегда считались особой государственной тайной. Гитлеровцам же, рассчитывавшим после взятия Мурманска «рвануть» на восток северными морями, эти документы нужны были позарез для «освоения» северных оконечностей Сибири. Неожиданное появление в тысячах километрах от фронтов нескольких субмарин могло нанести гигантский урон, парализовать работу портов, навести ужас на население, проживавшее, как оно считало, в глубоком тылу.

Ну, а советское правительство получило от Кригсмарине за эту операцию 950 тысяч полновесных рейхсмарок.

«Серые волки»

Теперь мы знаем: собранные морскими офицерами Германии сведения о ледовой и навигационной обстановке на севере Азии, позволили планировать высадку в Сибири 60-тысячного десанта в самом начале военных действий с СССР. Эта акция была совершенно безопасна. Советский Север почти не охранялся, здесь не было каких-либо серьёзных сухопутных, морских или пограничных сил. Не было их и на пути из Обской губы до верховий реки, включая Новосибирск и Барнаул. Автор этого проекта — военный экономист Георг Томас разработал боевую операцию, которая могла оказаться роковой для России. Он настаивал на необходимости одновременно с широким наступлением по всему восточному фронту нанести удары по глубокому стратегическому тылу русских в Сибири. Речь шла о целях, захват которых парализовал бы военное и гражданское производ-

ство и разорвал главные транспортные артерии России. Это, по мнению Томаса, неизбежно привело бы СССР к капитуляции.

Кстати говоря, подобный сценарий предугадал ещё до начала войны герой советских полярных исследований Иван Папанин. Он бил тревогу на всех уровнях власти, пытался доказать, что находившаяся под его командованием морская дорога непременно станет объектом пристального внимания фашистских стратегов. Папанин с весны 1940 года настойчиво добивался усиления средств береговой обороны, но везде получал отказ. Остряки из наркомата обороны называли мужественного полярника «начальником паники». Всем требованиям концепции Томаса соответствовали только три сибирских города — Томск, Красноярск и Новосибирск. Для их оккупации, как полагал Георг Томас, необходимо было скрытно подготовить десантную операцию. Но, поскольку для транспортной авиации эти города были недоступны, оставался только один путь для переброски десанта — по воде. Тут-то и должна была пригодиться флотилия, располагавшаяся на нормандском побережье Франции. Десантникам на морских судах, замаскированных под торговые корабли, предстояло обогнуть Британские острова, Скандинавию, скрытно миновать советскую военноморскую базу в Мурманске и пройти в Карское море. Дальше треть десанта (около 20 тысяч человек) направились бы к устью Енисея, к Красноярску, а остальные 40 тысяч — к устью Оби, в направлении Новосибирска, и по Иртышу — к Омску.

Таким образом, Транссибирская железнодорожная магистраль перерезалась бы в трёх узловых пунктах его пересечения с реками, что грозило параличом всех видов перевозок. Операцию планировалось осуществить синхронно с общим наступлением на восточном фронте. Перерезав в самом начале войны Транссибирскую магистраль, фашисты могли бы одержать если не военную, то большую психологическую победу. Достаточно представить военный парад в столице Сибири, который по времени состоялся бы даже раньше планируемого военного парада немцев в Москве! Ведь фашисты полагали, что противостоять десантам, которые войдут в сибирские реки, будет некому. А многочисленные лагеря в сибирских городах и тайге с тысячами заключённых рассматривались фашистами как благоприятный фактор.

Немалое значение придавалось людской молве, которая непременно раздула бы до невероятных размеров численность десанта. Словом, от судьбы Сибири, которая поставляла на фронт воинов, технику и боепри-

пасы, которые выпускались на эвакуированных вглубь страны заводах, зависел весь ход войны.

Но грандиозный проект не вошёл в окончательный вариант плана «Барбаросса». Нацистская верхушка не сомневалась, что Красная армия и так будет уничтожена. Гитлер решил наступать не с севера, а с запада — тремя клиньями. Хотя и в Арктике происходили важные события, связанные в основном с доставкой руды из Норвегии в Германию и транспортировкой в северные порты СССР по ленд-лизу оборудования, боеприпасов и продовольствия. Ставший знаменитым, благодаря Валентину Пикулю, конвой PG-17, фашисты разгромили в июле 1942 года. Они рассчитывали, что на усиление поредевшего Северного флота русские приведут отряд Тихоокеанского флота. Действительно, около 50 советских и союзных кораблей в сопровождении советских ледоколов «Анастас Микоян» и «Адмирал Лазарев» и американского танкера «Лок-Батан» вышли 15 июля из бухты Золотой Рог Владивостока. Операцию по уничтожению экспедиции фашисты назвали «Вундерланд» — «Страна чудес». В ней приняли участие тяжёлые крейсера «Адмирал Шпеер» и «Лютов», а также пять подводных лодок.

Им удалось 27 июля уничтожить два советских самолёта полярной авиации, сжечь склады и домики полярников, а через два дня потопить транспорт «Крестьянин». Ещё через две недели у входа в пролив Югорский Шар, соединяющий Баренцево и Карское моря, немецкая подлодка уничтожила безоружный караван из трёх буксиров и двух барж, перевозивших рабочих Нарьян-Марского порта и заключённых лагерей «Норильстроя».

Спасло экспедицию советских и союзных кораблей то, что 24 сентября, перед входом в Тикси, они попали в жестокий 8-балльный шторм. Несколько недель занял ремонт потрёпанных транспортов и эсминцев, что и позволило избежать прямой встречи с противником. Что-то не заладилось и у немцев с разведкой. В итоге, тихоокеанские суда, в условиях тумана сумели благополучно, прячась во льдах, к середине октября проскользнуть к Новой Земле. В сердцах фашисты обстреляли и блокировали порт Диксон в Обской губе.

Ещё один известный эпизод: героическая гибель парохода «Сибиряков», вступившего в бой с суперсовременным фашистским крейсером. По воспоминаниям чудом выжившего командира парохода Анатолия Качаравы, зная о появлении в Арктике гитлеровцев, «Сибиряков» шёл в режиме радиомолчания. Неожиданно вахтенный доложил, что видит перископ. Поверить в это было трудно — откуда в сотнях миль от фронта взяться

подводной лодке? Но вскоре радист сообщил, что где-то рядом только что работала неизвестная радиостанция. А часа через полтора на горизонте появились дымы, а потом и сам корсар. Рейдер шёл прямо к «Сибирякову», и через несколько минут потопил его. Анатолий Качарава уверял, что субмарина, как рыба-прилипала, шла под боком у пирата, наводила его на цель, а потом уходила в автономное плавание. Действия подлодок в районе ледовой кромки были опасны и тем, что «серые волки», выбрав льдину покрупней, прилеплялись к ней, и в полнейшей акустической тишине ожидали потенциальную жертву.

Поэтому корабли охранения конвоев, имевшие поисковые гидролокаторы, до торпедного залпа не могли их обнаружить.

Вот, пожалуй, и все случаи боестолкновений советских и немецких кораблей в морях, омывающих Сибирь. Впрочем, известно, что германское командование планировало на сентябрь 1942 года крейсерскую экспедицию «Двойной удар» в Карском море. Предполагалось атаковать все советские корабли, идущие с востока, а также побережье Карского моря, включая Обскую губу. Но, из-за провала операции «Страна чудес» новая военная акция была отменена. За всю историю войны на Севморпути не зафиксировано и ни одной торпедной атаки. Осуществить замыслы помешали мужественные защитники Москвы, Ленинграда, Мурманска...

Подводник ... в тундре

В июле 1963 года в 20 километрах от Тикси среди камней горной осыпи были обнаружены останки унтер-офицера Кригсмарине. На это указывали бляха подводника и полуистлевшая форма. Течением труп не могло забросить на эту сопку. Возможно, он служил на базе подводных лодок, которую удалось обнаружить лишь в 1975 году, через 30 лет после окончания войны. А, может быть, являлся членом экипажа подлодки U-534, которая (это достоверно известно), бывала в дельте Лены весной 1945 года.

В том же июле 1963 года течение Лены вынесло бочку с немецким топливом в залив Неёлова, который располагается в 15-18 километрах от Тикси.

Продолжение этой невероятной истории поведал 10 сентября 2004 года журналист «Парламентской газеты» Николай Домбковский. Один его знакомый лётчик как-то во время аварийной посадки в дельте реки Лены в Якутии, под скалой случайно обнаружил склад, в котором хранились трёхсотлитровые бочки для солярки и керосина. На них готическими буквами

было выбито «KRIGS-MARINE», стояла свастика в кружочке с крылышками и дата — 1940. От склада рельсы вели к бетонированной причальной полосе. Капитан второго ранга С. Ковалев, автор публикаций о действиях немецких субмарин на Севере в № 10 «Морского сборника» за 2004 год, предположил, что база в дельте реки Лена, скорее всего, предназначалась для заправки вражеских надводных кораблей. Она располагалась на одном из островов под названием Столб, укрывалась от ветра 100-метровой скалой, укрывалась от ветра 100-метровой скалой. На секретной базе у Быковской протоки был построен 200-метровый бетонированный причал высотой до пяти метров. Большая расселина или пещера прикрывала причал сверху на всю длину. За скалой располагалась площадка, на которой было складировано около 600 бочек с соляжкой и керосином по 300 литров каждая. Хранилище соединялось с причалом рельсовой колеёй.

Фашисты ещё до начала войны, весной 1941 года оборудовали аэродром на архипелаге Франца Иосифа. Создали основную военно-морскую базу и порт Киль. Их «Северное крыло» простиралось от Скандинавии до острова Новая Земля и полуострова Таймыр. Например, аэродромы Люфтваффе располагались на Новой Земле, метеорологическая и пеленгаторная службы Кригсмарине — на Земле Франца Иосифа, базы подводных лодок — в укромных местах низовий Оби, Енисея и Лены.

К примеру, в проливе Кембриджа, была сооружена тыловая база по ремонту подводных лодок, действовавших в Карском море — том самом, кудападают воды Оби, которая начинается в Алтайских горах. База укрыта в скалах, с воздуха можно различить лишь трубы нескольких вентиляционных

Одно из сооружений базы «Норд».

шахт, вход в грот на корабле осуществлялся лишь во время прилива. Где-то там же скрывалась и секретная минная база подлодок. А передовые пункты или пункты-засады, в которых немецкие лодки поджидали конвои, располагались на мелководье

*Корабли Северного флота с десантниками на пути к Петсамо.
Октябрь 1944.*

Обской губы и Енисейского залива и в других местах. Малые же топливные базы и базы оружия Кригсмарине нередко располагались в непосредственной близости от советских полярных станций и постов.

Ещё секретней, чем обская и ленская, вероятно, была уже упоминавшаяся база «Норд» в укромной бухте Нерпичья на Колыме, предназначавшаяся для немецких танкеров и траулеров. А недавно в Заполярье обнаружены под скалами побережья Петсамо (Печенгский) некий завод и грандиозная система, состоящая из сооружений и галерей, уходящих в сторону Норвегии. Их строили советские военнопленные, которые, вероятно, все были уничтожены.

Известно, что существовал так называемый «призрачный конвой» — личный конвой Гитлера, состоящий из десятков субмарин. Чем они занимались в годы войны, куда исчезли после её окончания — поныне достоверно неизвестно. Но нельзя исключать, что в их задачи входило проникновение в верховья сибирских рек, в том числе до Новосибирска и Барнаула. Так ли это? Покрыто мраком.

В свое время начальник Института военной истории Дмитрий Волгонов подчёркивал, что «в мире до сих пор хранятся миллионы совершенно секретных документов Третьего рейха. И огромная их часть ещё не попала в руки исследователей».

III. В чужом обличье

Особая, болезненная и постыдная тема — участие жителей края в годы войны в серьёзных противоправных акциях: диверсиях, предательстве, карательных операциях в составе марионеточных формирований врага. Какие акции планировали фашисты в Сибири? За какие провинности привлекались к ответственности жители далёкого тыла? Почему «фашистами» называли представителей народа, триста лет прожившего в России? Почему бюсты героев сдают в цветмет?

Диверсанты не прошли

Теперь уже не секрет, что с начала 1942 года немецкое командование пыталось дезорганизовать промышленность Урала и Сибири методами тайной войны. Оно и понятно: других эффективных методов воздействия на восточные регионы в распоряжении увязшей в европейской России гитлеровской армии уже не было. В целях ослабления оборонного потенциала востока СССР, вожди рейха намеревались использовать меры, недостойные «высшей расы».

Так, весной 1942 года Гиммлер потребовал от Кальтенбруннера организовать заброску на Урал диверсантов, которые бы распространяли ящур, сибирскую язву и другие инфекционные заболевания. Эти акции должны были парализовать доставку на фронт боеприпасов гужевым транспортом. Но, кажется, на участие в биологической войне фашисты так и не решились.

Не оправдались и планы подавления индустриальных центров Урала и Сибири с помощью авиации дальнего действия. Промышленные объекты были слишком далеки от линии фронта, недостижимы для асов Люфтваффе.

После марта 1942 года в Германии проводилась предварительная подготовка операций с использованием снарядов «Фау-1», управляемых пилотами-смертниками, для разрушения сибирских предприятий. Такие удары предполагалось нанести по Челябинску, Магнитогорску, Караганде, другим индустриальным центрам, поставлявшим фронту вооружение и боеприпасы. Но и эти операции не состоялись.

С августа 1942 года группы агентов «Цеппелин» забрасывались в промышленные центры и на транспортные узлы Урала, Казахстана и Сибири. Их подготовка проводилась в разведшколах в Яблони (Польша), Евпатории, местечке Освитц (близ Бреслау) и в особых лагерях «Цеппелин» в Германии.

В 1942-1943 годах на Урале, в Кузбассе, Караганде прошли «бои» местного значения между германской и советской разведками. «Цеппелин» подготовил и забросил в сибирский тыл 19 групп в составе 115 агентов. 15 групп ликвидировали.

После провала агентуры на предприятиях Новосибирска, Кемерово, Челябинска осенью 1943 года руководитель «Цеппелин-4», штурмбанфюрер СС Редер, доносил Кальтенбруннеру: «Я считаю заброску новых групп в настоящее время не оправдывающей себя...»

Судьба оставшихся четырёх диверсионных групп неизвестна. Предположения, что они поныне бродят в Алтайских горах, призрачны. Во-первых, с тех пор прошло более 60 лет. А главное, — как неоднократно сообщало управление федеральной службы безопасности России по краю, «на Алтае за годы войны не было ни одной диверсии. Сотрудники НКВД опережали агентов, задерживали их раньше, чем могла случиться беда».

Не по своей воле

Словом, честь и хвала доблестным чекистам, предотвратившим диверсии. Но такой результат был достигнут за счёт ужесточения репрессий. Пользуясь «законами военного времени», работники карательных органов нередко брали невинных, создавали атмосферу подозрительности и страха.

В книге «Урал и Сибирь в сталинской политике», исследователь С. Папков подчеркивает, что в Алтайском крае в 1941-1945 годах было арестовано 6816 человек — почти треть всех задержанных в Сибири. В ту пору абсолютное большинство обвинений и арестов в регионе производилось за «антисоветскую агитацию», «измену Родине», «саботаж» и по другим «идеологическим» статьям. Например, только за первую половину августа 1941 года по этой причине в крае было привлечено к уголовной ответственности 218 человек.

А по данным А. Вольхина, в Алтайском крае за измену Родине и изменнические настроения было арестовано 2898 человек — 42,5 процента общего числа арестованных, или в 4,9 раза больше, чем в среднем в Урало-Сибирском регионе. Попытки объяснить это «специфическим составом» населения несостоятельны. Каждый пятый житель края был на фронте, в городах и селах оставались старики, женщины, дети, да измученные, бесправные спецпереселенцы, трудармейцы и эвакуированные.

Достаточно сказать, что за годы войны в Алтайский край поступило 95 тысяч депортированных советских немцев. Местное население нередко счи-

тало их «фашистами». Хотя это были советские люди, предки которых обосновались в России ещё со времён Петра Первого и Екатерины Второй.

Депортированных нередко использовали для выполнения самого неквалифицированного, тяжёлого и грязного труда, хотя немало ссыльных имело хорошее образование.

Вслед за ссыльнопоселенцами, вскоре на Алтае оказались не по своей воле калмыки и представители других депортированных народов, которых Сталин обвинил в связях с гитлеровским режимом.

Волн «новосёлов» было несколько. Завершали их военнопленные японцы, бывшие советские пленные, направленные из фашистских лагерей в сибирские, и репатрианты из побеждённой Германии.

Вот как позже о прибытии в декабре 1945 года на железнодорожную станцию Кулунда вспоминала репатриантка Гильда Гауэрт: «...Жуткой была встреча с местными жителями. Несколько фронтовиков кричали, что они таких убивали на фронте, а теперь их привезли сюда, пытались бить нас. Никто не брал нас на квартиру, несмотря на угрозы работников НКВД. У тёти был 9-месячный ребёнок, её пустили до утра. Потом нас поселили на старом аэродроме в доме без окон и дверей».

Из полутора миллионов немецких военнопленных, в феврале 1946 года в алтайских лагерях насчитывался 1411 человек. Между прочим, в Табунском районе до недавнего времени жил ... эсэсовец. Естественно, бывший. Он, как военнопленный, после отсидки остался в районе, женился, работал в совхозе «Алтай». Один из руководителей Табунского района Владимир Кривошеев отзывался в середине 80-х годов прошлого века о нём, как об очень искусном печнике. Через годы я попытался найти бывшего фашиста, но оказалось, что в конце 1990-х годов он уехал с семьёй в Германию. В селе Бурсоль под Славгородом также жили несколько бывших немецких военнопленных. Двое из них, по данным сельской администрации, умерли, а трое недавно выехали в ФРГ.

Ископаемые чудовища?

Спецслужбы края многократно сообщали в печати, что в послевоенные годы ими было разыскано более 200 карателей и иных фашистских пособников. К сожалению, за несколько последних десятилетий об их злодеяниях опубликовано всего около десятка очерков и заметок.

На письменное обращение редактора газеты «Алтайская правда» о допуске журналиста в архив управления Федеральной службы по Алтай-

скому краю, чтобы ознакомиться, в том числе и с материалами о фактах поимки карателей, заместитель начальника УФСБ по краю Владимир Тарасов уклончиво ответил, что данными материалами его ведомство не располагает. А узнать биографию известного алтайского чекиста вообще посоветовал не в архиве, а посредством прочтения художественной книжки. В данном ответе налицо — нарушение закона о печати. Опять, как несколько десятилетий назад, спецслужбы желают фильтровать, дозировать сведения, предназначавшиеся к публикации. Ей-богу, обидно наблюдать возрождение симптомов «застойных времён», когда народ обсуждает совсем не то, что сообщают газеты, телевидение и Интернет. А всевозможные начальники, словно не видя этого, навязывают, что людям можно и нужно знать, а чего нельзя. Неужели они не помнят, чем завершились подобные действия в самом начале 90-х годов прошлого века?!

Но это — отдельная тема. Хотя, безусловно, связанная с тем, что я попытался показать в данных очерках. Ведь никто не сможет отрицать того, что победа в той страшной войне была обеспечена и благодаря патриотизму и самоотверженности наших людей, изрядно подрастерянных в последние годы. Фашизм не прошёл, потому что народ не пожелал жить по навязываемому «новому порядку». Народ знал, за что страдал. И верил в победу. Потому и горела земля под ногами диверсантов, карателей и иных фашистских прихвостней. Даже в глубоком тылу. Даже спустя годы.

Вот только один пример. Через 12 лет после окончания войны, в августе 1957 года удалось арестовать фашистского карателя Петра Мартышкина. Он сменил восемь жён, десятки адресов и мест работы. Девятую жену нашёл в Затоне, пригороде Барнаула. Работу подыскал такую, чтобы быть подальше от людских глаз — на сухогрузе, где он его и взяли, прямо на середине Оби.

До войны Мартышкин был судим за убийство и поджог колхозного зерна в Ростовской области. Предложил свои услуги фашистам уже в первый день оккупации. Был полицейским, участвовал в расстрелах мирных жителей, детей.

Удивляюсь, почему подобные дела надо скрывать от исследователей в секретных архивах?

Многие ветераны войны, дожившие до 65-летия Победы, как завет повторяют мысль о недопущении возрождения фашизма. Если верить публикациям, то элементы неофашизма проявились в Барнауле в 1983 году. 20 апреля, в день рождения Гитлера «несколько десятков юношей и девушек

с нарисованной на одежде и лицах свастики прошли по одной из улиц города и ворвались на дискотеку «Гермес». Там они попытались навязать свой регламент развлечений. И только вызванная администрацией дискотеки милиция смогла их остановить».

В тот день по стране прокатилась волна подобных инцидентов. Например, неонацисты со свастиками разгуливали по Свердловску, Омску, Куйбышеву, Ростову, Саратову, кое-где устроили погромы еврейских кладбищ. Тогда с этими радикальными проявлениями удалось справиться. Удастся ли это сейчас, если, не дай Бог, такое случится?!

Всё чаще заявляют о себе радикальные группировки. Нередко они исповедуют крайний национализм — неважно, какой: исламский, русский, украинский. Или антитюркский, антиеврейский, антирусский, антиамериканский, антиафриканский. Они все плохи. Потому что за ними маячит пример Гитлера с его идиотскими идеями о превосходстве одной расы над другими, одной нации над иными.

Может быть, кто-то станет утверждать, что сейчас у нас в крае всё благополучно с военно-патриотическим воспитанием? Да, нет же! И об этом с тревогой говорят ветераны войны.

Защита от неонацистов, скинхедов и вандалов — народная память!

ТЫЛ ПО-ФРОНТОВОМУ ЖИЛ

На Алтае войны не было. Это был глубокий тыл. И хотя здесь не звучали разрывы снарядов, но и сюда доходили глухие отзвуки фронтовых канонад. «Всё — для фронта, всё — для победы!», «В военное время работать по-военному» — эти короткие фразы были не столько лозунгами советской пропаганды, сколько искренним выражением всенародного желания одолеть врага, всемерно помочь фронту.

Газеты кануна войны, в том числе и краевая «Алтайская правда», вероятно, невольно отражали тайные помыслы руководства страны. По крайней мере, от народа не скрывалось, что война близка. Более того, утверждалось, что она будет «молниеносной», причём, «на чужой территории». Историки и сегодня спорят, отчего коварный Гитлер перехитрил не менее коварного Сталина, напав первым.

Начальные дни войны...

Рядовые советские люди, рвутся на фронт, готовы отдать жизни, чтобы защитить Родину. Но руководство страны и края пока в шоке: не готово внятно объяснить людям, почему так произошло, не знает, как и куда направить этот народный патриотический порыв. Указания из Москвы в эти дни либо противоречивы, либо отсутствуют, либо неуместны. Местное руководство, приученное слепо исполнять поручения «верхов», напуганное валом репрессий 37-го, боится проявить инициативу. Поэтому, например, рьяно берётся реализовывать абсолютно ненужное для тылового региона постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 30 июня «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». Никто даже не задумывается над тем, что зажигательные бомбы на Алтае с неба не сыплются — ведь в документе не помечено, что его действие распространяется только на прифронтовую полосу. Потому всё население края от 16 до 60 лет велено поголовно обучать светомаскировке и борьбе с фугасами под страхом уголовной ответственности «за срыв неисполнения».

Сообщения о боевых действиях первых недель войны в газетах тщательно профильтрованы. Достаточно сказать, что вовсе отсутствует слово «отступление». И только после выступления Сталина по радио (местные газеты опубликовали текст 4 июля 1941 года) государственная машина начинает, наконец, активно работать. Центр превозмог шок первых дней, организует сопротивление врагу, доводит планы-наряды: на отправку на фронт солдат, автомобилей, лошадей, продуктов питания. Барнаул, соответственно, делит доведённые цифры, доводит их до районов, те, в свою очередь — до парткомов, исполкомов, сельсоветов, военкоматов, заводов, учреждений, МТС, колхозов-совхозов. Сроки жёсткие, но вышколенным кадрам не привыкать. Сбои случаются, однако они редки. Номенклатура крайкома ВКП(б) уже в первые дни войны получает «бронь» от фронта, заявления секретарей райкомов об отправке в армию списываются в архив. Этим людям предстоит решать не менее важные дела — организовывать в глубоком тылу помощь фронту.

Особенно трудными для них, да и для всего края были 1942 и 1943 годы. Мужчин почти поголовно забрали на фронт. Обезлюдившиеся города и села края пополняются эвакуированными. Следом за ними идут эшелоны с десятками тысяч невольных новосёлов — репрессированных калмыков, советских немцев, чеченцев, других жителей Кавказа. Прибы-

вают эшелоны с оборудованием эвакуированных заводов, для которых уже доведён план выпуска военной продукции, за что спрашивают предельно строго. По указанию Госкомитета обороны выгребли «под метёлку» всё, что было выращено, в том числе фуражное и семенное зерно. В результате этого в январе-апреле 1943 года в крае погибла 510 тысяч 481 голова скота. Сколько животных сгинуло считали скрупулезно, но вот сколько людей умерло от голода и непосильной работы — статистика не скажет и сегодня, спустя десятилетия.

В этот же период на Алтае формируется несколько воинских соединений. Патриотический подъём высок, с набором ополченцев проблем почти нет. Впрочем, не всегда всё идёт гладко: например, будущая прославленная 42-я бригада вместо отведённых 10 дней формировалась 22. Крайком партии и крайвоенкомат «закрывают глаза» на то, что 548 добровольцев не имеют никакой военной подготовки, что несколько сот человек больны или малограмотны. Важней иное — строгий отсев политически неблагонадёжных, бывших заключённых и членов их семей. «Подозрительных» направляют в специальные тыловые строительные батальоны.

Полки, бригады, дивизии, сформированные в крае, участвовали во всех решающих сражениях Отечественной войны — защищали Подмоскowie, Ленинград, Сталинград, освобождали российские города, Украину, Белоруссию, Прибалтику, страны Европы.

В краевом государственном архиве сохранилась переписка военноружающего стройколонны № 3 треста «Стройгаз» Геннадия Белявского. Вот что он пишет жене: «...Сплю, не раздеваясь с момента выезда из Камня-на-Оби на голых нарах, т. к. постелей никаких нет. Под голову кладу вещмешок. Когда выхожу на работу, сдаю его старшине в кладовую, чтобы не украли. Еда чаще всего состоит из похлёбки из плохо промытой требушины. После прихода с работы в 9 часов вечера, страдаю поносом, как и многие другие. Отварной (*кипячёной* — *А.М.*) воды нет, нет и чая. В общем — жутко жить...»

Вряд ли можно назвать нормальным и быт гражданских строителей, заводчан, да и многих других жителей сёл и городов. Инструктор отдела оборонной промышленности крайкома ВКП (б) Кузьмиченко в секретной справке о бытовых условиях в общежитиях заводов №№ 17, 77, 236, ВРЗ, «Стройгаза» от 18 ноября 1942 года отмечает, что только на заводе № 17 (ныне ОАО «Барнаулский станкостроительный завод») с марта по октябрь 1942 года дезертировало 1676 человек. Из них прокурором подвергнуто аресту 197 человек, в том числе осуждено военным трибуналом 120 человек. По мнению инструктора крайкома, одной из главных причин дезертирства является плохое положение в общежитиях, где недостаёт топчанов, постельных принадлежностей, обуви, одежды, воды. При санобработке более чем у тысячи человек обнаружены вши. За 24 дня октября невыход на работу по причине болезни в стройколоннах составил 7311 человеко-дней. Имеются случаи, когда командный состав отбирает у больных справки врача, лишая их хлеба.

Города Алтая приняли оборудование 24-х крупных эвакуированных заводов, в кратчайшие сроки смонтировали его и развернули производство промышленной продукции, в основном оборонного значения.

Оправдать руководителей за столь бездушное отношение к подчинённым нельзя, понять — можно. Ведь вышестоящие начальники спрашивали с них план. И только план. План любой ценой. Иначе самим можно было попасть в саботажники, а то и во «враги народа».

Ведь кампания по поиску «врагов» продолжалась и в ту пору. Например, на заводе С-10 (затем он значился как завод № 77, «Трансмаш», ныне — ОАО «Барнаултрансмаш») «вскрыта и обезврежена контрреволюционная группа из числа специалистов завода». Люди, которые денно

и ночью отдавали все силы возведению предприятия, как утверждали «органы», «засоряют аппарат». Помощник директора, якобы, служил в белой армии, один конструктор — бывший офицер, другой, латыш — когда-то владел строительной организацией, начальник бюро — дочь купца, бухгалтер — лишился избирательных прав, как служитель религиозного культа.

Уже к декабрю 1941 года из машинно-тракторных станций, колхозов и совхозов Алтай направлено в армию около четырёх тысяч автомашин, несколько тысяч лошадей.

К концу 1941 года из сельскохозяйственных предприятий выбыло 90 процентов трактористов и 27 процентов комбайнеров. Их заменили свыше 17 тысяч женщин и девушек-механизаторов, которые были обучены механизаторским специальностям на краткосрочных курсах.

Всего несколько раз за долгие четыре военных года партийные власти обращаются к житейским проблемам населения. Например, по указанию ЦК ВКП (б) занимаются трудоустройством инвалидов, или оказывают помощь членам семей командного состава армии, эвакуированным на Алтай, а также проживавшим здесь. Проверка бытовых условий строителей и рабочих барнаульских заводов за годы войны была проведена лишь дважды. И лишь однажды в документах ЦК и Госкомитета обороны, касавшихся Алтая, мне удалось найти слово «разрешить». Постановление позволяло на два месяца продлить сроки работы сельского населения края, привлечённого для заготовки дров. Иными словами, разрешалось продлить зимнюю лесную каторгу. Остальные документы лишь «требовали», «указывали», «запрещали»...

Но, несмотря на невероятные трудности, люди самоотверженно трудились в тылу, понимая, что они, тем самым, помогают победе над врагом. Недаром, буквально за несколько месяцев на окраинах Барнаула, Бийска и Рубцовска были возведены «Трансмаш», тракторный, котельный, станкостроительный и многие другие заводы. На многих существовавших предприятиях стали производить оружие. Например, на Барнаульском меланжевом комбинате — снаряды, на вагоноремонтном заводе — боеприпасы, на других — мины, ручные гранаты, зажигательную смесь и зажигательные бомбы. В итоге, несмотря на сокращение численности населения края, предприятия в дни войны стали давать продукции в несколько раз больше, чем в 1941 году. Этому спо-

собствовали сверхинтенсификация труда, экономия и без того скудных ресурсов, и, конечно, инициатива людей.

Особым почётом пользовались молодой работник «Трансмаша» Фомичёв, по примеру которого в крае развернулось соревнование «тысячников» — тех, кто выполняет за смену 1000 процентов нормы, а также труженики колхоза «Комбайн» Топчихинского района, призвавшие население последовать их почину — передать хлеб из личных запасов в армию.

Около 200 тысяч тружеников тыла — рабочие, служащие и инженерно-технические работники награждены орденами и медалями СССР.

Официально рабочий день длился 11 часов, но многие работники трудились по 15-16, чтобы перевыполнить дневное задание в цехе, на стройке, в поле. Значительная часть заработанных средств перечислялась в фонд обороны и фонд главного командования Красной армии.

За годы войны Алтай направил на фронт 160 тысяч пудов зерна.

По сообщениям «Алтайской правды», уже к 16 декабря 1941 года население края внесло в них 13 миллионов 600 тысяч рублей. Ещё почти на девять миллионов рублей была реализована денежно-вещевая лотерея. Плюс около шести миллионов было собрано для строительства танковой колонны.

По итогам 1943 года подписка на два военных займа по краю составила 380 миллионов 764 тысячи рублей. На постройку танковой колонны «Алтайский колхозник», самолётов и другого вооружения для Красной армии трудящиеся края внесли 138 миллионов рублей. В фонд обороны было сдано более 25 миллиона рублей деньгами, в два раза больше этой суммы — обли-

гациями госзаймов, свыше 32 килограммов драгоценностей. Немалый вклад в фонд обороны в 1943 году внесли школьники: пять тысяч тонн металлолома, свыше 20 тысяч обще-школьных и 85 тысяч индивидуальных посылок для фронтовиков, 27 тонн лекарственного сырья для госпиталей.

Объективности ради, надо сказать и о том, что рядом с беспримерным, бескорыстным трудом, было и воровство. Чаще всего, люди шли на это из-за стремления выжить, накормить ребятишек. Невзирая на страшные запреты властей (неопределённые «законы военного времени», включавшие в себя и довоенный закон «о колосках»), наперекор их действиям, направленным на насильственное изымание продуктов питания у крестьян, преодолевая страх уголовной ответственности, люди вынуждены были красть, чтобы облегчить голодные муки. Ежегодно несколько десятков человек попадали в тюрьму из-за унесённой в кармане пригоршни зерна или добытых из мёрзлой земли картофелин. Только в 1943 году по этим причинам, судя по документам партийных органов, было привлечено к ответственности 236 и осуждено 118 человек.

В годы Великой Отечественной войны на фронтах погибло 121190 жителей края.

К 1944 году трудоспособное население в крае уменьшилось наполовину. Причём, мужчин было в 2,5 раза меньше, чем женщин. Подростки составляли треть работников сельского хозяйства. Свыше 300 женщин трудились председателями колхозов.

Нельзя без боли читать, например, документы о том, что колхозница М. из Волчихинского района, мать четверых детей, унесшая с тока 274 грамма овса, причислена к «расхитителям» и осуждена на два года. Или о том, как бюро Ключевского райкома поручило прокурору предать суду председателя колхоза «Коммунар», разрешившему «отчисление зерна для выдачи колхозникам» ещё до выполнения плана.

Но были и те, кто наживался на фоне общей нищеты, кто крал не для того, чтобы спасти пухнувших от голода детей. Ранее секретные архивы крайкома ВКП(б) свидетельствуют о том, что в Славгороде группа в составе директора мясокомбината, зав. райторготделом и председателя райпотребсоюза, якобы без нарядов, карточек и талонов расхитила продовольственных и промышленных товаров на сумму 1364 тысячи рублей. В Барнауле, в годы войны, если верить источнику, действовала группа Баева, которая, подделав типографские клише хлебных карточек, изготавливала и перепродавала их. На Солонешенской перевалочной базе крайпотребсоюза завторг Полежаев украл 120 метров мануфактуры. А председатель Быстроистокского райпотребсоюза, как информировали чекисты руководство крайкома, организовал дома, по сути дела, склад, на котором хранил свыше пяти тонн муки и 17 пар обуви.

... Так в истории России бывало нередко: рядом с подвигом соседствовали трусость и подлость. Чаще даже было так: подвиги совершались во исправление чьих-то преступных ошибок. Даже сейчас, спустя более 60 лет с начала той проклятой войны, поди – разберись, кто — герой, а кто — подлец?! Или всё же — победителей не судят?

НОМЕРНОЙ ЗАВОД

Из сотни промышленных предприятий, возникших в крае в годы войны и работавших на победу, «Трансмаш» был одним из самых крупных. В эвакуации завода из Сталинграда в Барнаул принимал участие и Александр Колосов, впоследствии ставший директором предприятия. Он перед кончиной передал в военно-исторический отдел Алтайского краеведческого музея фотографии, публикации и документы.

В бой — с проходной

Александр Колосов пришёл на Сталинградский тракторный завод 15-летним обрубщиком в чугунолитейный цех. В то время это было самое крупное тракторное производство в мире, выпускавшее 40 тысяч машин в год. А накануне войны на заводе наладили производство танка Т-34 и дизельного мотора В-2 к нему. Советский танк отличали не только отличные данные стрельбы, но и высокая маневренность, большая скорость и без-

отказный двигатель. Рассказывают, что фашисты намеревались организовать выпуск машин, подобных Т-34. Но инженеры гитлеровской Германии не справились с задачей из-за сложности изготовления алюминиевого двигателя В-2, который позднее выпускался в Барнауле.

Когда враг подошёл вплотную к городу на Волге, Александр Колосов вместе с заводчанами встал на защиту Сталинграда. Известен факт, когда в августе 1941 года прямо с конвейера Т-34 выходили на поле сражений.

В начале сентября 1942 года 50 специалистов Сталинградского тракторного были направлены в Барнаул, чтобы выбрать площадку для строительства эвакуируемого завода. В их числе был и Александр Колосов. Потом он вернулся в город на Волге, чтобы обеспечить эвакуацию оборудования в Сибирь.

Тем временем с Харьковского и Сталинградского тракторных заводов на Алтай стали поступать эшелоны со станками и оборудованием. А уже через десять месяцев с конвейера сошли первые дизели. Всего за годы войны барнаульский завод № 77 («Трансмаш» относился к Наркомату танковой промышленности и был «номерным») выпустил 10 тысяч этих моторов.

Александр Зиновьевич прошёл все ступеньки рабочей и инженерной карьеры. Был рабочим, мастером, начальником литейного цеха и производ-

ства. Когда трудился в литейке, в которой из-за шума почти ничего не слышно, привык на вопросы отвечать жестами — выкидывал вперёд ладонь с поднятым кверху указательным пальцем. Работал директором 15 лет, до 1975 года.

А война-то закончилась

К концу войны и сразу после её окончания работникам «Трансмаша» предстояли новые испытания. Надо было осваивать выпуск новой продукции. К тому же домой, на родину, возвращались многие сталинградцы и харьковчане. Да и завод-то в военных условиях строился наспех, оборудование устарело, катастрофически не хватало производственных площадей. Казалось, что ему была уготована судьба предприятия-дублёра, способного выпускать лишь чужие изделия по готовым технологиям.

Когда во второй половине 1950-х стали возводить Алтайский моторный завод всерьёз обсуждалось предложение об объединении «Трансмаша» и АМЗ. Верней не так — об их слиянии под эгидой моторного. Но трансмашевцам удалось переломить ситуацию, сохранив завод. Принялись за серьёзную реконструкцию. Кто-то из «высоких гостей», посетивший в эту горячую пору предприятие, заметил: «Здесь работают так, словно не знают, что война закончилась».

В конце 1950-х перед предприятиями, подобными «Трансмашу» стояла задача: изобрести и наладить выпуск моторов для боевой машины пехоты — БМП. Заказ достался Харьковскому заводу. Но тогдашний главный инженер барнаульского предприятия Борис Егоров твёрдо заявил директору «Трансмаша» Александру Колосову, что всё-таки сделает этот мотор. Тот его поддержал.

В советское время, когда всё решалось «наверху», решиться на такое могли только очень одержимые люди. Ведь требовались не только выполнять текущие планы, но и выкраивать деньги и время на «тайный» проект, нужны были единомышленники, материалы, площади, а главное — смелость. И всё это на «Трансмаше» нашлось. Правда, ценою многочисленных выговоров инициаторам проекта. В итоге, в 1965 году на испытаниях на военном полигоне алтайский двигатель для БПМ оказался лучшим в стране и был запущен в серию.

Дизельная Мекка

В последующие годы этот заказ занимал солидное место в производственных планах завода. А его продукция экспортировалась в 43 страны мира, в том числе мотор БПМ — в 20 государств.

Также труженики «Трансмаша» выпускали быстроходные малогабаритные дизели и дизель-генераторные установки, которые находили

Вместе с заводчанами (в центре Александр Колосов).

применение не только в оборонном комплексе, но и в сельском хозяйстве, строительстве, речном и морском флоте. К примеру, быстроходные катера на крыльях оснащались трансмашевским двигателем. А использование семейства унифицированных многоцелевых двигателей только в стройиндустрии ежегодно приносило стране около пяти миллиардов рублей.

В те времена счёт вёлся на пятилетки. Так вот, за этот период, как правило, на заводе осваивали несколько десятков модификаций машин. А работа на военные отрасли позволяла очень скрупулезно относиться к качеству выпускаемой продукции.

Сегодня это кажется преувеличением, но трансмашевские изделия (так на заводском языке называлась военная продукция) конкурировали с лучшими мировыми образцами. Они обязательно сравнивались с зарубежными аналогами. Например, изобретённый на «Трансмаше» двигатель сопоставили со 160 модификациями дизелей из индустриально развитых стран — со всем тем, чем располагала советская разведка. И алтайский двигатель для боевой машины пехоты превзошёл всех!

Сегодня акционерная холдинговая компания «Барнаултрансмаш»

является предприятием по конструированию и производству судовых, промышленных, транспортных дизелей, а также газопоршневых двигателей, газопоршневых электроагрегатов и мини-ТЭЦ, дизель-редукторных агрегатов. Эти дизели широко используются на речных и морских судах, маневровых тепловозах, многоосных шасси и гусеничных вездеходах, машинах аэродромного обслуживания, буровых установках, экскаваторах и кранах, стационарных и передвижных электростанциях.

Но начало всему было положено осенью 1941 года такими, как Александр Колосов.

МАСТЕРА ОГНЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

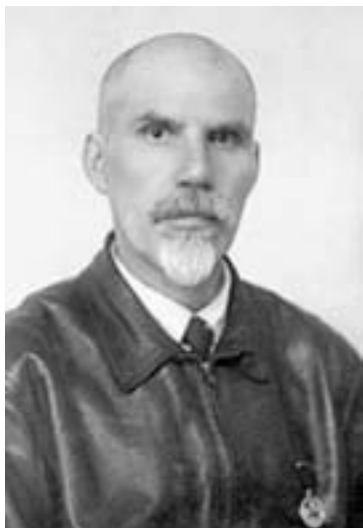
Родоначальник этой династии Пётр Кротов имел царские медали и советский орден Ленина. Его брат Дмитрий — полный Георгиевский кавалер, по приказу наркома Николая Ежова направлялся в США, а также привёл в Барнаул эшелон с оборудованием для станкостроительного завода. А Василий — сын Петра Кротова — изобретатель трактора. Все они внесли неоценимый вклад в развитие патронного производства в России.

Пётр Кротов

Про первую награду Петра Васильевича — малую серебряную медаль на Андреевской ленте свидетельств не сохранилось. А вот вторая — золотая медаль «За усердие», которой он был награждён в 1914 году, имеет необычную судьбу.

Во время империалистической войны у русских войск случилась нехватка боеприпасов. Россия вынуждена была закупить большую партию патронов у союзников по Антанте. Но миллионы боеприпасов

оказались бесполезными, поскольку не подходили к винтовке Мосина — были чуть-чуть великоваты по диаметру. А Пётр Кротов изобрел несложное приспособление, позволившее, не разбирая патрона, использовать его для стрельбы из отечественного оружия.

Боеприпас механически сдавливался, становился чуть меньше диаметром, и свободно входил в ружейный замок и ствол. Для серийного производства изобретатель разработал приспособление к действующим станкам. В итоге всю партию пропустили через приспособление Кротова и миллионы патронов поступили в войска.

Он родился в 1886 году в Сердобске Пензенской губернии. В 12 лет стал учеником слесаря, а затем — слесарем патронного завода в Петербурге. В 1917 году, во время революции рабочие избрали Петра Васильевича мастером. Через два года завод был переведен в подмосковный город Подольск, где умелец продолжал работать контрольным мастером. В 1941 году вместе с предприятием Кротов эвакуировался в Барнаул, принимал участие в организации работы станкостроительного завода, который в ту пору имел номерное название — № 17. За самоотверженный труд в 1945 году мастер патронного дела был награжден орденом Ленина — первым на Барнаульском станкостроительном заводе. После войны Пётр Кротов являлся контрольным мастером. Отличался очень ответственным отношением к делу. Оно было присуще ему, как представителю дореволюционной школы мастерства, где работник воспитывался в жёстких условиях. Внедрил немало новшеств, ведь во время ремонта всегда чего-то не хватает. Не в тяготу была ему и общественная работа: являлся депутатом, избирался делегатом съезда профсоюзов, был знаком с прославленными оружейниками страны Дегтяревым и Шпагиным.

Пётр Васильевич работал на предприятии до преклонного возраста. Трудился бы и ещё, но стали сдавать глаза, а вскоре вообще ослеп. Преодолевая недуг, исполнял любую работу: плотничал, столярничал, решал задачки внукам и даже рыбачил.

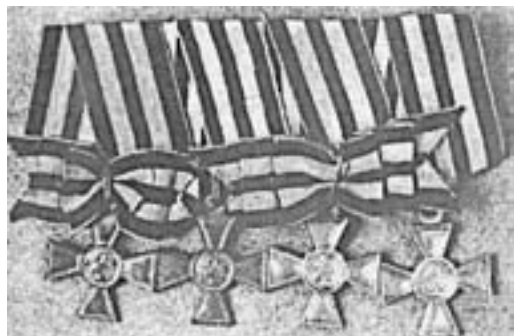
Дмитрий Кротов

Участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер, унтер-офицер Дмитрий Кротов после революции во главе взвода перешёл на сторону красных. По окончании Гражданской войны работал на Петроградском и Подольском патронном заводе. В 1938 году полгода провёл в командировке в США. Группа из трёх советских специалистов-оружейников принимала у американцев оборудование, заказанное СССР для организации патронного производства. Побывал в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго.

В семье его племянника, Василия Кротова, сохранилось письмо отправленное из США 3 июля 1938 года. На обороте открытки с видами американских городов и Ниагарского водопада: «Привет! Крепко целую вас всех. Пока я здоров. Сегодня еду в Нью-Йорк. По пути заехал осмотреть Ниагарский водопад, где пробыл целый день и ознакомился подробно. Очень красивая картина, которую трудно описать. Приеду — расскажу. А сейчас знакомьтесь по карточкам».

По итогам командировки был награжден медалью «За трудовую доблесть». И тем не менее находился «под колпаком», поскольку ездил в Америку, был знаком с Ежовым, другими видными деятелями.

Полный бант Георгиевского креста.

Дома был приготовлен узелок на случай ареста, но всё обошлось. Однако, опасаясь ареста, уничтожил царские награды — Георгиевские кресты.

Являлся начальником эшелона, который доставил из подмосковного Подольска оборудование

для организации производства патронов в Барнауле. Под его руководством проводились разгрузка и монтаж оборудования станкостроительного завода, который в годы войны выпускал каждый второй патрон в стране.

Братья Кротовы имели разные характеры, темперамент, наклонности. Младший, Дмитрий Васильевич был человеком увлекающимся, горячим. Отличный управленец, в то время как Пётр Васильевич — высококвалифицированный слесарь. Даже увлечения у них были различными: один — рыбак, другой — заядлый охотник. А объединяла их работа и тяга к техническому творчеству.

Дмитрий Васильевич умер в сентябре 1942 года в возрасте 53 года от скоротечного рака. Споткнулся о железнодорожные рельсы, сильно ушибся. Превозмогая боль, работал, а когда обратился к врачам, гематома уже превратилась в злокачественную опухоль.

Василий Кротов

Он оказался в Барнауле, в отличие от отца и дяди, уже после войны. У Василия Петровича не было «брони», и с 15 июля 1941 года до 25 декабря 1945 года он находился в действующей армии.

Война застала его в Гомеле, где юноша оканчивал автомобильный техникум. Потом стал танкистом. На всю жизнь запомнил командира, который бранил его за то, что на танке, как на автомобиле, объезжал лужи и пеньки. День Победы встретил в Белоруссии, в танковом училище, где готовились водители мощных танков Т-44, предназначенных для взятия Берлина. Так получилось, что в годы войны он выучил немало танкистов, да и сам обучался в двух танковых училищах — Горьковском и Сивашском. На Барнаульском станкостроительном заводе Василий Кротов начинал учеником токаря, потом прошёл много служебных ступенек: токарь, электромонтер,

инженер-конструктор, старший инженер-конструктор, механик, начальник испытательной лаборатории. Все эти годы, также, как его отец и дядя, занимался рационализацией, изобретательством. Правда, патентов не получал. Чаще всего умельца поощряли премией, Почетной грамотой или благодарностью.

А поощрять было за что. Возможно, старожилы помнят, как по перрону железнодорожного вокзала Барнаула бегали трёхколесные тракторишки. Это — плоды трудов Василия Кротова, спроектировавшего и наладившего выпуск машины. Также в этом принимали участие инженеры Алексей Докторов, Юрий Русаков и слесари. На заводе даже был создан участок по выпуску тракторов.

Этих машин было изготовлено в конце 50-х годов на Барнаульском станкостроительном заводе несколько десятков.

Дело в том, что на предприятии, выпускавшем боеприпасы, нельзя использовать лошадей, поскольку из-под их копыт могли вылетать искры. А машина имела резиновые шины и комплектовалась искрогасителем.

Трактор создавался на базе двигателя ЗИД 4,5, изначально предназначавшегося для доильной установки. Автомобильные колеса монтировались сзади, а спереди — костыльное — от самолёта.

Пришлось немало помотаться по стране, чтобы договориться о поставке комплектующих к этой машине.

Василий Кротов принимал участие в подготовке к выпуску других машин и агрегатов, изготавливаемых на заводе: насоса «Алтай», стиральной машины с этим же названием, передвижных доильных установок УДС-3 и «Ёлочек», шлифовальных станков и многого другого. Заводская газета, например, отмечала, что благодаря Кротову, электротали стали первым изделием на Алтае, аттестованным Знаком качества.

После выхода на пенсию в 1982 году Василий Петрович довольно долго вместе с коллегой-фронтовиком Михаилом Коганом составлял летопись предприятия, которая хранится в заводском музее. Из увлечений — мотоцикл, а затем автомобиль, охота, коньки, лыжи. В 83 года он, в основном, занимается садом и домашними делами. На станкостроительном заводе в разные годы также работали жёны Кротовых, а также брат и дочь Василия Петровича — мастера огневого обеспечения.

«ВАРЕЖКИНА» ЛЮБОВЬ

Барнаульская девушка отправляла на фронт связанные ею шерстяные вещи, вкладывая в них записки с адресом. Однажды ей пришёл ответ...

Токарь-универсал

Нина Лёвкина в войну сменила работу. Посчитала, что негоже ей, молодой и здоровой, в такое время быть счетоводом на нефтебазе. Подала заявление о приёме на работу на вагоноремонтный завод. Не только потому, что жила рядом, но и потому, что здесь изготавливали корпуса для артиллерийских снарядов. Нина желала своими руками помогать фронту.

Лёвкиной повезло — начальником цеха был человек по фамилии Львов. Он невольно выделял молоденькую работницу с похожей фамилией. А та в свою очередь старалась изо всех сил. Хотя роста не хватало: приходилось под ноги подставлять деревянный ящик.

Втянулась в военный режим: 12 часов работы, с короткими перерывами для приёма пищи, 12 часов отдыха (опоздание сурово каралось по законам военного времени) и снова — в цех. Без выходных, без отпусков. Тяжелее всего было трудиться ночью и во время пересменки — тогда токари,

работавшие в дневную смену, чтобы перейти на ночной режим, стояли у станков по 18 часов кряду. А дома оставалась мать с младшими братом и сестрёнкой, которых надо было подкармливать.

Как и другие, Нина всем, чем могла, помогала фронту: отдавала значительную часть зарплаты в фонд обороны, участвовала в субботниках, декадниках ударной работы. Умудрялась выкраивать время и деньги, чтобы собрать посылки для фронтовиков. Покупала на базаре овечью шерсть, которую мать с младшими детьми превращала в клубки ниток. Нина вязала

солдатские трёхпалые варежки — для большого, указательного (это — чтобы удобно было стрелять) и остальных пальцев. Ещё вязала носки. Готовые изделия относила либо в военкомат, либо на завод, либо напрямую на почту.

И также, как её подружки, Нина Лёвкина вкладывала в связанные варежки коротенькие записки с указанием своего адреса...

В годы войны с Алтая в действующую армию было направлено 284,6 пары варежек и рукавиц.

За 1941-1945 годы в фонд обороны из Алтайского края поступило почти 71 миллион рублей деньгами, более 77 миллионов рублей облигациями госзаймов, а также большое количество хлеба, мяса других продуктов питания и тёплых вещей.

В начале января 1942 года из края ушёл первый эшелон с подарками для воинов 5-й гвардейской стрелковой дивизии. За три года войны фронтовики получили от жителей Алтая девять таких эшелонов: более одного миллиона 300 тысяч тёплых вещей и посылок, в том числе 19,3 тысячи пар полушубков, 107 тысяч пар валенок и 47 тысяч шапок.

(Энциклопедия Алтайского края).

Фронтовая посылка

Сейчас она уже не может ясно вспомнить, как случилось это знакомство. Кажется, было так: кто-то из её подруг уже получал письма с фронта, причём, от земляка-барнаульца. В эту же воинскую часть по совету подруги и отправила Нина Лёвкина очередную свою посылку. А подружка написала своему знакомому, чтобы тот передал варежки Нины другу.

Скоро на имя Лёвкиной пришёл по почте фронтовой треугольник. Автор письма — лейтенант Николай Матенин коротко сообщал о себе, предлагал девушке переписываться. Та ответила. Потом обменялись фотографиями.

Нина тайком показывала фото красивого артиллериста только самым доверенным подружкам. А ему открыла тайну: никакая она не Нина, в паспорте и в других документах записана Серафимой. Так нарёк её в 1923 году поп при крещении. Только Николай всё равно продолжал называть её Ниной.

Девушке удалось раздобыть старую карту мира. На ней она отмечала боевой путь своего фронтового друга. Карандашная стрелка всё ближе продвигалась к Берлину. Это означало, что скоро окончится страшная война.

Но Николай Матенин после победы ещё два года оставался в армии. Его уволили из воинских рядов только в 1947 году. Накануне он написал Нине, что намерен приехать к ней в Барнаул. Девушка, ожидавшая этого момента почти пять лет, растерялась: а что подумают её родители? Несколько раз собиралась поделиться новостью с ними, но не смогла набраться смелости. Особенно опасалась сурового отца. Словом, так и не ответила Николаю.

Тот всё-таки нашёлся: сообщил, что в Барнауле у него живут родственники, которых он и собирается посетить. А в один из осенних дней в дом Лёвкиных постучался стройный военный, спросивший Нину. Фронтовик пришёлся по душе и её отцу.

Песня о судьбе

Вскоре Николай и Нина поженились. У них родились две дочки. Николай нередко звал молодую жену переехать в город Вязники Московской области, откуда он был родом. Но та ни в какую не соглашалась — сначала из-за малых детей, потом — уже по привычке.

Бывший артиллерист был весь изранен: в ногу оставался осколок, пошаливало сердце. Но окончил курсы бухгалтеров, работал по новой специальности.

Нина и Николай (он скончался в 1969 году) любили вечерами вместе петь негромкие, душевные, народные песни. Чаще всего исполняли одну, в которой словно рассказывалось об их судьбе. И называлась она «Варежка». Николай подозревал, что её сочинила его супруга, но та уверяла, что эта песня — народная:

*И в Сибири, у нас на Алтае
Не ложились девушки спать.
Много варежек тёплых связали
И решили на фронт их послать.
Вышивали их ниткой цветною,
Долго спорился девичий труд.
И сидели ночью порою
И гадали: кому попадут?
Или лётчику, или сапёру —
Много есть у Отчизны сынов,
Иль чумазому парню-шофёру,
Иль кому из отважных бойцов.
И тогда одна наша подружка
Написала из песни слова:
«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь твоя в сердце жива!»
Получил командир батареи
Эти варежки-пуховики.
Они долго и ласково грели,
Как пожатие нежной руки.*

Пела Нина всегда протяжно, с каким-то особенным чувством. Так поют только о том, что выстрадано. О собственной судьбе...

ТРУДОВОЙ ФРОНТ

Василий Козлов 55 лет работал на заводах Рубцовска. Он был знаком с австрийцем Иосифом Махтом — заклятым врагом Гитлера, певцом югославского происхождения Виктором Вуяичем, многое видел и помнит

Работа — спасенье от невзгод

После нескольких месяцев обучения в фабрично-заводском училище, Василий Козлов в январе 1943 года стал слесарем автоматного цеха Алтайского тракторного завода. Помещений цеха, как таковых не было: они не могли спасти от ветра, не говоря уж о морозах.

На всю жизнь остались и в памяти подростка даже не зрительные картинки, а запахи, ощущения физической усталости от тяжёлой работы, холода, голода и недосыпания.

В цехе возвели печи. Если около них ещё как-то можно было отогреть оконевшие руки, то смазка станков периодически замерзала, как и эмульсионное и водяное охлаждение оборудования. Дым от печей и смрад от масла — сульфозфрезома для деревенского мальчишки резко контрастировали с запахами степи. Об условиях труда и быта алтайских тракторостроителей той зимой рассказал на страницах газеты «Правда» писатель Фёдор Панфёров: «Это были не цехи, а коптилки: под каждым станком, чтобы не замёрзла эмульсия, топились железные печи. От них шёл угар. Около станков люди, закутанные во что попало. И особенно тяжело было тем, у кого станки стояли под открытым небом. Тут тоже под каждый станок ставилась печка. Но она совсем уже не грела человека. Представьте себе: при злых сибирских морозах у станка стоит человек, закутанный в шарфы, шали, в варежках и вытачивает деталь. После этого он идет «домой» в землянку или полухолодный барак, принимает скудный обед и, не раздеваясь, ложится спать... Так ведь не один, не два дня, а месяцы».

Бороться с невзгодами и лишениями, как ни странно, можно было лишь работой. И она увлекла Василия Козлова. Вот только неловко было организовано рабочее место. Верстак смонтировали под взрослого человека, а Василий имел маленький рост — приходилось подставлять под ноги деревянный ящик. В обязанности слесаря входило изготовление различных приспособлений для фрезеровки, сверления, нарезки резьбы. Было, конечно, тяжело, но интересно.

Для немногочисленного технического персонала — мастеров, технологов, начальников цехов и отделов — был введён режим с почти круглосуточным пребыванием на работе. А Василий Козлов самым трудным временем считал от трёх до пяти часов утра. При наступлении дремоты ноги подкашивались сами собой, и молодой рабочий падал прямо у верстака.

Но невыполнение нормы грозило голодом. Пицца и без того была скудной: 600 граммов хлеба на сутки и обед раз в день из пшена, мёрзлой картошки и гуляша — «рогов и копыт». Хлеб съедался прямо с утра: щиплешь-щиплешь понемногу, и к обеду остаётся в лучшем случае корочка. Тем, кто перевыполнял нормы, выдавался так называемый стахановский талон — тогда можно скушать две или даже три порции. Ещё выдавался заработок: около 750 рублей. А булка хлеба на рынке стоила очень дорого, на

месячную зарплату можно было купить на базаре лишь три булки хлеба. Однако деньги следовало оставлять для расчёта за заводские обеды, хотя они по талонам стоили всего около рубля.

Враг Гитлера

Мастером на участке, где трудился молодой слесарь, являлся австрийский политэмигрант Иосиф Махт. Особый колорит придавало ему личное знакомство с Адольфом Гитлером. Правда, Иосиф Иосифович искренне ненавидел своего земляка и отзывался о немецком фюрере исключительно негативно. Прежде всего, как о политическом противнике. В молодости коммунист Махт боролся с национал-социалистами, всячески досаждая им, срывая фашистские мероприятия, которые, как правило, проводились в пивных Вены и Мюнхена. С укреплением режима Гитлера он вынужден был скрываться в подполье и в эмиграции.

Вообще судьба Иосифа Махта достойна романа.

Однажды ночью, когда, спустя пять лет после исчезновения, постучался в дверь дома родной сестры, та едва не лишилась чувств, поскольку считала брата погибшим. А он, действительно, не раз бывал на краю смерти. Участвовал в гражданской войне в Испании до дня падения республики. Затем был интернирован во Францию. Оттуда с помощью коммунистов переправлен через другие страны в СССР. В Рубцовск эвакуировался из Харькова, вместе с тракторным заводом.

Мастер Махт жёстко требовал с подчинённых исполнения работ. Иногда подростки принимали эти его действия за издевательства. Но, как показало время — ошибались. Нередко бывали случаи, когда по ночам работа отсутствовала. Казалось бы, можно позволить вздремнуть юным труженикам. Подобное разрешали другие мастера, но только не Махт. Он обязательно находил дело. Например, поручал изготовление молотков, пассатижей, угольников и другого инструмента. Причём, разрешал пользоваться только напильником и сверлильным станком. Изготовленные изделия измерял точными инструментами, при обнаружении малейших дефектов требовал исправления. В итоге молодые слесари научились делать сложные приспособления и инструменты. А затем с его помощью хорошо освоили фрезерные, сверлильные и других станки.

В конце 1945 года Иосиф Махт был откомандирован из Рубцовска за границу, в его родной город Вену, где он стал руководителем одного из районов столицы Австрии. Но, накануне отправки из Вены советских войск,

опасаясь репрессий, вновь эмигрировал в Харьков, продолжил работу на тракторном заводе.

Там в командировке в 1956 году Василий Козлов снова встречался с Иосифом Махтом. Говорили ночи напролёт. Иосиф Иосифович уже тяжело болел, много расспрашивал об общих рубцовских знакомых, но о себе по-прежнему рассказывал скупно.

Василий Козлов также хорошо знал и семью сербов Вуячичей, которые прибыли в Рубцовск вместе с эвакуированным Харьковским тракторным заводом. Вуячич-старший, как и Махт участвовал в гражданской войне в Испании, на заводе работал наладчиком одношпильных автоматов. А его сын Виктор являлся токарем ремонтно-механического цеха. Уже тогда молодой работник был известен, как отличный певец. Несмотря на военное время, Виктор Вуячич нередко отсутствовал на рабочем месте, участвуя в художественной самодеятельности завода. Потом проходил службу на Балтийском флоте, по окончании которой стал профессиональным певцом. Жил в Минске.

В 50-70-ые годы прошлого века Виктора Вуячича хорошо знали в СССР и в Югославии, он много гастролировал, выпускал пластинки.

Бывал и в Рубцовске, посещал друзей, в том числе и родственника Василия Козлова. С удовольствием вспоминал юность, участие в самодеятельности и футбольные баталии в Рубцовске. Скончался Виктор Вуячич 17 сентября 1999 года, похоронен в Минске.

Трудармейцы, пленные и ээки

На строительстве Алтайского тракторного завода трудились разные люди. Особенно выделялись незнанием русского языка мужчины из Средней Азии и Кавказа: таджики, узбеки, туркмены, а также грузины. Потому что их мобилизовали не на войну, а на трудовой фронт. Называли этих работников членами трудовых колонн. Теплолюбивыми жителями Средней Азии, одетыми в халаты, руководили прорабы и бригадиры, обмундированные в военную форму без знаков отличия и в огромные фуражки. Членам трудовых колонн доверяли самый неквалифицированный труд: рытьё траншей и иные подсобные работы в строительстве. Закутанные среди зимы в халаты, завшивленные и голодные работники представляли из себя жалкое зрелище. Впрочем, подростки завидовали их бригадирам, карманы которых были забиты стахановскими талонами. К середине войны немногих выживших таджиков, узбеков и туркмен сменили военнопленные немцы, австрийцы и венгры.

С этими Василию Козлову приходилось общаться, поскольку они работали рядом, в волочильном отделении, на подготовке металлических прутьев. Поводом для общения были также обмен курева или хлеба на немецкие зажигалки и часы. Иосиф Махт, по просьбе ребят всё же научил их некоторым фразам на немецком языке. А подросткам удалось выяснить, что среди военнопленных есть два бывших жителя Вены. Молодые рабочие тайком познакомили их с Махтом. Он охотно, но скрытно от чужих глаз расспрашивал земляков о родном городе. Позже военнопленных немцев, австрийцев и мадяров расконвоировали. Теперь в свободное время они даже играли на стадионе в футбол.

А когда бывших фашистских солдат куда-то перевели, привезли военнопленных японцев. У этих была строгая иерархия, командиры сохраняли свои полномочия и в плену. Василию случалось видеть, когда колонну из сотен японцев сопровождали всего лишь два советских конвоира. Военнопленные из Страны Восходящего Солнца страдали от сибирской зимы и непривычной пищи, словно жители Средней Азии. К работе на заводе их, кажется, не привлекали. Они строили в городе жильё: Центральный посёлок Алтайского тракторного завода, микрорайон завода «Алтайсельмаш» и Западный посёлок.

Когда в возводимых цехах остро не хватало рабочих рук, на помощь строителям, рабочим, монтажникам приходили служащие главной конторы, заводоуправления, которые, устроив «живой конвейер», из рук в руки передавали грузы и детали оборудования.

Радостным днём для заводчан стало 24 августа 1943 года. Когда гитлеровцы пошли на штурм Сталинграда, когда бойцы 21-го стрелкового полка отчаянно дрались за вокзал, за общежития, за корпуса СТЗ, в Рубцовске был собран первый трактор АСХТЗ-НАТИ с деревянной кабиной и бензиновым двигателем, который встал на смену сталинградскому и харьковскому.

В годы войны Рубцовск был наводнён и эвакуированными. Кроме тех, которые приехали из Харькова вместе с заводом, в город прибывали эшелоны из Ленинграда и других городов. Эвакуированных поначалу размещали в общественных зданиях, а потом принудительно распределяли по квартирам рубцовчан. Многих подростков и женщин направили работать на тракторный завод. Рядом с Василием Козловым, например, трудился мальчишка — сын генерала, прибывший в Сибирь вместе с матерью. Большинство эвакуированных возвратились домой в 1944-1945 годах.

А после окончания войны в Рубцовске построили несколько колоний. Заключение возводили заводы и работали на некоторых из них.

...Но истина дороже

На Алтайском тракторном заводе Василий Козлов прошёл почти все ступеньки служебной лестницы: слесарь, старший мастер, заведующий отделом, сменный начальник производства, заместитель начальника цеха по производству. В 1960 году в его трудовую книжку внесли запись: «Уволен с откомандированием на завод № 30», который позже полу-

чил название Рубцовского машиностроительного завода. Там он выполнял обязанности заместителя директора по общим вопросам, а также по коммерческой деятельности. Так что, Василий Петрович имеет отношение к нескольким рубцовским заводам, которым в общей сложности отдал более полувека.

В середине 60-х два года работал начальником цеха стартёров Алтайского завода тракторного электрооборудования. Между прочим, АЗТЭ — единственный в крае завод — имел звание «Предприятие коммунистического труда». Козлову доводилось посещать предприятия этого же профиля в Москве и Куйбышеве, но те были далеки от рубцовского по культуре производства. Отличительными чертами АЗТЭ являлись высокая механизация и безупречный порядок, высококлассные специалисты и рабочие.

Впрочем, как на любом производстве, и на элитном заводе были проблемы. Василий Козлов стал начальником цеха стартёров в самом конце 1964 года. А на следующий год довели план — выпустить продукции в два раза больше, чем прежде. Но цех был создан совсем недавно, на такие участки нередко собираются лодыри и бракоделы. Начальник цеха нашёл опору в лице ответственных специалистов и рабочих. Начал с наведения дисциплины. На совещаниях у директора, естественно, звучало, что в цехе стартёров катастрофически растёт число прогулов и опозданий на работу. Но директор — человек умный, понимал, что удвоение валовки невозможно без жёстких мер. Он знал, что в цехе стартёров рано или поздно прогулы прекратятся, резко возрастёт количество и качество продукции. Так и полу-

чилось. Через год цех стал передовым на заводе. Коллеги допытывались у Василия Петровича, уж не скрывает ли он негативную статистику? Но тот откровенно отвечал им, что показывает истинное положение дел, советовал делать так же.

Понятно, что ветерану трёх рубцовских заводов обидно, что предприятия, которым он отдал столько сил, попали в глубокий кризис. Кроме известных причин, по мнению Василия Козлова, сущей бедой заводов стали фирмы-прилипалы, которые не заинтересованы в выживании крупных предприятий.

Сегодняшние беды невозможно объяснить только неконкурентоспособностью продукции — известно, что оборонные предприятия славились высоким качеством. Значит, дело, как считает ветеран, в ином — в нежелании владельцев, акционеров, руководителей и специалистов поднять заводы с колен. В отсутствии самой такой цели. Если будет цель, — это показывает жизненный опыт нескольких поколений, — все трудности можно преозмочь! Тогда и невозможное — возможно!

ШОФЁРКА МАНЯ

Так звали в годы войны водителя полуторки

Марию Терещенко

В то время у неё на уме было только наесться и выспаться. От усталости как-то сказала матери: «Ой, мама, хоть бы мне заболеть». А та ей: «Доченька, придёт время, будешь болеть».

Такое время пришло. Но Мария Терещенко не сдаётся хворям. На 80-м году жизни рассекает по селу на мотоцикле, работает по дому, во дворе, огороде. Одной из первых в Завьяловском районе ежегодно проходит медицинский и технический осмотры, вызывая улыбку у инспекторов дорожного движения и односельчан.

С техникой Мария Терещенко связана уже больше 60 лет. После окончания семи классов и курсов водителей тяжкие военные и послевоенные годы работала шофером. Трудилась на полуторке — ГАЗ-А — той самой, с фанерной кабиной. Других не было — забрали на фронт. Во всей Завья-

ловской машинно-тракторной станции было пять таких машин. Их технические характеристики в устах Марии Терещенко, «лом», да к тому же ещё и без единой запчасты. Запасали, вытачивали, ковали всё, что может пригодиться в дороге. Чаще всего

срезало шпонку, на этот случай возила целую пригоршню гвоздей. Трудно было и из-за отсутствия аккумулятора. Заводить машину приходилось вручную, рукояткой — для этого выдавали рукавицы-голички.

Основной обязанностью шофёра в военные годы была доставка горячего с железнодорожной станции Кулунда в МТС, а затем в поле, к тракторам, с которыми маялись такие же, как она, девчонки. В дальний путь ездили колонной — на случай поломок. Встречных машин не было. Как, впрочем, и дорог.

Мария Терещенко сохранила несколько ярких впечатлений о войне. Голос диктора Левитана из громкоговорителя: «Над нами нависла огромная, опасная туча...» А о дне победы узнала так: «Я как раз была в Алейске, на нефтебазе, загружала бочки с горючим по покатам в кузов. Вдруг прибегают из бухгалтерии, говорят, что война кончилась. Кто плачет, кто смеётся. Доехала домой без единой поломки, почти летела. Охота сказать, что война кончилась. Думаю, а вдруг это брехня?! Раньше ведь не болтали лишнего. За каждый пустяк сажали в тюрьму: за опоздание на работу, за колосок. Так молчком и поехала к тракторам. Смотрю, к бригаде на коне нарочный примчался: «Война кончилась!»

Где-то в середине войны Марию и её подруг вместе с машинами едва не забрали на фронт. К тому времени чуть ли не в каждый дом уже пришли похоронки, потому провозжали шоферку Маню со слезами. Но возвратили молоденьких водителей назад, в деревню, не из жалости, а потому что машины были совсем негодными для фронта. Но девчонки работали на них ещё и после войны.

Как и у всякого кадрового шофёра, у Марии Терещенко было несколько «клинических случаев». Замерзала зимой в степи. Едва не сорвалась с обрыва в Обь. Буксовала. Плакала. Ночевала в холодной кабине...

После войны вышла замуж за механика МТС Макара Терещенко. У того умерла жена, оставив троих детей. Старшей девочке было 10 лет, младшей — всего семь месяцев. Все приёмные звали её мамой. Воспитала их, да ещё и двоих «местных» с Макаром.

Было всякое: радости и горести. «Всю жизнь кипела», - подводит итог своей судьбе Мария Терещенко.

Живой, энергичный характер не позволяет ей расслабляться. После смерти мужа сменила автомобиль на мотоцикл, управляет им так же уверенно, как когда-то полуторкой. В последние годы летом занята тем, что печёт пироги и возит их для продажи туристам, приезжающим на отдых на знаменитое завьяловское солёное озеро Горькое, лежащее неподалёку от её села Светлое.

СТЕТОСКОП — ОТ ЖЕНЫ ПРЕЗИДЕНТА

В ходе Крымской конференции, Элеонора Рузвельт, супруга президента США Франклина Рузвельта посетила лазарет, где зауряд-врачом был Зиновий Баркаган, ставший впоследствии известнейшим алтайским медиком. На память о той встрече он сохранил костяной стетоскоп, подаренный ему высокой гостьей.

Зимой 1945 года Зиновий Соломонович завершал обучение в Одесском мединституте. Последний курс обучения в вузах этого профиля и сегодня связан с продолжительной практикой. А в ту пору, когда от побережья Чёрного моря только что отступила война, студенты выпускного курса уже давно были востребованы в военных госпиталях. Их звали эрзац-врачами, интернами, ординаторами, зауряд-врачами.

Зиновия Баркагана направили в лазарет, специализированный на лечении больных эпидемическим гепатитом, или болезнью Боткина, а если ещё понятней — желтухой. Лазарет располагался в помещении школы, километрах в двадцати от Черноморского побережья, недалеко от Севастополя, в маленьком рыбацком посёлке.

Баркаган Зиновий Соломонович, учёный терапевт, гематолог, заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии СССР и премии имени Ползунова, член-корреспондент Академии медицинских наук России, почётный профессор Миннесотского университета и член Лондонского королевского общества естествоиспытателей. Родился в 1925 году. В 1946 году окончил Одесский медицинский институт, работал в клинике госпитальной терапии этого же вуза, затем — в Таджикском медицинском институте.

С 1956 года жил в Барнауле, до декабря 2006 года работал в Алтайском медицинском университете, где возглавлял кафедру внутренних болезней.

Зиновий Баркаган, работавший директором Алтайского филиала Центрального института гематологии РАМН скончался от тромбоза 27 декабря 2006 года.

Вот сюда-то и направилась супруга президента США, сопровождавшая мужа на Ялтинской встрече. Рузвельт в эти дни вёл переговоры с английским премьером Уинстоном Черчиллем и руководителем СССР Иосифом Сталиным, в ходе которых решалась судьба послевоенного мира. А у супруги президента, как это принято, была собственная программа...

Элеонора Рузвельт вошла в лазарет сопровождении нескольких советских офицеров и переводчика. Поздоровалась с тремя молодыми врачами, пожала им руки. Зиновий Баркаган приятно удивил гостью тем, что ответил на её приветствие по-английски. Потом она направилась в палаты, к больным.

Гостью показала Баркагану немолодой. Впрочем, как говорят французы: «Тот стар для нас, кто старше нас на 20 лет». А Зиновию Соломоновичу тогда было чуть больше 20 лет. В этом возрасте 45-летний человек кажется пожилым, а супруге Франклина Рузвельта было значительно больше.

Встреча, конечно, была протокольной, но Зиновию Баркагану показалось, что Элеонора как-то по-особенному интересовалась самочувствием

больных, вникала в ход и сроки лечения. Непременно желала скорейшего выздоровления. Каждому больному супруга американского президента вручила по маленькому презенту. Кажется, это были плитки шоколада.

А врачам подарила по стетоскопу. Это была трубочка, изготовленная из слоновой кости. В СССР эти нехитрые приборы, предназначенные для прослушивания пациентов, многие годы выпускали деревянными. Их изготавливали из пальмы, чёрного дерева или бука. Такие стетоскопы тонули в воде, а, например, изделия из сосны или березы, плавают на поверхности. По качеству и костяной, и деревянный вполне хороши, а вот выпускаемые в последние десятилетия резинометаллические стетоскопы вызывают нарекания специалистов, поскольку пощёлкивают, создавая посторонние шумы.

Элеонора Рузвельт (1884-1962) — американский дипломат, общественный деятель, первая леди США во времена Франклина Делано Рузвельта, 32-го президента Соединенных Штатов, одна из самых известных и уважаемых женщин в истории этой страны.

Первые года замужества Элеонора полностью посвятила домашнему очагу и воспитанию пятерых детей. Затем, в начале 1920-х, когда у мужа стали проявляться последствия пережитого в детстве полиомиелита, и он стал прикованным к инвалидной коляске, она занялась общественной деятельностью. В 1933 году Франклин Рузвельт был избран президентом, начал бороться с Великой депрессией путем проведения комплексных реформ, вошедших в историю как знаменитый «Новый курс Рузвельта». А Элеонора, тем временем, стала одним из основных проводников либеральных идей в американском обществе. Поскольку Франклин Рузвельт был скован в движениях, Элеонора была его «ушами и глазами», предпринимая многочисленные поездки по стране. После смерти Франклина Рузвельта, последовавшей в апреле 1945 году, через два месяца после Ялтинской конференции, его вдова являлась представителем США в ООН, занималась защитой прав человека.

Словом, стетоскоп из слоновой кости, подаренный Элеонорой Рузвельт, оказался редкостным. По крайней мере, для нашей страны. Зиновий Баркаган много лет пользовался им, берёг. А в начале XXI века передал его в музей истории медицины Алтая, созданный в Рубцовске врачом-энтузиастом Иваном Беккером. Там стетоскоп занял положенное ему место в экспозиции, посвящённой Зиновию Баркагану. Прибор с годами немного покривился и стал чуть желтее.

СВАДЬБА ДЛЯ ОСТАРБАЙТЕРОВ

Софья и Григорий Губских в годы войны были угнаны в Германию. Они стали остарбайтерами — восточными рабочими. Их расположили в лагере для гражданских лиц. Там и поженились. На свадьбе, которая происходила в бараке, новобрачные и гости выпили по кружке брюквенного сока, похлебали баланды и несколько раз стыдливо поцеловались под негромкое «Горько». Потом молодожёнов освободили. Для того чтобы разлучить...

Прощай, Украина!

Мать 16-летней Софьи, когда фашисты пришли в их деревню, больше всего боялась за судьбу троих дочек. Когда девушек стали забирать на работы в Германию, она умоляла старосту оставить старшую дочь. В пересказе Софьи Алексеевны, которая поныне разговляет по-украински, ответ старосты звучал примерно так: «Её отец был коммунистом, партгоргом робыв — как я оставлю её?! Не. Что же люди скажут? Что партийским дитям и при немцах гарно живётся».

Но староста пообещал матери дать поросёнка и помогать с продовольствием. При условии, что об этом никто из посторонних не будет знать.

И действительно, после войны Софья слышала от матери, что староста помогал ей. Правда, чтобы спасти свинью от фашистов, частенько приходилось вымазывать её чернилами или грязью.

А Софью летом 1942 года вместе с такими же, как она, молоденькими девушками посадили в подводы, и повезли в районное село Апостольское. С этим, «церковным» названием райцентра Днепропетровской области — и смех, и грех! Его при Советской власти несколько раз переименовывали, но каждый раз неудачно. Сначала называли Косиоровским, но известный большевик оказался «врагом народа», и району присвоили имя Николая Ежова — «наркома смерти», организатора массовых репрессий в СССР, который тоже вскоре был признан «врагом народа». Пришлось району возвращать исконное наименование — Апостольский.

Туда, в райцентр, на железнодорожную станцию и привезли Софью, посадили в товарный вагон, вперемешку с мальчишками-подростками, и отправили в неметчину.

А Григорию Губских, уроженцу Керчи, к началу войны уже перевалило за 20 лет. Но в армию его не взяли, потому что в юности тот увлекался футболом и повредил ногу. Врачи признали у него туберкулёз кости, выдали «белый» билет, свидетельствующий о негодности к военной службе, а также удостоверение инвалида второй группы.

В первые же дни войны оккупанты расстреляли его отца, а самого Григория, несмотря на наличие документов об инвалидности, отправили на работу в Германию. Удивительно, но диагноз оказался неверным, нога зажила, и больше уже никогда его не беспокоила.

Во время следования в Германию душа переворачивалась: фашисты идут на нашу страну войной, бьют красноармейцев, а их везут работать на рейх. Вместо того чтобы помогать родной стране, заставляют помогать

врагу. Совесть заедала до тех пор, пока не осознали, что им предстоит выпускать продукцию, не предназначавшуюся для военных целей.

Барак — счастливый барак

До приезда в Германию Софья и Григорий не были знакомы. А в лагере их бараки оказались рядом. Да и работали на одном заводе по выпуску бытовых газовых плит. Григорий попал в «горячий» цех, занимался эмалированием посуды, плит. Софья трудилась за сверлильным станком. График был напряжённым — по 12 часов ежедневно. Пока не выполнишь норму, с работы не отпускали. Но тяжелее всех было тем, хлопцам, которые трудились шахтёрами. Ведь лагерь находился на окраине крупного города Эссен в индустриальном Руре.

С оstarбайтерами общались лишь несколько местных работников: комендант, переводчик, шеф-повар, да старики и инвалиды войны, которые охраняли бараки с бывшими советскими людьми. За побег, или даже его попытку, а также за вредительство, отправляли в концентрационные лагеря.

Несмотря на это, побегι случались. Однажды на это решились три соседки Софьи по бараку. Накануне им помогали собрать в дорогу побольше еды. В один из вечеров они проникли в товарный вагон, спрятались. Ночью состав стало покачивать, колеса застучали по рельсам. Утомлённые ожиданием подруги задремали. Но утром в вагонном проёме увидели знакомый заводской пейзаж. Оказывается, всю ночь состав катали с горки.

Жизнь «восточных рабочих» была однообразной: работа-сон-работа. От голода и холода не страдали, но досыта за годы принудительного труда ни разу не ели. Трудным испытанием для молодежи была выдача булки хлеба, которую следовало поесть в течение четырёх дней. Редко кто выдерживал, чтобы не скушать этот липкий эрзац в один присест.

Поначалу докучал рукоприкладством комендант. Потом он куда-то исчез. Вместо него назначили другого. Когда Софья и Григорий решили пожениться, обратились к нему, он не возражал, но и ничего не мог предложить молодожёнам, кроме ожидания лучших времён. Ведь в барачных комнатах жило по 20 человек.

Ярким воспоминанием лагерной жизни осталась в памяти Софьи операция по удалению аппендицита. Её накануне скрутило так, что она мысленно попрощалась с родными. Но подругам удалось найти коменданта и отправить её в местный лазарет. Бывшая деревенская девушка плакала, отказывалась от операции: «Умру, а маму не побачу». Главное, потом, после

операции, ей позволили некоторое время не выходить на работу. Это было верхом счастья!

Освобождение

Пожалуй, самыми страшными воспоминаниями Губских о том периоде жизни остались бомбардировки союзной авиации. Этот кошмар продолжался несколько месяцев. После одного такого налёта был разрушен завод, на котором трудились «восточные рабочие». Но всё равно их ежедневно выводили на разборку завалов и восстановление предприятия. Комендант и охранники игнорировали то, что работники проводили ночь без сна: спастись приходилось за пределами бараков, среди высоченных отвалов угольных шахт.

8 апреля 1945 года, в жаркий весенний день в лагерь вошли американские воины. Они, по воспоминаниям супругов Губских, долго не решались преодолеть мост, охраняемый немецкими солдатами. Им помогли русские, умело снявшие часовых, и открывшие путь союзникам.

Впрочем, скоро выяснилось, что Рурская область, в которой располагался лагерь, отошёл в зону оккупации англичан. Эти были строже американских солдат, которые щедро угощали остарбайтеров шоколадом и тушёной. Появилось много запретов.

Вскоре были отправлены в советскую зону оккупации бывшие военнопленные красноармейцы, которые томились в соседнем концлагере. Потом очередь дошла до тех, кто насильно был угнан в Германию. Им устроили долгие проверки в фильтрационных лагерях.

У бывших остарбайтеров не было при себе никаких документов. Семью Губских почти сразу же разлучили. Софью отправили в Берлин, где она три месяца работала на текстильной фабрике, затем участвовала в разборке оборудования и отправке его в СССР. Григорий был признан годным к военной службе, его направили в Кёнигсберг, в авторемонтный батальон.

До 1947 года, пока Григорий не уволился из армии, Губских не могли узаконить свои отношения. Софья ждала мужа в родном Апостольском районе, переписывалась с ним. Только через пять лет после памятной свадьбы в бараке они смогли законно жить вместе.

Появилось двое детей. В 1954 году они приехали из Днепропетровской области на целинные земли, в село Новопесчанское Бурлинского района. И вот уже свыше полувека живут здесь. Имеют четверых внуков и шестерых правнуков.

В Новопесчанском много украинцев, потому старики Губских говорят преимущественно на украинском языке. Мне, особенно в начале беседы, было непросто общаться с ними, но потом я стал их понимать получше. А младшие поколения этой большой семьи, прекрасно владеют и русским, и украинским языками.

Особого дискомфорта, преследований за то, что в годы войны Губских работали в Германии, не ощущали. Хотя в паспорте до недавнего времени была отметка об этом чёрной ту-

шью. Из-за этого однажды Софье Алексеевне отказали в приёме на хорошо оплачиваемую работу. Так всю жизнь трудилась в совхозе дояркой-пояркой. А Григорий Иванович — механизатором, пока не повредил кисть руки, после чего был переведён «на лёгкий труд».

Прошлое неожиданно напомнило им о себе несколько лет назад. Тогда Софью Алексеевну признали бывшей малолетней узницей в фашистской Германии, Григорию Ивановичу тоже выплачивали пособие в евро. Но старики, понятное дело, потратили валюту на внуков-правнуков, у которых вся жизнь — впереди!

СОХРАНЁННАЯ ПОХОРОНКА

В село Каркавино Косихинского района пришло горестное известие о том, что Иван Каркавин убит 5 октября 1943 года. Но солдат выжил...

«Моему дедушке Каркавину Ивану Васильевичу сейчас 79 лет. В 1943 году он попал на фронт, в роту пулемётчиков. Принимал участие в освобождении Харькова и Чугуева. При форсировании Днепра дедушку сильно контузило, и он попал в плен. А домой, к его родителям полетела похоронка, что он погиб. И только через два года американцы освободили военнопленных. Два года родители считали своего сына погибшим, пока не получили от него письмо, что он жив-здоров. А похоронку он до сих пор хранит.

*Каркавина Людмила,
ученица 5-го класса Каркавинской школы
Косихинского района».*

Фронтовые будни

Провожали Ивана на фронт скромно, даже скорбно. Предвоенное «разгромим врага на чужой территории» улетучилось. За полтора года кровавой бойни деревня успела оплакать несколько десятков погибших, обнищать, оголодать, осознать ненасытную сущность военного молоха.

17-летнего Ивана взяли на фронт из 4-го класса. Это не потому что он не хотел учиться, или учился плохо — просто не в чем было ходить в школу. Однако данное обстоятельство не мешало ему работать в колхозе «Новый мир».

Проводы на войну были короткими. Мать достала из-под печки одну из пяти куриц, ошипала, сварила в дорогу. Колхозный председатель выписал на складе зерноотходов, их смололи на мельнице, настряпали призывнику лепёшек впрок. А сам он нарубил много-много, стаканов двадцать, табака-горлодёра. Мать и сёстры поплакали маленько, проводили его за околицу. Матушка перекрестила сына, молвив, что так, наверно, богу угодно, что его забирают 7 января, в день Рождества Христова. Он об этом счастливым совпадении всю войну вспоминал, когда было совсем невмоготу...

Потом были месяцы солдатской муштры в соседнем городе Бийске. Обывск в однообразной тыловой жизни — всё лучше, чем колхозная проголодь! А в начале августа 1943 года его уже везли на запад. Разбитые поезда, горелые вагоны, раненые солдаты нагоняли страху будущим солдатам. Потом и их поезд стали бомбить. Наконец, новобранцев привезли на станцию Графскую в Харьковской области, откуда пешим строем направили в степь. Но колонну выследила вражеская «Рама», навела на неё бомбардировщиков. А где в степи спрячешься-то? Немало погибло и покалечилось солдатиков там, но Ивану Каркавину пока везло.

Он считал, что везло ему и тогда, когда стал пулемётчиком 273-й дивизии. Ничего, что вес станкового оружия составлял 60 килограммов, а его собственный — немного меньше. Главное, таким оружием хорошо бить врага!

Но повоевать довелось совсем мало — с августа по октябрь 1943 года. Фашисты уже отступали, оставили Харьков. В составе полка Иван Каркавин без единого выстрела прошёл город, остановился в пригородном селе. Первый в его жизни боевой приказ — наступление. Несколько дней гнали врага, наседая на него, заставляя без большого сопротивления оставлять сёла.

Ожесточённые бои были у берега Днепра, здесь врага сломили, но он закрепился на другом берегу. Наши войска форсировали эту водную преграду в очень сложных условиях. Фашисты встретили огнём: самолёты утюжили реку, ухали миномёты, разрывались снаряды, вздымая волны, накрывая плоты, лодки, понтоны с людьми и вооружением.

Рота, в которой воевал Иван Каркавин, миновав Днепр, наступала дальше. Затем столкнулась с сопротивлением, окопалась. Солдаты вырыли неглубокие окопы — как гробики, чтобы укрыться от шальных пуль. И вскоре поняли, что попали в окружение, вырвавшись далеко вперёд своих войск. Командиры взводов, роты были молодые, увлеклись погоней и завели подчинённых в «мешок». Многие так и остались навсегда в окопчиках-гробиках. Из ада перекрёстного огня выбралось лишь человек восемь, укрывшись в овраге. Да и те раненые, контуженные. Ивана, после взрыва гранаты, сильно мутило, он почти ничего не слышал.

Выжившие решили рано утром пробиваться к своим. Но один из них нечаянно выстрелил, овраг, в котором укрывалась группа солдат, окружили фашисты. Спротивляться было бесполезно — кругом находились враги.

Плен — пуще смерти

Вот в эти дни, видимо, и ушла в дом Ивана похоронку — погиб 5 октября 1943 года у деревни Бородаевка Днепропетровской области. Через 10 дней ему должно было исполниться 18 лет...

Первые дни плена запомнились солдату плохо. Сказывались контузия, жажда, голод. Отчётливо помнит, что в каком-то селе военнопленные выпили всю воду в колодце, до жёлтой, скрипевшей на зубах жижицы. У той самой переправы, которую они совсем недавно геройски штурмовали, довелось пленным хоронить убитых — наших и вражеских солдат. Ещё запомнилось то, что днепровская вода была совсем непотребная — столько в ней плавало разлагавшихся трупов.

Потом — череда концлагерей в Николаевской области. По дороге в Вознесенский лагерь, Иван, предварительно замазав грязью отметки, нанесённые белой краской на спине гимнастёрки и на правом колене, предпринял попытку побега. На окраине деревни местные парнишки подвозили хворост, а девчонки и бабы готовили пленным еду: засыпали в котлы нечищеную картошку, порубленную лопатами, и нерушенное просо. Когда стемнело, Каркавин выполз из риги, в которой пленных разместили на ночлег, пробрался к котлам. Встал рядом с ними, подкладывая в огонь хворост. Разговорился с девчонками, те пообещали провести его в село. Дали в руки ведра — так и прошёл мимо охраны.

Оказался в селе Малая Сербовка, в семье Богдановых, куда его привела одна из местных смелых девушек — Анна. Полтора месяца жил здесь. Немножко отъелся, сменял гимнастёрку и брюки на пиджак и портки. Но дальше жить у Богдановых было нельзя, в селе ожидалась облава. Ивану посоветовали уйти на хутор, в котором жила русская семья, скрывавшая ещё одного красноармейца. Но там Каркавин пробыл

недолго: кто-то сообщил полиции, что на хуторе скрываются беглые военнопленные.

Арестовали, избили, вновь отправили в Вознесенский лагерь. Здесь он заболел брюшным тифом. Из-за наступления советских войск лагерь подлежал эвакуации. Больных расстреливали, Ивана, метавшегося в тифозном бреду, спасли друзья по несчастью: довели до железнодорожной станции, затолкнули с собой в «телячий» вагон. Молодой организм справился с болезнью, Каркавин выжил.

Потом были лагеря в Дрогобыче и других местах Западной Украины, Польши, Германии. Кормили в основном брюквой, картошкой, красной свёклой, давали кофе из пережжённого свёкольного жома. Гоняли на работы по устройству военных укреплений, железной дороги, погрузке-разгрузке различных грузов. В памяти остались непреходящее чувство голода, смрада от человеческих тел, желание покурить. Как правило, держались малыми группами, надеялись на побег, на то, что война скоро окончится, и их освободят.

И вот однажды утром в лагере для военнопленных, располагавшемся около Гамбурга, не оказалось ни одного охранника — они разбежались. Через несколько часов приехали американцы. Союзники бросали через колючую проволоку сигареты. На другой день прибыли советские солдаты: «Ребята, война кончилась. Вы свободны!»

Американцы организовали пост у ворот в лагерь, но военнопленным разрешали покидать его. В их меню появились хлеб, масло, печенье и даже спиртное. Хотя все понимали, что после голодухи нельзя переесть, и тем более, перепивать, некоторые это делали, мучились, умирали. Потом стали давать сытный американский паёк: колбаса и консервы в банках, шоколад. В лагере встретили и День победы.

Богатый род

Кажется, именно в эти дни он сообщил родным, что жив-здоров. Это письмо с крохотной бандеролькой в дом Каркавиным принесла Анна Сохарева, которая полтора года назад доставила сюда же похоронку на него. Она поныне помнит, как радовались доброй вести отец-мать и сёстры Ивана. Мать, словно предчувствуя, что её сын жив, не стала обращаться за пенсией, причитающейся семье по случаю гибели военнослужащего. Всё это время она категорически отказывалась также заносить имя сына в заупокойный список. А в бандерольке, присланной в сибирское село из далёкой

поверженной Германии оказались кусок хозяйственного мыла и несколько носовых платков. Семья Каркавиных на радостях чуть ли не насильно вручила один из них молоденькой почтальонке Ане.

Тем временем бывших военнопленных доставили в город Торгау, тот самый, в котором на мосту через Эльбу накануне встретились советские и американские войска. Там собрались тысячи военнопленных и гражданских лиц, оказавшихся в Германии. Часть из них пытались провезти на родину имущество: велосипеды, мотоциклы, швейные машины, отрезы на платья, посуду, другие вещи. Но им приказали сдать всё это на склад. Вскоре начали отправлять в СССР детей, девушек, женщин, стариков. А мужчинам предстояла фильтрация. Бывшими военнопленными занимались сотрудники особого отдела. Допрашивали пристрасно: «Как и почему попал в плен? Есть ли родственники за границей?» На несколько раз все сведения перепроверялись.

Многих направляли в СССР. Те радовались, что едут домой. Но, как потом оказалось, их везли в лагерь — уже советские. Ивану Каркавину, можно сказать, повезло. Он снова стал солдатом, был направлен в войска. Но военной формы почему-то не выдали, ходил в старой, лагерной одежде. Документов — никаких. Как из старого, полузабытого сна возвратились картины обучения ратному делу: «Длинным — коли, коротким — руби!»

Ещё работали на германских заводах. Вернее, разбирали их, загружали на железнодорожные платформы. Им говорили, что это — контрибуция, возмещение ущерба, нанесённого Советскому Союзу фашизмом.

К осени 1945 года солдат посадили в вагоны, повезли на восток. Объявили, что началась война с Японией. Но состав был остановлен на Урале. К тому времени Квантунскую армию уже разбили. Выгрузили эшелон в Свердловской области, городе Нижний Тагил. Статус прибывших долго был неопределённым: бывшие военнопленные, но не солдаты, однако и не заключённые. Жили в охраняемых бараках, однако без колючей проволоки, выходить в город не запрещалось, но времени на прогулки не оставалось. Бывшие военнопленные работали без выходных в литейном цехе металлургического завода. Даже получали заработную плату. Но военные особисты дёргали ещё несколько лет. Говорили, что ищут бывших власовцев и карателей.

Паспорт металлургам выдали только через три года. Иван Каркавин, ставший, наконец, полноправным гражданином, женился на местной девушке Раисе, выпускнице фабрично-заводского училища. В 1949 году привёз её на родину, в 1967 году они переехали из села Каркавино в соседнее — Сохарево.

Его семья теперь перевалила уже за два десятка: пятеро детей, девять внуков, восемь правнуков!

ПАМЯТЬ

НЕУБИТЫЙ СОЛДАТ

Многие люди весной 2007 года с болью следили за событиями в Таллинне, где эстонские власти снесли памятник воину-освободителю, провели полицейскую операцию по усмирению противников этой акции. Считалось, что в центре этого города на площади Тынисмяги похоронены два уроженца Алтая — Алексей Брянцев и Иван Ретунских. Но мне удалось выяснить, что, хотя на Ивана Ретунских пришла похоронка, он всё-таки выжил...

На таллинском мемориале, по сведениям поисковиков, было захоронено 12 воинов, погибших в боях и умерших от ран 21-28 сентября 1944 года при освобождении столицы Эстонии от фашистских оккупантов.

В их числе капитан Алексей Брянцев, уроженец села Сорки Поспелихинского района. Но в администрации сельсовета автору публикации сообщили, что правильное наименование посёлка не Сорки, а Борки. Однако новых сведений о Брянцеве обнаружить так и не удалось ни журналистам, ни поспелихинским поисковикам. Возможно, потому что Алексей Матвеевич уходил на фронт из Ставропольского края. И похоронку со скорбной вестью о том, что парторг 1222-го самоходно-артиллерийского полка убит в бою 22 сентября 1944 года, получала его вдова Мария Петровна Брянцева, проживавшая в городе Георгиевске Ставропольского края.

Итак, гвардии капитан Алексей Брянцев родился 29 декабря 1917

года в посёлке Борки Поспелихинского района Алтайского края (по другим данным — в городе Гуково Ростовской области) в семье рабочего. Участник Финской войны. В годы Великой Отечественной войны проходил службу в составе 1222-го самоходного артиллерийского полка в должности политрука (по иным сведениям он являлся командиром отдельного танкового батальона Ленинградского фронта). Награждён орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени (за прорыв блокады Ленинграда).

Погиб 22 сентября 1944 года юго-западнее населённого пункта Номми в боях за освобождение Таллинна. Был похоронен в числе 12 советских солдат на площади Тынисмяги в центре города.

Демонтаж памятника произошёл в ночь на 27 апреля 2007 года, останки солдат были направлены на экспертизу.

Вдова воина – Мария Петровна Брянцева была похоронена в городе Гуково Ростовской области. Туда же, после того, как власти Эстонии распорядились перенести памятник Воину-освободителю и братскую могилу из центра Таллинна на военное кладбище, решили перевезти прах Алексея Брянцева его родственники, проживающие в этом городе.

Сын погибшего воина Виктор прошёл генетическую экспертизу, с помощью которой было установлено его родство с павшим героем. 14 июня 2007 года в таллинском похоронном бюро состоялась церемония подписания передачи сыну останков капитана Брянцева. Все расходы на поездку жителя Ростовской области в столицу Эстонии взял на себя консульский отдел посольства России в Таллинне. От предложенной эстонской стороной финансовой помощи Виктор Брянцев отказался.

16 июня 2007 года в городе Гуково Ростовской области торжественно перезахоронили останки гвардии капитана Алексея Брянцева. В церемонии приняли участие представители администрации Ростовской области и законодательного собрания, Северо-Кавказского военного округа, общественных и ветеранских организаций, учащиеся, а также родственники капитана Брянцева.

По данным Министерства иностранных дел Эстонии, 3-го июля на военном кладбище в Таллинне состоялось перезахоронение советских воинов, чьи останки были найдены во время раскопок братской могилы

на холме Тынисмяги и не востребованы родственниками.

Поисковики считали, что, возможно, на мемориале, к которому приковано внимание антифашистов, похоронен и Иван Ретунский (правильно фамилия звучит не Ретунский, а Ретунских).

Он родился, как мне удалось выяснить, в 1920 году в селе Коробейниково Усть-Пристанского района. Иван Андреевич был сержантом, командиром отделения 657-го стрелкового полка 125-й стрелковой дивизии. Известно также, что он призывался на фронт в 1942 году в Хабаровском крае.

Я встречался с двумя родными младшими братьями Ивана Ретунских — Михаилом и Георгием, проживающими в селе Коробейниково. Они пояснили, что Иван был призван в армию перед войной, службу проходил на Дальнем Востоке. Вот почему в документах указано, что их брат направлялся на фронт из Хабаровского края. Вероятно, по вине писаря в документы закралась досадная ошибка: похоронка была направлена не жене, как сообщалось (он не успел жениться до войны), а матери — Агафье Васильевне Ретунских, проживавшей в селе Коробейниково, по месту рождения сына.

Братья хорошо помнят момент, когда в их дом пришла скорбь по погибшему воину. К тому времени на войне было ещё двое их старших братьев — ещё один Иван (одинаковые имена, как говорят, дал мальчишкам сельский священник), 1923 года рождения, и Василий, 1926 года рождения. Однако месяца через четыре после скорбной вести, в конце 1944 или начале 1945 года, в их дом пришло письмо... от Ивана-старшего!

Мать пуще заплакала, не зная, верить или нет счастливому спасению сына. Георгий помнит, как эта неграмотная женщина рассматривала его письма, желая убедиться, что он действительно жив. Почерк был очень похожим.

Иван в письмах был немногословен: «Стоим на отдыхе, готовимся к бою», — и тут также оказался кратким: «Ранен. Нахожусь в госпитале. Скоро мы с вами увидимся». И больше ничего.

Окончательно убедило семью лишь ещё одно письмо — с фотографией.

Вот так и воскрес из мёртвых Иван Ретунских!

Потом были долгие четыре года скитаний раненого солдата по госпиталям. Приехал домой в 1948 году, больной, почти безнадежный.

По воспоминаниям братьев, один осколок пробил бок и лёгкое, а второй застрял в груди. Слева отсутствовали два ребра, справа также были повреждены рёбра и внутренние органы.

Страшные страдания приносило сквозное ранение в спине, под лопаткой, с незаживающим свищём.

Братьям на всю жизнь запомнилась картина: при курении дым валил из рваной, вечно окровавленной раны в спине Ивана. Приходилось ежедневно накладывать бинты, которые плохо держались, сползали, наполняясь сукровицей, принося новые мучения при перевязках. Персонал госпиталей и больниц лишь разводил руками.

И только в 1956 или 1957 году появилась надежда. Оперировать раненого солдата взялся известнейший барнаульский врач Александр Чеглецов. Он извлёк из тела Ивана Ретунских осколок, избавив его от мучений. Вскоре зарубцевался и свищ на спине.

Наконец, у бывшего воина стала налаживаться нормальная жизнь. И хотя он оставался инвалидом первой группы, рвался работать. Но его брали лишь на «лёгкий» труд: учётчиком, заправщиком. Вскоре Иван женился. В 1958 году, на 38-м году жизни, появилась дочка Ольга. Как участник войны получил новую квартиру.

Но фронтовые раны по-прежнему давали о себе знать. В январе 1971 года Ивана Ретунских не стало.

Солдат, «похороненный» по документам в центре Таллинна ещё в сентябре 1944-го, обманул смерть больше чем на четверть века. Он нашёл упокоение в буранный зимний день на погосте родного села Коробейниково.

Его вдова и дочь вскоре уехали на Львовщину, утратив связь с алтайскими родственниками. На сельском мемориале, где значатся имена погибших односельчан, нет инициалов Ивана Ретунских, умершего дома от тяжелых фронтовых ран. Однако он внесён в краевую Книгу памяти (том 6-й, стр. 721), изданную в 1994 году, как похороненный 22 сентября 1944 года в Таллинне.

И всё же мы должны помнить имя солдата, пролившего кровь на улицах эстонской столицы и чудом выжившего в аду войны. Вовсе не для того, чтобы забыть о тех, кто избавил мир от фашизма!

Мертвые сраму не имут. Но живым, потревожившим память солдат-освободителей, должно быть стыдно!

ВСТРЕЧИ У ОБЕЛИСКОВ

Память о великой войне, отгремевшей шесть десятилетий назад, увековечена в крае в 1142 памятниках. Обелиски — разные: грандиозные и очень скромные. И дело, наверное, даже не в этом. Важно, чтобы, как говорил поэт, «сюда не зарастала народная тропа».

На мемориале Славы в Барнауле.

В 1965 году руководство края приняло решение об открытии памятников воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, на всех центральных усадьбах совхозов и колхозов Алтайского края. Решение было выполнено. Но с той поры многие памятники обветшали, потребовали ремонта. Особенно трудно было в 1990 годы.

Работа возобновлялась, как водится, к очередным юбилеям. Например, в Алейске в канун 60-летия Победы провели на этих объектах масштабные ремонтно-реставрационные работы, изыскав более полумиллиона рублей. Также

Мемориал в Алейске.

поступили в Заринске, Славгороде, Тальменском, Егорьевском, Троицком и ряде других городов и районов. Особо следует отметить общественность Волчихинского района, которая, следуя традициям поминовения российского воинства, собрала на эти благородные цели около 130 тысяч рублей. Но нельзя не сказать, что около 60 памятников и памятниками-то назвать трудно. Многие из них в канун 60-летия Победы находились в аварийном состоянии, два — утрачено. К следующему юбилею — 65-летию Победы, как заявляли краевые власти, реконструкция мемориалов была хорошо организована.

Обелиск в селе Дружба Алейского района.

В рамках целевой программы «Ремонт и благоустройство памятников Великой Отечественной войны», за счёт средств краевого бюджета отремонтировано свыше 70 памятников и мемориалов Великой Отечественной войны.

За последние годы свыше десятка раз вандалы похищали детали памятников, изготовленных из цветных металлов. Это отмечено в Барнауле, Мамонтовском, Ребрихинском, Красногорском районах.

ЛЮБЕЗНЫЕ БРАТЯ И СЁСТРЫ

Мой знакомый Слава пока не стал взрослым, никак не мог уразуметь, в каком же родстве находятся его отец и мать с дядей и тётёй, а также их дети. Оказалось, что в годы войны жена отца вышла замуж за брата мужа, а отец Славы женился на родной сестре первой супруги...

Всё это натворила проклятая война. Отца Славы на фронт провожали супруга и маленькая дочка. Вскоре в дом свёкра и свекрови, где они жили, пришла скорбная весть: их сын, муж и отец погиб смертью храбрых на полях сражений. Но он был жив, попал в окружение, потом в плен. Дважды бежал из фашистских лагерей, наконец, пересёк линию фронта, пришёл к своим. Однако бывшего военнопленного встретили настороженно. Вместо фронта, куда он рвался, солдат опять оказался в лагере, только советском. Причём, без права переписки. Вот почему о том, что он жив, семья узнала только после войны.

Тем временем в дом, где оплакивали гибель солдата, вернулся из заключения его старший брат, арестованный ещё до войны. Строгий свёкор посоветовал овдовевшей снохе: чего, мол, мыкать горе, сходишь с братом мужа, и живи — у внучки отец будет.

Как ни противилась молодуха, а стала женой старшего брата бывшего мужа.

И вот домой — к супруге, дочке и родителям возвратился «погибший солдат» — после тягот фронта, фашистского плена и советских лагерей. Но вместо радости встречи — горькая правда: жена живёт с его старшим братом, от которого уже родила сына. Скандальничать не стал, уехал в город, в котором у него не было никого, кроме бывшей тётки. А у той росла ещё

Генеалогическое древо родни Славы.

Василий — отец Славы; Клавдия — первая жена отца; Елена — вторая жена Василия, мать Славы, младшая сестра Клавдии; Нина — дочь Василия и Клавдии; Пётр — сын Клавдии и Николая; Люба и Люда — дочери Клавдии от третьего брака (с бывшим солдатом Виктором); Леонид — приёмный сын Николая и Ольги; Слава, Константин и Владимир — сыновья Василия от второго брака с Еленой.

одна дочь, младшая сестра покинувшей его жены, которая за годы войны стала взрослой, красивой девушкой.

Скоро бывшая тёща восстановила свой прежний статус: выдала младшую дочь замуж за бывшего мужа её старшей дочери.

А его первая жена, после неожиданного возвращения мужа не смогла жить в семье свёкра. Она разошлась со вторым мужем, забрала дочь от первого брака — сына ей не отдали — и уехала, куда глаза глядят, в дальнюю деревню. Там вышла замуж за солдата, прибывшего на уборку урожая, родила ему двух дочерей. Её второй муж женился на женщине с ребёнком, и у них ещё родилась общая девочка. А первый муж в новом браке с её младшей сестрой стал отцом троих сыновей, в том числе и моего знакомого по имени Слава, который и рассказал мне эту удивительную историю.

Годы стёрли болезненные, острые грани запутанного родства. Многие участники описываемых событий знали, что отец Славы и его первая жена всю жизнь продолжали любить друг друга. Однако изменить уже ничего не могли...

Дети, к счастью, сумели преодолеть недоверие, недопонимание и недосказанность. Сошлись на том, что не их дело — судить родителей. Так получилось, и всё! Виновата во всём война!

Одним словом, сейчас Слава и его родные братья поддерживают тёплые отношения с многочисленной роднёй.

Самая старшая сестра Славы (от отца и тёти): по отцу — родная, а по матери — двоюродная. Брат, который родился у первой жены отца и дяди по отцу: по матери и по отцу — двоюродный. Дочь дяди от второго брака также является двоюродной сестрой по линии отца. Дочери тёти (первой жены отца) от третьего брака — также приходится Славе двоюродными сёстрами. А все вместе они — любезные братья и сёстры!

КТО ОН — ГРИГОРИЙ ИЛИ АНТОН?

Знакомый как-то поведал мне свою необычную судьбу. Я пересказываю её вам, лишь изменив его фамилию. Впрочем, их у его целых две, а дней рождения, как ни странно — четыре...

Свидетельство о рождении

Он и поныне не знает, когда родился. В разные годы отмечал день рождения в соответствии с документами, которыми располагал. Сначала это было 23 августа 1943 года. Но эта дата всё же неточна. Скорее всего, это — день рождения Антона Турбина — человека, фамилию которого он носит всю жизнь, хотя рождён был под другой фамилией.

Потом, когда отслужил в армии, получил на руки паспорт, в котором чёрным по белому было написано, что днём его рождения является 9-го сентября 1943 года. На самом же деле, его призвали на военную службу 9-го сентября, но 1962-го года. Просто, когда юноши начинают служить, у них изымают гражданские документы, а после увольнения — возвращают. Возможно, в военкомате утеряли его документы, в итоге датой рождения Антона ошибочно стало 9-е сентября.

Несколько лет он продолжал отмечать день рождения 23 августа, но потом празднество сместилось на 9 сентября. И эта дата сопровождала Антона Турбина ещё много лет, однако не стала окончательной.

Тем временем он потерял свидетельство о рождении. Это произошло, скорее всего, ещё в детском доме. Или в институте — возможно, документ затерялся где-то в учебной части. Из-за отсутствия свидетельства о рождении перед выходом на пенсию Антону Петрович понадобилось подтверж-

дение дня его рождения. И он сделал несколько запросов в места, где жил прежде. И из Казахстана прислали документ, что он родился 1 сентября. Пришлось вновь менять все документы. В итоге, на пенсию он оформился, как человек, рождённый 1-го сентября 1943 года.

Но у него на руках имеется ещё один документ. Если ему верить, то Антон Турбин родился 23 сентября всё того же, 1943 года. И он больше всего склонен верить именно этой дате, хотя отсчёт его жизни можно вести от любой из четырёх дат.

Первые воспоминания

Антон Петрович на всю жизнь сохранил впечатление из раннего-раннего детства – он ходит по какой-то больнице. Сейчас Турбин представляет, что это был военный, вернее, послевоенный госпиталь. Действие происходило в 1946 или 1947 году, когда ему было около четырёх лет. Помнит лишь, что на кроватях лежали раненые и выздоравливающие.

Почему мальчик там оказался — ответ на этот вопрос нашёл лишь через годы...

Детская память также смутно сохранила не столько сюжеты, сколько госпитальные запахи: лекарств и табака. Больше он ничего не помнит: например, привязки к местности или к каким-либо событиям. Хотя теперь-то он понимает, что это, скорее всего, происходило в Талды-Курганской области Казахстана. Но поиском сведений о госпитале этом регионе он не занимался. Поэтому может только предполагать.

Из далёкого детства осталось в памяти какое-то странное виденье. Турбины жили в полуземлянке, и, уходя на работу, оставляли мальчишку-дошкольника в жилище одного. Однажды он случайно кинул взгляд в небольшое оконце, и обомлел. В нём отчётливо виднелось чьё-то лицо. В первое мгновение мальчик испугался. Лишь через годы он узнал, что это была его родная мать.

Сын двух матерей

Детство Антона прошло в семье Турбиных — Петра Лукича и Пелагеи Григорьевны. Он, естественно, звал их отцом и матерью. И только будучи подростком, узнал, что они были неродными родителями.

Хотя, ещё в младших классах школы, ему приходилось слышать от соседских пацанов, что у него две матери. Одна — Пелагея Григорьевна, у которой он рос, а другая мать – «поломатая». Иными словами, инвалид. Так

он запомнил. Но этим мальчишеским словам не особенно верил. Думал, что пацаны просто пытаются его разыграть, ввести в заблуждение. Ведь у любого из них, как и у него была лишь одна-единственная мать.

Истину о своей судьбе и судьбе родителей он узнал позже.

В ту пору Антон по-прежнему жил в семье Трубиных в Томской области. Это место — населённый пункт Подольского леспромхоза Бакчарского района, находилось в Васюганских болотах, в 289 километрах от Томска. После окончания семи классов местной школы, надо было продолжать обучение, а на десятки вёрст вокруг были лишь семилетки. И Турбины отправили Антона учиться в город Панфилово Талды-Курганской области, к Ефросинье Павловне Зуевой, которая доводилась им, а выходит, и ему, какой-то родственницей или хорошей знакомой.

13-летний мальчишка самостоятельно добрался через Новосибирск и Алма-Ату в провинциальный казахстанский городок. И, как ему было велено, направился в инвалидный дом. Во дворе этого учреждения сидели какие-то женщины. Одна из них громко ахнула: «Так это же Гришка — сын Фроськи Зуевой!» Он ещё удивился — с какой это стати он стал сыном какой-то неизвестной ему тётки?! Да ещё и Гришкой?!

Так в возрасте тринадцати лет подросток узнал, что у него есть другая — родная мать.

Тайна усыновления

Во время войны на юге Казахстана выращивали рис. С марта до глубокой осени надо было трудиться по колени в воде. И Фрося Зуева надорвалась на этой колхозной работе, заработав сильнейший ревматизм. Её руки-ноги попросту скрутило. А какое лечение могло быть в войну? Никакого. Лишь после её окончания несколько раз её ненадолго направляли на лечение в военный госпиталь. Но и это не помогало. Фросе Зуевой определи-

ли группу инвалидности, ей самой становилось очевидным, что содержать ребёнка она не может. И мать решила временно отдать маленького сына в семью хороших знакомых, соседей Турбиных. А них недавно случилось несчастье — умер маленький мальчик, ровесник её сына.

Прошёл месяц, два, год, другой: документы на умершего Антона Турбина оставались на руках родителей. И им удалось оформить на них Григория — сына Ефросиньи Зуевой и Василия Количенко. А мальчик стал Анатолием Петровичем Турбиным, кем и является поныне.

Вообще-то он должен был жить под именем Григория Васильевича Количенко. Брак его кровных родителей не был оформлен, поэтому мать оставалась Ефросиньей Павловной Зуевой. А отец был репрессированным, прежде жил на Украине, позднее сгинул, как сгинули тысячи ни в чем неповинных людей. Он никогда так и не узнал, что у него в селе Карабулак, в 12 километрах южнее Талды-Кургана появился на свет сын Григорий. А сын никогда не увидел отца, и так и не узнал, где тот нашёл свою кончину...

В семье Турбиных

Пётр Турбин, вырастивший Антона, был хорошим плотником. Мог построить дом... из ничего. Например, из глины. Антон с малолетства помогал ему. Научился делать саман. Выкапывал большую яму, наливал воды, добавлял в неё глину и солому, смешивал их голыми ногами. Массу накладывал в так называемые станки, поливал водой, переворачивал огромные саманные кирпичи.

Для ребёнка это была надрывная работа. Но он понимал, что отцу нужна помощь, и никогда не отказывался от ответственных поручений.

А строить жильё пришлось не только людям, но и себе. Ведь Турбины решили уехать на целину. Сначала перебрались в строящийся населённый пункт около Акмолинска. Оттуда — в Арык-Булакский совхоз Кокчетавской области. Но и там кроме самодельной землянки ничего не было. С трудом переживав в студёной степи, семья Турбиных вновь переехала (может быть, наречённые родители хотели оторвать мальчика от родной матери?) в один из степных районов Алтайского края. Но и там прожили недолго. Ещё около года местом жительства был посёлок леспромхоза в Турочакском районе Горно-Алтайской автономной области Алтайского края. И уже оттуда перебрались в Бакчарский район Томской области.

После того, как открылась тайна его рождения, Антон поддерживал отношения, как с кровной матерью, так и с семьёй, которая его воспитала.

Отношения были ровными. Неприязни у юноши ни к кому не было. Общался, почитал всех, как родных. Во взрослой жизни ездил к ним, и они ездили к нему.

Наречённым отцу и матери, когда они переехали на Ставрополье, снова помогал строить дом — привычно месил глину, клал рядками саманные кирпичи, вязал стропила.

Звал «папой» и «мамой» Петра и Пелагею Турбиных. А вот родную мать стал звать «мамой» не сразу — всё же подростку нелегко психологически было привыкнуть к тому, что у него две родительницы.

Приучился старших звать на «вы». Эта привычка осталась, когда стал работать школьным учителем.

Родная мать прожила 65 лет. Антон Турбин, который к тому времени обжился на Алтае, без промедления помчался на похороны в Казахстан. И Турбиных провожал в последний путь: отец умер в 1976-м, мать — в 2001 году.

Судьбе наперекор

В детском доме, куда Антона вынуждена была пристроить немощная мать, он был худеньким и совсем маленького роста — едва выше полутора метров. Всё боялся, что не возьмут в армию.

Воспитанник детдома, он познал всю трагедию военного поколения. Среди детдомовцев было немало ребят, опалённых бедой: у одних погибли родители, другие лишились семьи ещё до войны, во время массовых репрессий. Дети являли собой «полный интернационал»: финны, эстонцы, немцы, корейцы, узбеки, китайцы, дунгане...

Разносолов, понятное дело, в детдоме послевоенной страны быть не могло. Как-то удалось покушать пряник, окуная его в сметану — этот вкус Антон запомнил на всю жизнь.

Летом 1961 года он, после окончания детдомовской школы, приехал в Барнаул поступать в педагогический институт. Выбор на центр Алтая пал, потому что у матери здесь жила сестра. Она впервые в жизни увидела племянника, одетого в бриджи, вельветку и тибетейку и обутого в жёлтые китайские тёплые ботинки.

Начало студенческой жизни для Антона было трудным. Материально необеспеченные родная мать, приёмные родители и тётка сами с трудом сводили концы с концами. Выручали подработки на базах и складах, но они жутко выматывали физически. В итоге, когда студента историко-

литературного факультета Барнаульского пединститута Антона Турбина призвали в армию, он даже обрадовался. Возмужавший и утвердившийся в жизни детдомовец, он достойно окончил институт, и поныне занят любимой работой.

А испытания, выпавшие на его долю, считает пустяковыми. Однако иногда всё же удивляется: чью же жизнь, он-таки прожил?! Ту, которая предназначалась Григорию Колинченко?! Или всё же ему досталась чужая судьба, отведённая Антону Турбину?

ПО КОМ ЗВОНИЛ КОЛОКОЛ

Предприниматель Александр Кудашов на собственные средства возвёл в Барнауле мемориал погибшим японским военнопленным. Но памятник объявили «самовольной постройкой». Тем не менее на него претендуют иные хозяева...

Старожилы Барнаула помнят, что после войны на городских новостройках трудились японские военнопленные. Судьба забросила жителей Страны Восходящего Солнца в Сибирь, где многие из них нашли последний приют. Суровый климат, непривычная пища, рабский труд — всё это явилось причиной массовой гибели японских военнопленных. Напоминанием о маленьких неутомимых строителях сейчас остались лишь здания на «красной линии» и Западном посёлке краевого центра, да места упокоения 2563 пленных японцев в Барнауле, Заринске, Рубцовске, Бийске, Новоалтайске, Троицком и некоторых других районах края. Число погибших пленных в Барнауле — 347 человек.

На границе барнаульского парка Юбилейный (в народе его поныне почему-то зовут Пороховым), на территории больницы треста «Стройгаз»

нашли последний приют 256 из них. Но над кладбищем надругались. Ещё в 70-х годах прошлого века «на костях» выросли гаражный кооператив и хозяйственные постройки больницы. А у самых его границ возведены здания санаториев моторного и шинного заводов, 4-й градской больницы.

Как ни прискорбно, но ведь даже погосты собственных предков у нас нередко предаются забвению. Достаточно вспомнить территорию бывшей ВДНХ, где упокоены многие люди, являющиеся славой Алтая, в том числе и учёный Николай Ядринцев, памятник которому неоднократно подвергался вандализму. Площадь Свободы с утерянными останками изобретателя паровой машины Ивана Ползунова. Булыгинское кладбище, периодически подвергаемое нашествию вандалов. Немалое число парков отдыха, иных увеселительных мест в городах и в селах — не что иное, как старые кладбища.

В Японии же с её конституционным режимом поныне существует культ предков, который давно исчез в Европе и Америке. Почитание умерших берёт начало с древних времен, оно пережило сотни поколений и введение стандартов западной цивилизации, принесшей с собой много социальных и политических перемен.

Культ предков был первой религией Японии и берёт своё начало более 2500 лет назад.

У японцев есть три рода почитания предков: почитание всем народом родоначальника императорского дома, почитание святого покровителя данного места, что, как позже выяснилось, представляет собой отголосок родоначальников какого-либо рода его потомками, и, наконец, почитание предков членами их семейств. А в каждом японском доме имеются две святыни: камидана, или «святое божественное место» и буцудан или «алтарь Будды».

В Японии существует особый период — эквивалент Дня всех душ, или Дня поминовения усопших. Это «Обон» — «Праздник фонарей». Его отмечают с 13 по 16 июля. Жители Страны Восходящего Солнца верят, что души умерших приходят в это время домой. Поэтому им оставляют пищу и другие дары. Выполняются некоторые ритуалы, как если бы дух усопшего реально присутствовал в доме. У ворот зажигают специальные огни, указывающие духам дорогу.

В начале 90-х годов прошлого века, японцы наконец получили возможность посещать места захоронения родственников в России. На Алтае также появились их делегации. В составе их несколько раз приезжал предприниматель Сайта Ракура, президент всеяпонского общества военнопленных.

В один и его приездов в Барнаул в 1992 году, с ним познакомились барнаульский предприниматель Александр Кудашов, бывший заместитель начальника одного из райотделов милиции, художник Виталий Полукаров, который со скульптором Николаем Звонковым уже вынашивал идею создания мемориала скончавшимся в Барнауле японцам. Речь шла также о коммерческом партнерстве и создании совместного предприятия.

Александр Кудашов — человек, близко воспринимающий чужую боль, обещает Сайта Ракуре построить мемориал памяти японским военнопленным.

И самое удивительное — выполнил обещание. 31 мая 1993 года памятник был торжественно открыт. Правда, для этого пришлось вывезти с территории будущего мемориала свыше восьмисот кубометров мусора. Сметная стоимость на момент окончания строительства составила 87 миллионов собственных и заёмных неденоминированных ещё рублей. Присутствовавшая на открытии очередная японская делегация не скрывала восторгов.

Творческая группа, воплотила в мемориале чувства, близкие как японцам, так и русским. Автором проекта стал художник шинного завода Виталий Полукаров, скульптором — Николай Звонков, накануне воплотивший в металле на барнаульской улице облик талантливого земляка Василия Шукшина. Александр Кудашов занимался строительством.

Памятник сгинувшим военнопленным — три стелы, схваченные кольцом, символизирующие людей, рвущихся из неволи, Будда у подножия мемориала, охраняющий покой умерших, и набатные колокола, скорбно напоминающие живым о прошлом. Бронзовые элементы Звонков и Полукаров отливали в литейке завода «Трансмаш».

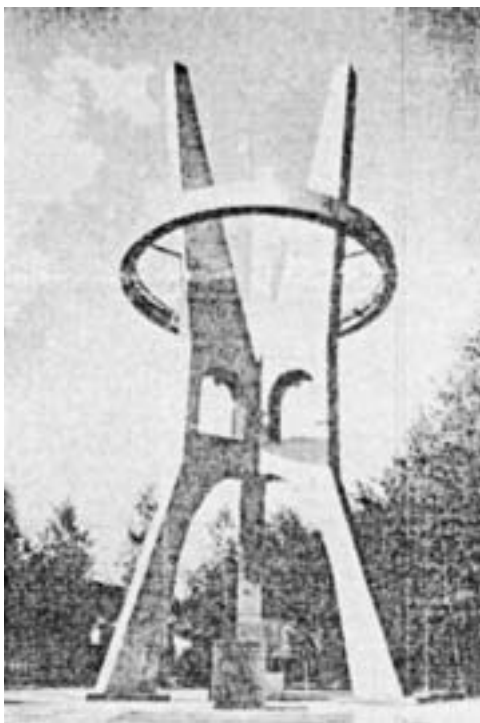
Увы, вскоре после открытия мемориала умер председатель всеяпонского общества военнопленных Сайта Ракура, а у памятника всё чаще обнаруживались те, кто не прочь пожить цветным металлом. Александр Кудашов вынужден был нанять охрану уникального объекта, за год обошедшуюся ему в 12 миллионов неденоминированных рублей.

Но если бы только любители цветного металла! В одной японской газете появляется заметка, в которой говорилось, что мемориал возведен ... Алтайским обществом российско-японской дружбы. Кудашов недоумевает, возмущается: по его сведениям, иной деятельности, кроме заграничных турне чиновников в Страну Восходящего Солнца, Алтайское отделение данного общества не осуществляло. Впрочем, некоторое время спустя, влиятельное японское издание «Иомиури» реабилитировало имя российского бизнесме-

на, вложившего средства в строительство памятника японским военнопленным в Западной Сибири.

Не прочь оказались примазаться к славе устроителей мемориала ещё две барнаульские фирмы, занимавшиеся продажей подержанных японских автомобилей на Алтае. На Кудашова, всё ещё не терявшего надежд на совместный с японцами бизнес, «наезжали» и представители криминальных структур.

Но больше всего его поразило факт, когда заместитель главы администрации Барнаула, принимавший очередную японскую делегацию в июне 1998 года, у

подножия памятника военнопленным заявил, что мемориал возведён... на средства городского бюджета. Единомышленники, случайно оказавшиеся в тот день у своего детища, возмутились. Бесстрастная видеокамера зафиксировала, как Кудашову, Полукарову и Звонкову было заявлено: «Кто вас сюда приглашал?», как звучали угрозы препроводить их в милицию.

Тем временем мемориал, за обладанием которым претендует столько мнимых хозяев, подвергается актам вандализма. В пунктах приёма цветного лома оказались два из трёх колоколов, мемориальная доска. Вырублена аллея голубых елей, специально привезённых сюда из Горного Алтая. Чудом уцелевшие бронзовые колокол и пятисоткилограммовую фигурку Будды, Николай Звонков вынужден хранить в художественной мастерской шинного завода.

Александр Кудашов, юрист по образованию, в поисках истины, вынужден обращаться в правоохранительные органы. Ему отвечают, что для строительства объекта необходимо было осуществить землеотвод, утвер-

дить проект у архитекторов. Инициатор строительства мемориала этого не сделал, поверив на слово городским чиновникам, горячо поддержавшим в своё время его готовность увековечить память умерших в плену японцев.

Теперь уже бывший прокурор края Юрий Параскун, на жалобу Александра Кудашова, переадресованную ему из Госдумы, ответил, что мемориал, возведённый гражданами Звонковым, Полукаровым и Кудашовым есть не что иное, как «самовольная постройка, подлежащая сносу». Руководитель надзорного органа посчитал, что «право собственности может быть признано за лицом, в собственности которого находится земельный участок, где осуществлена постройка». Иными словами, хозяином мемориала может быть только муниципалитет — городская администрация. Но и она, осознающая деликатность данной ситуации и отсутствие моральных прав на обладание объектом, стыдится забрать то, что сделано чужими руками.

О том, как «кинули» людей, бескорыстно сделавших то, что надлежало бы сделать властям, конечно же, знают руководители края и города. Но Александра Кудашова принимать не хотят. Он давно уже «прогорел» и с собственным бизнесом. В последние годы отставной милиционер занимается писательством. На его рабочем столе — несколько увлекательных детективов. Заниматься судебными тяжбами ему недосуг. А издать написанные книги, увы, не на что. Впрочем, в ответе Юрия Параскуна имелся намёк на источник финансирования очередной кудашовской затеи с изданием книг — расходы на возведение мемориала по закону ему должна возместить администрация. Но когда об этом прозвонит чудом сохранившийся колокол?

ПАРАДНОЕ КРЫЛЬЦО ПОБЕДЫ

К сожалению, участники войны донесли до потомков лишь малую толику того, что знали.

В семье Алексея Дробышева сохранились лишь две фронтовые фотографии. На обеих его отец — рядовой пехотинец Пётр Дробышев, дошагавший до Берлина и сфотографировавшийся там. На групповом снимке он хорошо различим — в светлой гимнастёрке, без головного убора, сидящий на колене какого-то памятника.

Образно говоря, солдат — у парадного крыльца победы!

Его уже давно нет с нами. Ушёл на 49-м году жизни, когда сыну было всего лишь семнадцать, а дочери Валентине — пятнадцать. Теперь Дорофеев-младший является заведующим кафедрой общего земледелия и защиты растений, профессором Алтайского аграрного университета.

Сын жалеет, что не успел о многом расспросить фронтовика. Сохранил лишь две пожелтевшие от времени фотографии, да запомнил несколько эпизодов его военной биографии.

Пётр Дробышев родился в селе Ново-Тырышкино Смоленского района в 1918 году. Его призвали в армию ещё до начала Второй мировой войны. Службу проходил на Дальнем Востоке. В первые месяцы войны его часть была переброшена на запад, туда, где столкнулись в смертельной схватке две самые сильные армии мира.

Он рассказывал сыну о событиях начала 1942 года. Дело было под Старой Руссой на Новгородщине. Алексей Петрович потом уже из военной литературы узнал, что войска Северо-Западного фронта пытались там окружить 90 тысяч фашистов в так называемом Демянском котле. Но врагу удалось создать коридор, и избежать окружения. Этой стратегии рядовой Пётр Дробышев, конечно же, не знал. Но вспоминал, что бои были очень тяжёлыми. Немцам удалось занять более выгодные позиции. А советские войска чаще всего располагались в болотистой местности, на простреливаемых участках.

Пуля настигла и Петра Ивановича, раздробив чуть выше колена кость правой ноги. Медсанбат располагался глубже по фронту на два километра, но раненому не могли помочь добраться туда. Командир сказал: «Ползи. Доползёшь – будешь жить, не доползёшь — извини...»

Можно только представить, как трудно дались бойцу эти два километра. Замотал ногу, чем мог. Полз по болоту в снежной каше среди неприбранных, источавших сладковатый запах трупов. Теряя сознание, всё же добрался до медсанбата.

Ему предложили ампутировать ногу. Он отказался. Заявил категорически: «Застрелюсь, если отрежете». Другой на его месте, может быть, был

бы рад случаю. Это означало бы — конец войне. Люди вон и без ног живут. А Дробышев упёрся — ни в какую!

Врачи обработали рану, закрепили сломанные кости. Гангрену удалось остановить, но борьба за сохранение ноги была болезненной и долгой. До-лечиваться отправили домой, в Сибирь. Это было в диковинку, чтобы солдат во время войны приезжал в родной дом.

Пётр Иванович подлечившись, снова ушёл на фронт. Попал, к сожалению, уже в другую воинскую часть, но в ту же самую пехоту. Прошёл через Польшу. И воевал до самого конца войны — до Берлина.

Про снимок рассказывал сыну, что это было во вражеской столице в мае 1945 года. Что это за здание, на фоне которого сфотографированы победители, — сын не запомнил. А может быть, и отец не знал. Говорил только, что снимок сделал и подарил солдатам незнакомый им военный корреспондент.

От отца сохранились кое-какие документы, которые находятся в семьях его родственников. Одна из них, Мария Андреевна Санькова, в годы войны работала трактористкой, а её муж Иван Никифорович сумел бежать из фашистского плена, в котором пробыл всего два часа.

Фронтovou путь Петра Дробышева отмечен боевыми наградами, в том

числе орденом Отечественной войны, а ударная работа механизатора совхоза «Белокурихинский» — орденом «Знак Почёта».

Отец прихрамывал всю жизнь, страдал от болей в ноге. Но гордился, что не позволил врачам ампутировать её.

А мне вспомнилась встреча в Москве в середине 70-х годов прошлого века с писателем Иваном Стаднюком, автором серии книг о Максиме Перепелице и эпопеи «Война». На вопрос, почему после Ивана Перепелицы он много лет не обращался к фронтовой теме, писатель ответил откровенно, что так решил Сталин. «Вождь народов» посчитал, что напоминания о лихолетье мешают народу жить, строить социализм. Иван Стаднюк занялся историей, стал доктором военных наук. А многие его коллеги, молодые талантливые писатели, так и не смогли реализовать себя, потому что их основным жизненным опытом был лишь фронт.

О войне вспомнили вновь лишь в середине 60-х, к 20-летию её завершения. Боевые действия долго представляли как победное, несокрушимое шествие советских войск. Потом, в конце века, увлеклись показом так называемой изнанки войны. Хотя истина, как известно, лежит посередине. Первые «звонки» о том, что в стране, сломавшей хребет фашизму, что-то неладно с военно-патриотической работой, прозвучали ещё в пик так называемого застоя — в 1970-х годах. Некоторым молодым людям приелись шаблонные школьно-комсомольские мероприятия, «посвящённые войне». И они заинтересовались персоной фашистского фюрера Адольфа Гитлера. Известно, что злодеи, даже ушедшие в мир иной, притягивают неокрепшие души. Немногочисленные акции, приуроченные ко дню рождения фюрера, проводились даже в провинциальном Барнауле.

Неудивительно, что сейчас появились скинхеды, исповедующие лозунг «Россия — для русских». Но и в Российской империи, и в СССР, и в современной России всегда рядом с русскими жили и трудились люди других национальностей. Правда, лозунг «дружбы народов» подвергся суровым испытаниям в 1991-м, когда нерушимое единство советских республик было опрокинуто.

Национальные элиты добились своего, но всё же, по большому счёту, народы новых суверенных государств поныне сохраняют духовную близость.

Патриотическое воспитание, на мой взгляд, и сейчас в основном ведётся по старым лекалам. Только встречи с ветеранами по естественным причинам проводятся реже, а чествование фронтовиков скукожилось до не-

скольких майских дней. По-прежнему требуют большего внимания к себе вдовы ветеранов, тыловики и дети войны — люди, которые также сполна познали лихолетье. Слабо просматриваются параллели с нынешней российской армией. Замерла поисковая работа. Телевидение самоустранилось от показа жизни страны, сосредоточившись, в основном, на так называемых звёздах, мелких скандалах, пошлом юморе да вымученных сериалах.

Я уже рассказывал о том, что даже многие школьники алтайского села, в котором поныне проживает Алексей Скурлатов — прототип памятника «Алёша» в Болгарии, не знают своего знаменитого земляка.

К счастью, День Победы в России остался одним из самых любимых народом общенациональных праздников. Но разве не тема для поисковиков — узнать, участвовал ли Пётр Дробышев в Параде Победы, который проводился в Москве в июне 1945-го? Он рассказывал сыну о том, что готовился к нему, а вот проходил ли фронтовик по брусчатке Красной площади — Алексей Петрович не запомнил...

ОТСЕЧЁННЫЕ ВЕТВИ РОДОВОГО ДЕРЕВА

Спустя десятилетия с помощью поисковиков удалось установить имена воинов-земляков, сгинувших на великой войне

Летом 2009 года со мной связалась по телефону московский журналист Лариса Шашкова. Она сообщила о том, что ещё весной на территории Зубцовского района Тверской области поисковиками обнаружены несколько десятков братских захоронений советских воинов. В частности, поисковые отряды «Броня» из Саранска и «Долина» из Зубцова раскопали останки 69 погибших в боях солдат и 26 умерших в плену красноармейцев в захоронении, которое им указали жители села Зуево. У некоторых из них, в том числе и у наших земляков, оказались целы так называемые смертные медалионы. Их удалось прочесть только с помощью белорусского государственного поискового объединения «Батьковщина». В России, кстати, государство самоустранилось от этой работы, отдав её на откуп общественникам и «чёрным гробокопателям».

В Тверской области поисковики и ранее обнаруживали и с почестями осуществляли перезахоронение останков алтайских воинов.

Например, 23 августа 2002 года вечный покой на кладбище в селе Веригино обрёл Василий Борздин — уроженец села Николаевка Рубцовского (ныне Локтевского) района. Ровно через два года здесь же перезахоронили Василия Степаненко, до войны проживавшего на территории Мирненского сельсовета Родинского района. Как и санинструктора 3-й роты сформированной в Славгороде 312-й стрелковой дивизии Матрену Пономаренко, уроженку Ключевского района. Однако в краевой Книге памяти указывалось, что она похоронена в Смоленской области. Годом ранее скорбный список пополнился именем жителя Егорьевского района Григория Нутропкина. Он в числе 667 погибших военнослужащих был перезахоронен на том же воинском кладбище села Веригино.

23 августа 2009 года здесь же в торжественной обстановке нашли упокоение ещё более 600 найденных поисковиками останков. В их числе установленного по надписи в медальоне артиллериста 31-й гвардейской стрелковой дивизии Петра Фурсова из Советского (пре-

*Пётр Фурсов (в центре) среди однополчан.
Фото из семейного архива Фурсовых-Яркиных.*

жде он назывался Грязнухинским) района. В краевой Книге памяти воин считался погибшим в бою и похороненным в селе Никоново Сычёвского района Смоленской области, а был обнаружен в районе урочища Холм-Березуйский Щёколдинского сельского округа Зубцовского района Тверской (прежде территория Калининской) области.

Удалось установить, что на фронт ушли три брата Фурсовых, вернулся домой только один — Иван, позже работавший прокурором района. Сейчас в Бийске живёт его младшая 84-летняя сестра Анна Селищева. А Валентина Яркина, дочь погибшего Василия Фурсова, проживает в селе Сетовка Советского района. Она сохранила в памяти, как провожали на фронт отца

Виктор Ермолин успел прислать родным с фронта всего лишь одну фотокарточку. Фото из архива Гуревых.

Александровны: Алтайский край, город Барнаул, Бобровский Затон, Средний Остров, 32. Сверка с архивными данными дала поисковикам сведения, что его призвал на фронт Барнаульский горвоенкомат в первый же день войны, 22 июня 1941 года. Связь с воином была утеряна с 3 октября 1941 года. В Книге Памяти Алтайского края Виктор Петрович числился без вести пропавшим. Его останки были подняты у деревни Зуево Зубцовского района на территории официально неучтённого санитарного захоронения. По информации местных жителей, здесь в начале войны располагался лагерь для советских военнопленных. Можно предположить, что Виктор Ермолин попал в плен и умер или был убит в концлагере. Из 26 останков бывших военнопленных только у четверых сохранились медальоны.

В посёлке Затон мне удалось встретиться его племянницей Галиной Гуревой, дочерью Николая Ермолина, который в годы войны был «на бронне», поскольку выпускал оборонную продукцию. Она родилась в 1943 году и не могла знать дядю Витю. Но о нём ей много рассказывала её бабушка Анна Александровна — мать воина.

Их семья оказалась в Затоне в голодном 1921 году. Бежали от тифа из тогдашней Вятской губернии (впоследствии Кировская область), но страшная болезнь унесла жизнь главы семьи Петра — его похоронили в Томске,

и дядей. Хотя дядю Петю помнит смутно: он работал трактористом, подолгу жил не дома, а на полевом стане. Жениться не успел, в селе его ждала невеста. Увы, не дождалась. Некому теперь привезти прах погибшего воина на малую родину...

Благодаря расшифровке текста медальона белорусским криминалистами удалось установить и имя Виктора Ермолина, 1918 года рождения, уроженца города Барнаула. Сухие строчки медальона констатируют, что он являлся красноармейцем 65-го отдельного батальона. Удалось прочитать и адрес матери Ермолиной Анны

по дороге на Алтай. Анна Ермолина осталась одна с четырьмя сыновьями на руках, младшему из которых — Виктору, было всего два годика. Устроилась работать при школе, где ребят подкармливали учителя и соседи. Но всё же вскоре пришлось отдать двух средних сыновей в Бобровский детский дом. Старшего Васю к тому времени взяли учеником продавца, младший Витя также остался с матерью. Ранней весной мать решила попроведовать сыновей в Бобровке. Пришла в детдом, они обняли её, плачут: «Мама забери нас с собой». После горького свидания направилась в Затон, а Коля (будущий отец Галины Гуреевой), увязался за ней — босиком бежал по весенней грязи до самого дома. «Не хочу жить в детдоме. Буду в голоде жить, но в семье». На следующий день забрала Анна Александровна домой и Аркашу.

Ничего, что сладких блюд не ели, однако выжили, выросли, окрепли. До войны все сыновья успели поработать на судоремонтном заводе в ставшем родным посёлке Затон.

Недавно Василий Ипатов, односельчанин Галины Гуреевой, рассказал ей, что Виктор работал в электроцехе.

Жили братья Ермолины, пока не обзавелись жёнами и детьми и не делились, вместе с матерью, в деревянном двухэтажном доме на Среднем Острове по улице Заводозатонской, 32. Их угловая крохотная квартирка на первом этаже из двух комнат да кухни с печным отоплением и удобствами на улице вмещала всех членов семьи только благодаря устройству поластей. Отсюда Виктора и провожали на войну. Он не успел жениться до отправки на фронт — некуда было вести молодую жену. У Гуреевых сохранилась фотография, на которой рядом с ним сидит девушка, но имя её десятилетия стёрли из памяти.

В октябре 1941 года мать получила известие, что Виктор пропал без вести. Она не верила этому до последних своих дней. Хотя получала за задержавшегося в

Из этого дома, построенного в 1932 году, провожали солдата на войну.

Спустя почти семь десятилетий после кончины Виктора Ермолина, Галина Гуреева рассматривает документы своего дяди.

Галина Николаевна — уже прабабушка. И только ветви Петра Фурсова и Виктора Ермолина отсечены страшным военным маховиком. Наконец, они обрели вечный покой...

кровавом месиве войны сына крохотное пособие в десять рублей. Часто ходила к соседу Ивану Сабо, который служил в одной части с Виктором. Тот твердил, что на Калининском фронте была настоящая мясорубка. Они вместе уходили в последний бой, но Иван не видел смертного часа земляка, что давало матери надежду на то, что её сын всё равно вернётся. Когда пошли внуки (один из них, проживающий в Барнауле, носит имя дяди), Анна Александровна частенько оговаривалась, называя их именем младшего потомка. Второй воевавший её сын Аркадий возвратился домой. Однако уже после войны ему пришлось ампутировать ногу.

Нет уже на земле ни Анны Александровны, ни её сыновей. Но древо рода Ермолиных разрослось. К примеру,

ВНУК НАШЁЛ МЕСТО ГИБЕЛИ ДЕДА

Житель Барнаула после трёхлетних поисков установил точное место последнего боя своего деда, отыскал документы о его смертельном ранении и место погребения

Поездка в прошлое

Весной 2002 года ко мне обратился житель Барнаула Сергей Гришин, узнавший, что накануне я побывал в Центральном архиве Министерства обороны России в подмосковном городе Подольске. Он рассказал, что очень хотел бы узнать о судьбе своего деда, умершего от ран в 1944 году. Но в семье Гришиных, кроме извещения о смерти, никаких свидетельств не сохранилось.

К сожалению, вдова воина, проживавшая на Украине, одна поднявшая двоих детей, очень стара, и не могла помочь поиску своего внука. Её сын — отец Сергея, несколько лет назад трагически погибший на производстве, родился в первый год войны, также не помнил ушедшего на фронт отца, но многие годы носил копию похоронки в своём паспорте.

Я дал Гришину адрес и телефоны архива в Подольске, пожелал ему успеха в поиске сведений о деде. Ещё до поездки, он по телефону и по переписке выяснил, что место последнего боя и захоронения воина ныне относится не к Калининской области, как отмечалось в извещении о смерти, а к Псковской.

Маршрут поездки Сергей с женой Галиной решили начать не с архивов, а именно с посещения мест последнего боя, госпиталя и захоронения деда. Доехали с Алтая до Москвы, далее, через Псков — в Великие Луки, потом — в деревню Турово, где в походно-полевом госпитале в середине марта 1944 года скончался от ран рядовой Сергей Гришин.

Здание госпиталя — бывший помещичий дом, затем сельская школа и казарма для немецких солдат, советский госпиталь и вновь школа, которая действует поныне. Как позже выяснилось, госпиталь развернули здесь только в день ранения деда.

Здание бывшего госпиталя.

Местный житель, мать которого работала в госпитале медсестрой, отвёз Сергея и Галину на сельское кладбище. Оказалось, что солдат, умерших от ран хоронили почему-то за оградой погоста. И почему-то ночами. Может

быть, для того, чтобы скрыть от местного населения потери. Тем более что умерших еженощно сбрасывали в ров и лишь присыпали землей — по сути дела, это была братская могила.

В 60-х годах прошлого века, по словам местного жителя, захоронение вскрыли, останки воинов перевезли в открывающийся мемориал в райцентре Бежаницы. На одной из стел Сергей обнаружил имя деда. Правда, отчество воина было обозначено буквой «В», хотя в похоронке он назывался Сергеем Матвеевичем. В Бежаницком райвоенкомате так-

Мемориальный комплекс в Бежаницах.

же удалось обнаружить карточку на имя Сергея Васильевича Гришина, оформленную в госпитале, располагавшемся в Турово. А вот инициалы и адрес его жены Александры Егоровны совпадали: как в госпитальной карточке Сергея Васильевича, так и в извещении о смерти Сергея Матвеевича Гришина.

Продолжение поиска

Это была ниточка для дальнейшего поиска. Поездка в архив военно-медицинских документов подтвердила, что в госпитале, дислоцированном в населённом пункте Турово, с 10 по 16 марта 1944 года находился Сергей Васильевич Гришин.

Историю болезни военнослужащего нельзя читать без содрогания. В ночь с 9 на 10 марта военнослужащий 73-го полка 22-ой армии 2-го Прибалтийского фронта попал под массированный миномётный обстрел. Тщательно скопированные Гришиным-младшим госпитальные документы говорят о том, что ранение было очень тяжёлым: один осколок снёс часть челюсти и левое ухо, выбил все зубы, лишил воина речи и слуха, другой — проник в плечевой сустав. Причём, по документам, раненый поступил в госпиталь почему-то только через сутки после боя. Назначенное лечение — перевязки и присыпки стрептоцидом. От страшных болей в бреду, больной неоднократно срывал повязки, у него развился гнойный менингит, в итоге в 6 часов утра 16 марта из-за «падения сердечной деятельности» он скончался.

Новые несовпадения

И вновь поисковиков преследуют несовпадения. Теперь ещё и дат ранения и смерти Сергея Гришина. По разным сведениям его ранение отнесено как к 9-му, так и к 10-му марта 1944 года — именно в эту ночь он попал под миномётный обстрел. Пометки о ранении как от 9, так и от 10 марта сделаны в госпитале, причём, похоже, одной и той же рукой. Также в извещении о смерти отмечалось, что она наступила 15 марта, а в документах госпиталя, что это произошло 16 марта. Впрочем, цифра «6» написана неразборчиво, можно прочесть и как «0» часов 16 марта 1944 года.

Новый штрих внесла найденная с помощью сотрудников Центрального архива Министерства обороны России, так называемая раздаточная ведомость на выдачу денежного содержания рядовому и младшему начальству-

ГДЕ ИСКАТЬ?

142100 Московская область, г. Подольск, ул. Кирова, 74, Центральный архив Министерства обороны РФ. Тел. приёмной: 8-(495)7159033, 1379620.

191180 Санкт-Петербург, Лазаретный переулок, 2, Военно-медицинский музей. Архив военно-медицинских документов. Тел. приёмной: 8-(812)3157328, 3157291.

КАК ИСКАТЬ?

В Центральном архиве МО РФ можно найти подробные, иногда почасовые описания боевых действий воинских подразделений, которые составляли штабы, начиная от батальона и выше. Там же имеются сведения о списочной численности частей Красной армии, журналы выдачи военнослужащим довольствия, финансовые документы, карты боевых действий, которые хорошо помогают поисковикам.

В архиве военно-медицинских документов можно обнаружить подробные описания характера и обстоятельств ранений, контузий, назначения лечения, его сроки, направления на излечения, места захоронений, медицинские карты, копию похоронки.

Случаются, конечно, и отрицательные, уклончивые ответы из архивов. Порой это происходит от того, что авторы запросов неточно указывают данные о разыскиваемом: инициалы, даты рождения, призыва или мобилизации в армию, смерти, наименования и номера войсковых частей, родов войск, боевой путь части.

Обязательно необходимо указывать степень родства с разыскиваемым, нотариально подтвердив это. Хорошо, если запрос в архив направлен от имени рай-горвоенкомата или совета ветеранов войны.

ющему составу 3 стрелковой роты 73 полка 2-го Прибалтийского фронта. В ней чёрным по белому рядом с фамилией Гришина вписаны инициалы «А.М.» Иных военнослужащих-однофамильцев в этом подразделении не числилось.

Итак, на тот момент оставалось официально неподтверждённым отчество деда барнаульского поисковика. Однако оставались надежды, что более точны были всё же не спешные записи в госпитале, а те, что сделаны писарями, оформлявшими раздаточную ведомость и извещение о смерти. Предстояло уточнить и дату ранения и смерти солдата.

Солдатский рубеж

Поисковик Сергей Гришин, исследуя финансовые документы части, в которой служил его дед, проживавший с семьей до войны в деревне Полькевичи Хвостовического района Калужской (до войны — Орловской) области, случайно наткнулся на отрывные талоны денежных переводов солдат домой. Среди тех, кому предназначались переводы, значились и жители Алтайского края. Вот что известно: денежный перевод от Тюпина И.М. — Тюпину М.Е., проживавшему в с. Белово Ребрихинского района; от Нечаева И.Л. — Нечаевой К.Я., с. Соловьяха Быстроистокского (сейчас Петропавловского) района; от Якорева Г.С. — Якоревой Ф.Т., с. Ключи, ул. Советская 65, Ключевский район; от Синицына М.Ф. — Синицыной Анне Анисимовне, проживавшей в с. Луковка, Панкрушихинского района.

...Я предлагал Сергею Гришину опубликовать собранные им сведения, в надежде, что откликнутся однополчане-земляки его деда или их родственники. Но внук погибшего воина хотел всё же самостоятельно завершить поиск. Он дал согласие рассказать об окончательных итогах расследования, поскольку считал, что его опыт поможет кому-то найти сведения о своих родных и близких.

Прошло почти три года. Внук погибшего воина, наконец, завершил поиск. Он точно установил дату ранения и смерти деда, обнаружил официальные документы о том, что отчество воина — Матвеевич.

После обращения внука в специальную комиссию Бежаницкой районной администрации именно этот инициал теперь внесён на мемориальную стелу.

Также наш земляк, на основании описания боя, составленного штабом, установил точное место, где был ранен его дед. Побывал на месте сражения с подробной картой местности и схемой боя, постоял там, где его предок провёл последние минуты перед последней в своей жизни атакой.

...На просевшей земле бывшей братской могилы в деревне Турово вырос кедр. Рассказывают, что его посадили здесь сибиряки — родственники погибших. Деревце вымахало уже выше человеческого роста.

Гришины взяли гость земли с могилы деда и поставили свечку за упокой погибшего воина в Бежаницкой церкви. Оказалось, что в соседнем храме венчался Михаил Кутузов. А неподалёку, у деревни Чернушка, геройски погиб Александр Матросов, закрывший телом амбразуру вражеского дота.

*Церковь,
в которой венчался Кутузов.*

*Памятник на месте гибели
Александра Матросова.*

Так на крохотном клочке российской земли сошлись судьбы славных защитников родного Отечества — великого военачальника, Героя Советского Союза, а также до недавнего времени почти безвестного солдата, обстоятельства подвига которого установил его внук.

ПОТОМКИ МАРШАЛА

Имя Василия Чуйкова — всемирно известного военачальника — имеет отношение к Алтаю. Ведь здесь живут его потомки

О том, что из Узбекистана в Алтайский край переехали внучка, правнуки и праправнуки маршала Чуйкова я узнал летом 2000 года. Знакомый, один из руководителей треста «Стройгаз» как-то промолвился, что их организация помогает ремонтировать в Барнауле квартиру немолодой женщине, являющейся прямым потомком одного из самых известных героев Великой Отечественной, прославившегося под Сталинградом, освобождавшим от фашистов Украину и Германию.

Встретиться с Валентиной Петровной удалось не сразу. Хлопоты, связанные с ремонтом жилья, поездки к дочери и внукам, проживавшим в другом алтайском городе, недомогание — всё это откладывало нашу встречу вот уже несколько месяцев. Но главная причина крылась в её скромности и боязни того, что журналист напишет что-нибудь такое, что вызовет неудовольствие в многочисленных семьях потомков маршала. Категорически против встречи был сын Валентины Петровны. А дочь — мать троих детей, заявила, что всё в жизни делала и будет делать сама, не прикрываясь громким именем прадеда.

И всё же наша встреча с Валентиной Петровной состоялась. Увы, пришлось согласиться на ряд её условий, неприятие которых грозило тем, что она попросту откажется разговаривать с журналистом. Пришлось дать согласие не фотографировать её, а также не называть фамилию. Славную, кстати, фамилию, которую носил боевой соратник её деда, разделивший все тяготы Сталинградской битвы и погибший вскоре после неё. Да и муж Валентины Петровны, недавно умерший в Барнауле, был представителем очень известной ратной ветви.

Валентина Петровна — единственный ребёнок старшей дочери маршала, осталась без матери в полугодичном возрасте. Уже взрослой оказалась с семьей в Ташкенте, где прожила многие годы, занимаясь педагогической работой в школе и детских оздоровительных лагерях. С тех пор у неё «аллергия» на всяческие почести и помпезные мероприятия, оказываемые потомкам знатных людей. Ведь одно дело — почести самим героям, другое — их детям, внукам и правнукам, которые ничего героического не совершали, а нередко даже и знали своего славного предка.

Несмотря на то, что о командире легендарных 62-й и 8-й гвардейских армий, отстоявших Сталинград, который дошёл до Берлина, написано немало книг, внучка свидетельствует о том, как деда, родившегося в семье, в которой было 12 детей, едва не репрессировали. Василий Чуйков ещё

многие годы после войны вскакивал по ночам, вспоминая сталинградский кошмар, где даже командарм не мог позволить себе заснуть порой по нескольку дней, чтобы не попасть в плен к фашистам. Он также отстаивал перед высшим политико-военным руководством страны свою точку зрения о предстоящей берлинской операции, считая, что город надо брать осадой, а не штурмом. Возобладало иное мнение. В итоге полмиллиона советских солдат не дожили до победы всего несколько дней.

Нечаянный отклик на это событие внучка услышала в Барнауле из уст фронтовика на мемориале Славы: «Правильно говорил Чуйков! Не надо было штурмом брать Берлин!»

ГАЛЕРЕЯ СЛАВЫ

Студенты Новоалтайского художественного училища на холсте и картоне увековечили облик нескольких десятков ветеранов Великой Отечественной войны.

Инициатор создания галереи славы — преподаватель Новоалтайского художественного училища, заслуженный художник России Ильбек Хайрулинов, сын погибшего солдата. Впрочем, имя отца четверть века значилось в числе пропавших без вести. И только в 1978 году, будучи на Мамаевом кургане в Волгограде Ильбек увидел, что Сунагат Хайрулинов внесён в список погибших на этом месте.

Недаром и в творчестве Ильбека военная тема является ведущей, он автор нескольких десятков персональных выставок, участник экспозиции в музее на Поклонной горе в Москве. Там-то в 2004 году к нему и пришла мысль о создании с помощью своих воспитанников галереи славы.

Студенты художественного училища нарисовали свыше 50 портретов участников Великой Отечественной войны — в Новоалтайске, Барнауле и Калманском районе.

Мы вместе с Дарьей Мацаевой побывали в квартире одного из героев её рисунков — Николая Пятунина. Здесь её воспринимают, как внучку. Хотя у Николая Петровича и Марии Алексеевны четверо своих внуков и трое правнуков.

Николай Пятунин был командиром пехотного и разведывательного

взводов. Воевал под Ленинградом, в Прибалтике, был дважды ранен, контужен. Николай Пятунин гордится участием в героической обороне Ленинграда. Там он в прямом смысле слова проливал кровь. Поэтому город и не был сдан врагу.

День победы встретил в госпитале, развёрнутом на хуторе под Ригой. Ночью в палату вбежала взволнованная медсестра: «Ребята, война кончилась!»

После войны судьба забросила Николая Петровича на Алтай, служил в Бийске, был военкомом Первомайского и Новоалтайского военкоматов, больше четверти века трудился на Алтайском вагоностроительном заводе. Хорошо помнит, что 20-летие победы здесь праздновали 463 заводчанина-ветерана войны, а 60-летие отмечали лишь 63 из них.

Николаю Пятунину дорог рисунок Дарьи Мацаевой. По его словам, работу художника нельзя сравнивать с фотографией — в ней больше души и личного чувства. А главное — ощущается неразрывная связь поколений.

Очень ярко, эмоционально своё отношение к работе молодых художников, к роли ветеранов войн выразил и кавалер шести боевых орденов Алексей Парахневич. Он подчёркивает, что ребята в ходе общения с ветеранами лучше узнали о ратном подвиге их дедов. Ведь для участников боевых сражений важно то, что их облик сохранится в памяти новых поколений.

По словам Алексея Васильевича, ветераны войны и тыла — оплот духовности и нравственности России. Их, конечно, возмущает то, что некоторые политики, исследователи, обыватели пытаются переписать историю, принизить значение победы советского народа над фашизмом. Некоторые утверждают, что потери в войне являлись напрасными. Мол, если бы сдались фашистам, были бы богатыми, пили баварское пиво и кушали немецкие сосиски.

Ветеранов очень волнует: когда уйдет их поколение — кто будет героем дня? Олигархи, обворовавшие страну? Звёзды шоу-бизнеса, зачастую

несущие в массы низменные чувства, а не высокую российскую и мировую культуру? Писатели, режиссёры, актёры, которые порой воплощают в книгах и фильмах моральных уродов? Политики, беззастенчиво приватизировавшие власть для того, чтобы богатые стали ещё богаче, а бедные — ещё бедней?

Или всё же героями нашего времени должны стать люди, искренне болеющие за судьбу страны, делающие всё, чтобы её жителям жилось хоть чуточку лучше. И таких людей очень много, намного больше, чем тех, кого интересует лишь собственное благополучие, а не судьба страны. Первыми в ряду тех, кто противостоит бездуховности, являются люди, уничтожившие фашизм. Ветераны, принесшие победу в той войне — это самое святое, что у нас осталось.

В истории России было несколько таких побед: на Куликовом поле, в Бородинском сражении и в годы Великой Отечественной войны...

На рисунках, выполненных молодыми живописцами Новоалтайского художественного училища — именно те люди, благодаря которым и состоялась победа!

ЗЕМЛЯКИ-ТАЛЬМЕНЦЫ

Учащимся Озёрской средней школы Тальменского района Рите Мальчуговой и Ане Казанцевой вместе с учителем истории и обществознания Сергеем Макаровым удалось установить место жительства ещё двух Героев Советского Союза, которые имеют отношение к их малой родине.

Григорий Раевский родился в селе Харьково Павловского района. Но призывался в армию из Тальменского района, о чем прежде в публикациях о нём не упоминалось.

Он женился до войны на Галине Александровне — уроженке села Барсуково Тальменского района. Молодая семья проживала в этом населённом пункте. Сейчас это — глубинка, окраина района. А в ту пору жизнь бурлила в этих местах, расположенных на берегах рек Чумыш и Обь. Григорий Николаевич, судя по обнаруженным ребятами документам, работал десятником Тальменского участка лесосплава.

Григорий Раевский.

Иван Царегородцев, также проживавший в Барсукове, работавший с Григорием Раевским в одном предприятии, вспоминал, что их призывали в действующую армию из этого села. Причём, земляки попали в одну воинскую команду, воевали вместе. Это подтверждается и архивными документами Тальменского военкомата.

Юным поисковикам удалось сделать ряд существенных уточнений биографии героя. В книге «Боевая слава Алтая» упоминается, что Григорий Николаевич призывался в июне 1941 года, а на самом деле он был призван 25 июля.

Геройское звание наш земляк заслужил за переправу через Днепр. В книге «Боевая слава Алтая» говорится, что бои на днепровской переправе с его участием проходили 15-16 октября 1943 года. А указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Раевского датирован 30-м октября 1943 года. На самом деле обстоятельства были иными. Юные поисковики просмотрели газеты той поры, и обнаружили, что решение о присвоении Григорию Раевскому высшей награды родины датировано 15-м января 1944 года.

Известно, что герой погиб 2 января 1944 года. В «Книге памяти Павловского района» констатировано, что Раевский «погиб при форсировании Днепра». Это не соответствует действительности, поскольку воинская часть, в которой он числился (149-я стрелковая дивизия, 744 полк) в это время вела бои за Мозырь в Белоруссии. Где-то там и погиб наш земляк.

Жена Григория Николаевича ещё в годы войны вновь вышла замуж. Детей у неё не было. Отец героя прожил свыше ста лет, скончавшись в 70-х годах прошлого века в Харькове.

В Павловском районе героя чтут, в райцентре установлен его бюст.

В 2007 году в Барсукове, по инициативе юных поисковиков, на здании школы укрепили мемориальную доску с именем Героя Советского Союза Григория Раевского. Речь идёт об установке его бюста и в Тальменке. Также как и его коллеги Сергея Голубева.

В этой книге уже упоминалось, что он стал прототипом героя фильма «Чистое небо».

В ряде публикаций местом его рождения указывается село Абакша Первомайского района. Но этот населённый пункт никогда не входил в состав данного района.

На момент рождения будущего Героя Советского Союза (он появился на свет в 1923 году)

Абакша входила в состав Барнаульского района. Возле неё раньше была деревушка Извековка. Так вот, как сообщил Сергей Голубев несколько лет назад по телефону Сергею Макарову, он родом — из Извековки. Эту информацию подтвердил учителю Озёрской школы Валентин Подорогин, племянник героя, бывший заместитель председателя крайисполкома. А место это располагалось около нынешнего Научного городка в Индустриальном в районе Барнаула.

Отец будущего героя до переезда на Алтай был финансовым директором какого-то питерского завода. Потом взял ссуду и перевёз семью, которая позже состояла из 12 человек, в пригород Барнаула. Сергей был самым младшим из детей, некоторые его братья и сёстры были на десятилетия старше его, имели собственных детей.

В первый раз Голубевых раскулачили, как удалось установить озёрским поисковикам, в конце 1920-х годов. С этого момента начинается связь этой семьи с Тальменским районом. Сначала Голубевы перебрались в деревню Кунгурово, которая располагалась на Оби чуть выше села Речкуново, и существовала почти до конца ушедшего века. По сути дела, семья бежала из Извековки, бросив почти всё нажитое.

Голубев-старший построил свой, частный маслозавод — это ещё была эпоха НЭПа. Но через два года семью раскулачили — в этот раз по-настоящему, конфисковав всё хозяйство. Но почему-то не выслали на север Сибири. Голубевы оказались в селе Власиха под Барнаулом. Прожили там около года. Оттуда на рубеже 1934-1935 года перебрались в Озёрки.

Несколько лет назад Сергей Голубев делился с Сергеем Макаровым по

телефону сведениями о том, что в Озёрской школе был зачислен сразу во второй класс, минуя первый. Семья была образованной, отец Василий Петрович и мать Анисья Макаровна являлись грамотными людьми, и, вероятно, дети получали домашнее образование. Но и в селе Озёрки эту семью по-прежнему преследовали. Пришлось снова переезжать. На этот раз — в район станции Озёрки. Рядом с ней, километрах в пяти раньше был посёлок лесорубов. В нём проживало больше тысячи человек, которые занимались лесоразработками. Населённый пункт числился, как Первомайский, но местные жители звали его Майским. Сейчас он не существует, на его территории располагается база отдыха. Последний раз данный населённый пункт упоминался в документах в 1970 году.

Сергей Голубев.

Голубев-старший работал в бригаде, которая строила дороги. Озёрские школьники установили, что его семья прожила в посёлке Первомайский-Майский до 1948 года.

Именно в том году Сергею Васильевичу после многих мытарств вручили звезду Героя Советского Союза. Вскоре он приехал на Алтай, посетил родителей, которые опять же в 1948 году переселились в небольшой домик в Барнауле.

Отец героя умер в краевом центре в середине 50-х годов, мать скончалась позже и похоронена в Повалихе, где жила одна из её дочерей.

В наградном листе, датированном концом 1944 года, домашний адрес указан так: станция Озёрки, Первомайск (через запятую). Может быть, поэтому и пошло гулять в публикациях, что он родом из Первомайского района, который, кстати, говоря, прежде носил название Краюшкинский.

А познакомились озёрские поисковики с героем в 2004 году. Звонили ему по телефону в Москву, уточняли детали биографии. Общались с его барнаульским племянником Валентином Подорогиным.

Биография героя оказалась очень интересной. В сентябре 1940 года он окончил Барнаульский аэроклуб. Рассказывал, что о нём, как выпускнике-

отличнике сообщала газета «Сталинская смена» (ныне «Молодёжь Алтая»). Потом учился в школах военных пилотов в Омске и Кемерове, освоил ПО-2 — самолёт-биплан Поликарпова, затем скоростной бомбардировщик. В декабре 1941 попал на фронт, первый бой совершил 30 декабря 1941 года в районе озера Ильмень. Вскоре был ранен, окончил школу штурманов, снова воевал.

Впервые к званию Героя Советского Союза Сергея Голубева представили за освобождение Киева в ноябре 1943 года, но отклонили по каким-то причинам. Возможно, кто-то разузнал, в какой семье он воспитывался. Хотя именно в 1943 году его приняли в партию и дважды наградили орденом Красного Знамени.

Во время Яско-Кишинёвской операции самолёт отважного лётчика был сбит, он попал в плен, чудом бежал из него.

Снова воевал, ещё дважды, по его словам, за подвиги в декабре 1944 и январе 1945 года представлялся к званию Героя Советского Союза.

Но после войны ему припомнили пленение, осудили к лагерному сроку. Награды, включая геройские, возвратили только 1948 году.

В послевоенные годы Сергей Васильевич сделал блестящую карьеру. Командовал полком, дивизией, армией, дорос до заместителя главнокомандующего Военно-воздушными силами страны, а затем — заместителя главнокома войск Западного направления. Имел звание «Заслуженный военный лётчик СССР», учёную степень доктор философских наук, ушёл из жизни 8 ноября 2007 года.

ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Прах нашего земляка — боевого авиатора теперь покоится на сибирской земле

Федеральные СМИ неоднократно сообщали о том, что 16 апреля 2009 года в Ивангороде Ленинградской области прошла церемония передачи останков советских лётчиков. Эстония передала России останки двух авиаторов, погибших в годы Великой Отечественной войны при освобождении Нарвы. Обломки подбитого советского штурмовика и останки экипажа были обнаружены в болоте на северо-востоке Эстонии осенью 2007 года поисковиками Ида-Вирусского клуба «Поиск».

По уцелевшим документам были установлены имена пилотов. В кабине находились Владимир Лазарев и Дмитрий Ермоленко.

Сержант Дмитрий Ермоленко являлся стрелком самолёта. Он — наш земляк, родившийся в 1924 году в селе Большой Калтай Залесовского района.

Обстоятельства гибели авиатора такие: внизу на холмах, которые здесь называют Синие горы, соединения Прибалтийского фронта сражались с передовыми немецкими соединениями и эстонской дивизией СС. С воздуха наши войска поддерживала авиация.

3 августа 1944 года младший лейтенант Владимир Лазарев (1922 года рождения, уроженец деревни Сафроново Ивановской области) и наш земляк Дмитрий Ермоленко не вернулись с выполнения боевого задания. При атаке с воздуха позиции противника на территории Эстонии их штурмовик был подбит фашистскими зенитчиками.

По словам Игоря Седунова, руководитель поискового отряда, местность под Силамаяе, куда упал самолёт Ил-2, болотистая, глина и отсутствие доступа кислорода способствовали сохранению тел и документов советских воинов. Например, платок с инициалами, подаренный Дмитрию Ермоленко любимой девушкой, он носил как талисман в нагрудном кармане. Хорошо сохранились и документы. Удалось установить, что последняя запись в полётном листе датирована 12-м июля — предстоял вылет на стрельбу и бомбометание.

К счастью, красноармейская книжка одного из лётчиков не сгорела, что позволило продолжить поиск документов в военных архивах и найти родных в России. Теперь про членов экипажа советского штурмовика Ил-2 не скажешь «без вести пропавшие».

Пожелтевшие от времени и обгоревшие предметы: личная карточка, платок с инициалами, расчёска, сержантские погоны и три обгоревших червонца — теперь всё это — семейные ценности.

Личные вещи стрелка Ермоленко посол Эстонии передал племяннице лётчика Вере Ермоленко, жительнице Новосибирска. Там же живут и

родные сёстры Дмитрия Ермоленко, но пожилые женщины не смогли присутствовать на церемонии.

Вера Ермоленко расчувствовалась: «Пришла похоронка, что не вернулся из боя. Всё. Мы даже не знали, где был бой. Долгая, длинная дорога у ребят на родину, чувства такие, как будто я живого встречаю, а он всё-таки мёртвый — и радостно, и грустно».

В Залесовском районе у авиатора также имеются родственники.

Обнаружилась родня в Ивановской области и у второго погибшего члена экипажа — младшего лейтенанта Владимира Лазарева.

После необходимой процедуры — экспертизы останков, прах лётчиков был предан земле. Спустя 65 лет после гибели Дмитрий Ермоленко обрёл покой на кладбище в Новосибирске.

Ирина Яровая, координатор государственно-патриотического клуба партии «Единая Россия» при передаче останков воинов заявила: «Эстонский поисковый отряд, который нашёл наших солдат и передал современной России, родным и близким, доказывает, что народы остаются едины в своей памяти».

ПОСЛАНИЕ ИЗ 1942-ГО

В сентябре 2006 года в Новотроицкий сельский совет Тальменского района позвонил житель Барнаула Юрий Гончаров. Он поинтересовался, проживают ли в селе родственники Степана Корнеевича Лаптева, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны. Ему ответили, что Лаптевых в селе немало, однако Степановичей нет. В начале этого века ушли из жизни Владимир, Виктор и Николай Лаптевы, носившие это отчество. Но в селе проживают две их сестры, а также внуки и правнуки Степана Лаптева.

Юрий Гончаров сообщил, что располагает сведениями о месте гибели солдата, и просил передать его потомкам номер своего телефона. В тот же день ему позвонил Владимир Лаптев — внук без вести пропавшего воина, сотрудник Тальменской милиции. Юрий Гончаров передал ему, что вологодские поисковики обнаружили смертный медальон солдата, в котором отчётливо читается имя его деда.

Вкладыш в медальон

Владимир Лаптев немедленно сообщил удивительную новость многочисленным родственникам. Сообща они написали короткое письмо поисковикам, прося дополнить сведения подробностями. И вскоре в Новотроицк пришёл ответ за подписью руководителя отряда поисковиков Ивана Дьякова.

«Мы работали с 24 апреля по 10 мая 2006 года. Наш отряд — Вологодская молодежная городская общественная организация «Вологодский поисковый отряд» численностью 25 человек принимал участие в вахте памяти в Кировском районе Ленинградской области. Для отряда уже была 11-я экспедиция по местам боев Великой Отечественной войны. На этот раз мы работали в урочище Вороново и Поречье — деревень, которые с войны не существуют. Раскопки проходили практически у самой грунтовой дороги, идущей из урочища деревни Карбусель к садоводствам «Апракси-на городка».

Один из бойцов был обнаружен нами в 15 метрах от дороги, самый дальний из найденных — в двухстах метрах. По архивным данным, которыми мы располагаем, у этой дороги, где в 1941-1943 году проходила линия фронта, находилась так называемая нейтралка.

В ходе работ мы обнаружили 36 останков солдат Красной армии. У 12-ти из них были эбонитовые смертные медальоны, шесть — расколоты по неизвестным причинам, соответственно бумажные вкладыши сгнили. Четыре находились в очень плохом состоянии, их пришлось отправить на экспертизу. А два вкладыша удалось развернуть и прочитать. Первый медальон принадлежал Огневу Олегу Сергеевичу из Алтайского края, второй — вашему родственнику Лаптеву Степану Корнеевичу, тоже уроженцу Алтайского края. Найдено 28.04.2006 года Сорокиной Светланой и Филевым Дмитрием в стрелковой ячейке».

Посылки от поисковиков

Автор письма также сообщал, что захоронение останков солдат, найденных отрядами, работавшими в данном районе, состоялось 8-го мая 2006 года на мемориале деревни Малукса Кировского района Ленинградской области. Всего с воинскими почестями было захоронено 160 солдат Красной армии. В том числе и Степан Корнеевич Лаптев.

Также поисковики прислали в посылке альбом с фотографиями экспедиции и компакт-диск с записями хода раскопок и торжественного переза-

*Вещи, обнаруженные поисковиками
на месте захоронения воина.*

хоронения останков воинов. Была приложена и подробная географическая карта, на которой помечены точные места раскопок с указанием градусов и широты. И бесценное свидетельство — фотография узкого бумажного вкладыша в смертный медальон. На нём — типографские графы, рядом с которыми — пометки воина.

Вполне сносно можно прочесть: ФИО — Лаптев Степан Корнеевич; воинское звание — рядовой; год рождения — 1906 (или 1908?); республика — РСФСР; место рождения: край — Алтайский, район — хорошо читаются лишь буквы «Та» и «енский», но очень ясно видно наименование родного села солдата — Новотроицкое. Адрес семьи читается смутно. Лишь фрагменты фамилии и какого-то женского имени.

А на карте, которую прислали Лаптевым поисковики, ясно видна река Нева, в которую впадает Шлиссельбург. Ближайший к месту боевых действий водоём — река Назия. Такое же наименование носит железнодорожная станция. Неподальёку располагаются населённые пункты Апраксин, Михайловский. Места, если судить по карте — болотистые. Хотя на видеозаписи раскопок виден песчаный грунт.

А в начале мая 2007 года Иван Дьяков прислал, по просьбе Тальменского районного музея, ещё одну посылку. В ней находилось семь предметов. Среди них — ложка и перочинный нож, которые, по предположению поисковика, принадлежали Степану Лаптеву, так как были найдены в пределах его стрелковой ячейки.

Сын, родившийся после смерти отца

Когда Степан Лаптев уходил в действующую армию, в его семье было пятеро детей. Сын Николай родился, когда семья получила странный треугольник, в котором сообщалось, что рядовой Красной армии Степан Корнеевич Лаптев пропал без вести. Это была не скорбная похоронка, означавшая утерю кормильца, и не строгое письмо, заверенное военным цензором,

Фотокарточка Степана Лаптева — единственная сохранившаяся в семье его потомков.

о постыдном пленении солдата врагами. Статус без вести пропавшего предполагал и то, и другое. Но если гибель воина вместе со страшным горем, неслась его семье некоторые налоговые послабления и крохотное пособие, то пленение — репрессии в отношении его близких людей. И всё же жена и дети надеялись, что сообщение о безвестной пропаже ошибочно.

Мария — вдова Степана Лаптева ещё несколько десятилетий дожидалась запропавшего в кровавой лихманке мужа и отца её детей. Она скончалась в 2001 году, всего за шесть лет до дня, когда было обнаружено место его гибели.

Ждал отца и Николай, никогда не видевший отца, однако, по словам старшей сестры Лидии, твердивший, что «знает тятю».

А сын их брата — Владимир Владимирович, тот самый, который первым получил весточку о месте гибели деда, вспоминал, что и его родитель, умерший в 2000 году, до последнего дня всё твердил: «Вот узнать бы, где могила отца».

По семейным преданиям, в конце лета 1942 года Степан Корнеевич успел прислать только одно коротенькое письмо-записку: «Здравствуйте дети, и прощайте. Завтра — в бой».

Письмецо куда-то затерялось, вероятно, совсем недавно. Потому что все ныне живущие потомки воина, включая правнуков, не сговариваясь, твердят эти две короткие фразы. Хотя, почти наверняка солдат слал привет не только детям, но и супруге.

Больше писем от него не было. В семье сохранилось также единственная крохотная, не очень качественная фотокарточка с образом Степана Корнеевича.

А в 5-м томе краевой «Книги памяти» о Лаптеве Степане Корнеевиче сообщается следующее: «1903 года рождения, русский, призван из Новотроицкого сельсовета Тальменского района Алтайского края в Красную армию в 1941 году, красноармеец. Пропал без вести в декабре 1941 года».

Между прочим, рядом с ним упоминание о его брате — Лаптеве Фёдоре Корнеевиче, 1908 года рождения, который также пропал без вести в феврале 1942 года.

Юная исследовательница генеалогии

Правнучка погибшего в бою воина 9-классница Новотроицкой школы Оксана Лаптева рассказала мне о нём даже больше, чем его престарелые дочери.

«Мой прадед Лаптев Степан Корнеевич родился в 1906 году в селе Новотроицк. В канун призыва в действующую армию в его семье было пятеро детей.

В настоящее время его сыновей, а их было несколько, уже нет в живых. Умерли Виктор, мой дед Владимир, а также младший сын Николай, родившийся в 1942 году.

Сейчас живы три дочери Степана Корнеевича — Полина, 1927 года рождения, Лидия, рождённая в 1939 году. Они живут в селе Новотроицк. А дочь Зоя, 1928 года рождения, проживает в городе Барнаул.

В настоящее время на Алтае насчитывается 14 внуков, 27 правнуков и несколько праправнуков Степана Лаптева. Год назад, когда я начала заниматься собственной родословной, праправнуков было пятеро, а теперь уже семеро.

Многие сведения о моих предках, в том числе и о прадеде, поведала мне моя бабушка Анфиса Александровна. А оформить собранную информацию в виде реферата помогла Вера Александровна Руденко, учитель биологии и химии, заведующая музеем в Новотроицке.

В январе 2007 года я выступала с сообщением о судьбе прадеда и его потомков на краеведческой конференции. За эту работу мне вручили грамоту Тальменского районного музея».

Дороже всякой дороговизны!

Мне удалось встретиться с двумя дочерьми, внуком и правнучкой Степана Лаптева.

Его дети, как выяснилось, были сводными. Мария вышла замуж за вдовца, у которого на руках остались 3-4-трёхлетние дочки — Полина и Зоя. Из живущих ныне «совместная» — лишь Лидия, которая отца вовсе не

Слева-направо: Внук без вести погибшего солдата Владимир Лаптев, дочери Лидия Гриценко, Полина Никишина и правнучка Оксана Лаптева.

помнит. Он ушёл на фронт, когда ей было всего лишь два годика. Но Лидия и Полина утверждают, что мать никогда не делила ребятишек на своих и чужих.

Полина Степановна отчётливо помнит отца. Накануне его отправки на фронт ей исполнилось 14 лет. Отец был колхозником колхоза «Коммунар». Пас коров. По словам Полины, очень любил музыку. Но на баяне не играл, не было в его многодетном доме такого музыкального инструмента. Однако пастух не унывал, выстуговывал из деревяшек свистульки. По их звуку можно было безошибочно найти пастбище, где он находился. Степан Корнеевич очень любил, когда пели всей семьёй. Без инструментального сопровождения, а капелла, хотя слова такого колхозник сроду не слышивал. Просто пел вместе с детьми, по голосам, благо, семья была большая.

Жизнь без отца была ой, какой сложной. Без него уже не пели в семье Лаптевых, не неслись звуки свистульки с сельской околицы. Мать, как вспоминает Полина, до конца своих дней всё ждала весточки о муже. Забывалась лишь в заботах о детях, да в работе. Много трудилась: уходила рано утром, возвращалась домой тоже потемну.

Полина с начала войны тоже числилась колхозницей, хотя была ещё подростком. Работала в поле, крутила веялку на току. Ей всё же чаще, чем матери, удавалось приглядывать за младшими в семье. Недаром и сегодня младшая сестра Лида по-прежнему зовёт её няней.

Сёстры приблизились к той черте, которую сами же называют порой утрат. Хотя число потомков растёт, однако частенько приходится провозжать на погост тех, рядом с кем прожиты многие годы. Намного пережив мужа и отца, ушли из жизни его вдова и сыновья. За два года Полина, к примеру, проводила на сельский погост из своей избы четверых близких: похоронила мужа, мать, свекровку и свёкра.

Но всё же недаром Оксана высчитала, что прямых потомков безвестно, но героически погибшего воина уже более пяти десятков.

Жаль только, что съездить на место упокоения Степана Лаптева престарелые дочери уже не смогут. Нет пока никакой оказии и у его внуков-правнуков. Далеко и дорого. Но главное, что уже есть куда ехать, есть клочок земли, которому можно поклониться. И это дороже всякой дороговизны!

ПОМНИ ИМЯ СВОЁ

Увлечение коллекционированием и «наглядной историей» Николай Бурцев передаёт своему внуку Никите. Вместе они исследуют свою родословную.

Обладатели сокровищ

Николай Бурцев — человек в Алейске известный. Больше полувека собирает почтовые марки, спичечные этикетки и многое другое.

Страсть к коллекционированию всепоглощающая. Например, к славным фронтовым датам в краеведческом музее Алейска он разворачивает выставку нашивок к мундиру. Их около 500 штук. А вообще он коллекционирует всё, что военный человек прикрепляет к кителью — погоны, шевроны, значки, награды...

Николай Фёдорович считает, что настоящий коллекционер начинается с третьего поколения. Деды собирают всё и бессистемно, сыновья приводят коллекции в порядок, а только внуки могут считать себя истинными обладателями сокровищ. Что такое, например, пачка из-под сигарет? Сегодня

её выбрасывают в урну, а лет этак через сто она будет раритетом. Так обстоит дело и с почтовыми марками, этикетками, денежными купюрами, наградами, любыми материальными свидетелями эпох. Недаром же говорят, что коллекционирование начинается с мусорного ящика.

К примеру, Бурцев гордится тем, что с 4-летнего возраста начал собирать китайские почтовые марки. Сейчас эта его экспозиция достойна похвал настоящих ценителей филателии.

Сегодня он бестрепетно складывает в альбомы свежие почтовые марки. Но понимает, что они будут цениться только тогда, когда его внук Никита станет взрослым человеком. Пока же это — не более чем квадратики цветной бумаги.

Работа над родословной

Понятно, что и сына, и внука Николай Бурцев увлёл коллекционированием и исследовательской работой с малолетнего возраста. Несколько лет назад внуку Никите, ученику 4-й школы Алейска поручили составить собственную родословную. Тот обратился за помощью к деду, который не мог отказать любимцу. Но заставил Никиту Бурцева самостоятельно написать о том, что тот знает. Школьник составил генеалогическое древо.

Дальше Бурцев-младший встретился с затруднениями. Но пришёл на помощь дед, которому удалось выяснить, что их родовая фамилия, возможно, существует с 1185 года. С тех пор, когда князь Игорь пошёл войной на половцев и попал в плен в род Бурцевичей. Об этом повествуется в «Ипатьевской летописи», которая включает в себя «Повесть временных лет».

Также известно, что первая в России азбука Василия Бурцева вышла в 1633 году. В XIX веке эта фамилия упоминается уже чаще. Из наиболее известных её носителей — Владимир Львович Бурцев, публицист, редактор журнала «Былое». Его также знали, как разоблачителя провокаторов царской охранки, внедрённых в революционную среду.

«Я не собираюсь погибать»

Тема ещё одного совместного исследования также была подсказана Никите Бурцеву в школе. Ему надлежало написать реферат о Великой Отечественной войне. И дед достал заветную связку фронтовых писем. Есть среди них и треугольники, направленные родственником Ильей Дроновым с фронта жене Аграфене (Груне) в посёлок Чернышёвка Алейского района. Она являлась тёткой жены Николая Бурцева.

В письмах воин обязательно интересовался здоровьем родных и близких, просил передавать им приветы. О солдатском житье-бытье сообщал скупо, но бодро. Лишь изредка высказывал какие-нибудь просьбы или советы.

Например, 23 ноября 1941 года Илья Дронов в письме просил жену:

«...Пришлите побольше табаку, безопасную бритву, сухарей, варежки». И тут же интересовался: «Груня! Пропиши, требуют или нет с тебя уплаты тех налогов и обложений, которые были ещё при мне. Если требуют, то с расплатой обожди до моего приезда домой, так как я освобождён от всяких налогов и платежей».

В письме от 23 февраля 1942 года проскользнули ностальгические нотки: «Я очень скучаю по вам, и по всем родным и знакомым, а также по той жизни, которая была в гражданке. Хорошо будет, если придётся ещё пожить с вами вместе так, как жили прежде. А может быть случай, что и не придётся. Но мне сильно хочется ещё пожить...»

Илья Дронов понимал, что почти каждый день на войне — это риск.

22 сентября 1942 года он горько констатировал: «Вообще наша жизнь минутная. Сейчас жив, а через минуту жизнь прекратилась. Но этого бояться не следует, и думать не нужно о какой-либо смерти, а думать только о дальнейшей жизни».

Нередко в письмах с фронта солдат вспоминал мирную жизнь. В нём просыпается инстинкт земледельца, интерес к тому, «как прошла посевная, как выглядят посевы?» Давал жене советы: «Если вам придётся трудно из-за денег, то продай ве-

лосипед, костюм мой, но только себя не мори голодовкой... После войны всё восстановим, только прибыть бы домой».

Последнее послание с фронта датировано 20-м ноября 1942 года. В нём — словно предчувствие недоброго: «Я сейчас не собираюсь погибать... А думаю только о раз-

громе врага, после победы над врагом буду думать и о возвращении домой».

Такая вот совместная работа Бурцевых дала мальчишке больше, пожалуй, чем иные казённые мероприятия, посвящённые военно-патриотической тематике. Она позволила ему глубже понять будни и пафос войны.

А Николай Фёдорович использовал письма Ильи Дронова для оформления нескольких переносных стендов, посвящённых юбилею Победы. Они являются наглядным материалом во время его выступлений перед молодежью в городском музее, школах и библиотеках Алейска.

ДОМАШНИЙ МЕМОРИАЛ

Владимир Замятин, учитель истории из села Степное Родинского района сохранил награды, документы и фотографии своих дедов и прадеда — участников Великой Отечественной войны.

«Подпольная» галерея

Ему повезло: оба деда и прадед не только вернулись живыми с войны, но и кое-что успели рассказать о ней внукам-правнукам. Только у одной из бабушек на войне пропал без вести брат, да ещё один вернулся с фронта без ноги.

Интерес к сохранению памяти о предках у Владимира проснулся рано, со школьной поры. Перебирал их награды и фотографии, расспрашивал, интересовался подробностями, кое-что записывал.

Прадед Егор Матвеевич Есипов был рождён в 1896 году, на войну пошёл, когда ему было 45 лет. Он запомнился как великан, крупный, спокойный — в материнской породе многие мужчины были такими. Служил в ар-

тиллерии, но из-за того, что имел всего два класса образования, занимался транспортировкой орудий с помощью лошадей.

Дед Михаил Веселов тоже воевал немолодым, попал на фронт в 34 года. Служил в пехоте старшиной. Имел хозяйскую хватку, правду-матку говорил в глаза. На фронте как-то обошлось, а после войны «за язык» исключили из партии. В работе был неутомим, за что был награждён трудовым орденом «Знак Почёта». А боевые медали деда «За отвагу», «За взятие Вены» и «За победу над Германией» внук ещё в детстве зачем-то спрятал в подполье. Они поныне сохранно там лежат, просто давно не был в отчем доме в селе Каменка Алтайского района — надо будет достать их.

Род один — войска разные

На всю жизнь Владимир Замятин запомнил дедушкин рассказ об одном случае на войне. Дело было в самом конце мировой бойни.

Вражеский снайпер приноровился убивать молодых солдатиков. Для опытного старшины это — как гибель собственных детей. Взялся он выследить снайпера. Обманул врага тем, что был вооружён пистолетом, стрелял с левой руки, ну и, опередил снайпера на какое-то мгновенье.

Ещё один дед — Николай Замятин прошёл войну танкистом. Внук сохранил его орден Красной Звезды и боевые медали. Он запомнился ему тем, что в День победы, как выпьет, обязательно пел песню про танкиста. И почему-то плакал. Маленькому внуку было удивительно, что суровый деда Коля почему-то даже не стеснялся своих слёз. Как-то дед в порыве откровения рассказал, что так он вспоминал память однополчан, заживо сгоревших в танке.

После женитьбы Владимир Замятин занялся сбором сведений и о предках супруги. Её деды тоже, к счастью, возвратились с войны живыми.

Все награды теперь хранятся в специальных витринах под стеклом, документы и фотографии — в папках и фотоальбомах. Например, сохранились дедушкины и бабушкины медали «За освоение целинных и залежных земель». А рядом — два боевых ордена Красной Звезды и «Отечественной войны II степени», а также медали «За боевые заслуги», «За взятие Кёнингсберга», «За победу над Германией», которыми был удостоен на фронте Алексей Минько. И послевоенные — юбилейные. А также справка о ранении, фронтовые письма, фотографии, удостоверения к наградам.

Тут же хранятся сведения об ещё одном фронтовике-разведчике, отце тестя Николае Бочарове: его орденские книжки, партбилет и другие важные бумаги и документы.

Владимир Замятин запомнил их добрыми дедушками, землеробами, животноводами, врачами. Но в другой, фронтовой жизни каждый из них был ещё и артиллеристом, пехотинцем, танкистом, разведчиком, военфельдшером.

Получилось совсем неожиданно: род войск у них был разный. А род — один!

Уроки Замятина

В доме Замятина немало иных военных экспонатов. Есть, например, фронтовые фляжки и котелки, и не только военнослужащих Красной армии, но и вражеские, и союзнические. Есть штык от русской трёхлинейки. И сабля-штык, у которой отлично сохранились ножны, а ручку пришлось реставрировать. Её происхождение учитель выяснял в специальной литературе. Оказалась — с английской винтовки. Имеется и «Шмайсер», хотя правильной немецкий автомат называть МП-40. Он куплен Владимиром Сергеевичем в магазине не для забавы или игры сыновьям. Это — учебное пособие учителя истории, который ведёт данный предмет в Степновской школе уже больше десятка лет.

Экспонаты педагога-историка и директора школы Замятина активно пополняют его ученики и выпускники. Они дарят своему учителю так называемую дембельскую форму, значки и иные воинские атрибуты. Кто-то принёс шлемофон лётчика и танкиста, кто-то подарил японскую и китайскую пряжки ремня, морской кортик и другое. Поисковики, ездившие на места боев передали энтузиасту рубашку боевой гранаты.

Я наблюдал, как по-иному воспринимают школьники учебный материал о Великой Отечественной войне, ведь на уроке Замятина можно не только увидеть, но потрогать оружие, награды, рассмотреть фотографии и документы, послушать историю каждого экспоната. Также учитель истории собирает открытки, посвящённые Дню победы 9 мая. Много покупает, читает книг по военному делу. Выписывает не только периодические издания, но и книги из Москвы посылторгу.

Вместе со старшим десятилетним сыном составил генеалогическое древо своей семьи, в которой много выходцев из Тамбовской губернии. И добивается, чтобы его воспитанники также знали своих предков, их жизненный путь, традиции и обычаи.

ЭТОТ ДЕНЬ ЧЕЛОВЕК НЕ ЗАБУДЕТ ВОВЕК

Много лет я собираю опубликованные в алтайской прессе и книгах, накопленные в музеях и архивах свидетельства очевидцев того памятного дня, когда люди узнали, что, наконец, закончилась страшная война. Вот как воспринималась победа теми, кто ждал и приближал её.

Пётр Топчиев, участник Великой Отечественной войны, служил в 150-й дивизии, которая водружала Знамя победы на рейхстаг. После войны работал техником междугородной телефонной станции в Камне-на-Оби: «...Я даже расписался углем на колонне рейхстага: «Топчиев из Каменского района, пос. Курский».

Алина Россинская, Барнаул: «...Хорошо помню 9 мая 1945 года. День был ярким, солнечным. Мы тогда жили на том месте, где потом построили кинотеатр «Россия».

Играла я с девочками, вдруг вбегают отец, плачет и смеётся одновременно, и кричит: «Победа, Победа!» Схватил меня на руки, и мы побежали к заводу. Все бежали в этом направлении. На проходной стихийно собрался митинг. Составили из ящиков трибуну, вышел директор завода и долго не мог говорить от волнения. Потом сказал: «Дорогие мои, вот мы и дождались победы!»

Тамара Скворцова, Барнаул: «...В тот победный год Пасха была 6 мая, в день Георгия Победоносца. Фактически война закончилась. Несмотря на запрет, во всех домах потихоньку стряпали куличи, красили яйца. Перед Вербным воскресеньем все ходили за вербой. Она росла в районе нынешнего Дворца спорта, где раньше был песчаный пустырь...

И в нашем доме готовились к Пасхе. Приходила бабушка, пекла куличи. Мне доверяли взбивать яйцо с сахаром. Сахар для этого копили задолго. За

работу мне потом разрешили облизать тарелку. Яйца красили луковой шелухой, а затем бабушка укладывала их на тарелки с заранее пророщенной пшеницей. Было очень красиво: зелёная поляна, а вокруг золотистые «солнышки»!

День Победы был такой праздник, что забыть невозможно. По радио — это такая чёрная тарелка, наше окно в большой мир, которая никогда не выключалась, — Левитан объявил о Победе. Помню всеобщее ликование, слёзы радости и горя, ведь

почти все семьи потеряли кого-нибудь близких на этой войне. Все пошли на площадь Свободы».

3. Карачева (Упорова), бывшая работница промартели «Память Серова» в Чесноковке (Новоалтайске): «...В тот день я отпросилась на обед у старшей по цеху и побежала быстренько домой — поесть что-нибудь. Бегу по улице и вдруг слышу радостную весть: «Победа! Гитлеру — капут! Германия капитулировала!»

...До вечера в промартели никто не работал. Вокруг все были счастливые, но многие плакали — это те, у кого кто-то не вернулся с фронта.

Победа! Как люди ждали этого дня! Недосыпали, недоедали. Не щадили себя, чтобы приблизить его. И вот он пришёл — этот исторический день Победы!

На трубе ТЭС вагонзавода развивался красный флаг, закреплённый каким-то смельчаком. То вразнобой, то слитно гудели на станции паровозы. Затем подал свой громкий голос заводской гудок. Четыре года подряд он звал людей к станкам, на производственные участки. А в этот день позвал на великий праздник ПОБЕДЫ.

Улицу имени Сталина (ныне им. XXII партсъезда) заполнили принарядившиеся горожане. От избытка чувств обнимались, поздравляли друг друга, пели под гармошку песни. Конец потерям и несчастьям, конец бессонным ночам и изнурительному труду! Впереди поднималась светлая заря мирной жизни.

На митинге секретарь Чесноковского горкома партии Борис Николаевич Добрецов и директор АВЗ Василий Данилович Мишкин поздравили вагоностроителей и всех жителей города Чесноковки с долгожданной победой. Воздали честь и хвалу Красной армии, раз-

громившей коварного врага. По достоинству оценили доблестный труд работников тыла, не жалевших ничего для достижения Победы».

З. Егорова, село Покровка Мамонтовского района: *«...Хочу рассказать, как мне, семилетней девочке запомнился День Победы. В колхозах села Островного тогда в основном работали и ездили на быках, но в сельском Совете был конь. Позже я не встречала коня такой масти. Он был красно-пёстрый, какие бывают обычно коровы.*

Вижу как сейчас: председатель сельского Совета Лидия Степановна Дунькина, небольшого росточка, скакала верхом на этом коне по селу. Она сорвала с голову свой красный платок, размахивала им и кричала: «С победой!» Её огненно-рыжие волосы растрепались, по лицу ручьем текли слёзы. И народ, а это в основном были старики и дети, повалил в наш тополиный сад.

Радостное известие о победе было отправлено и на полевые станы — шла посевная, и все трудоспособные люди были там. Потом в саду на поляне состоялся митинг. Люди радовались и плакали. И с этого дня стали ждать возвращения солдат. Наша семья своего воина не дождалась, как и многие другие. Мой отец Антон Тимофеевич Бочкарев погиб в феврале 1942 года».

П. Тропынина, бывшая трактористка колхоза «XVIII партсъезд», село Плешково Зонального района: *«...Однажды трактор шёл плохо, и я решила залить бензином запалку, которая дала вспышку. Обожгла руки, лицо и не могла управлять машиной. За руль посадила прицеппика (ему было 11 лет), а сама помогала одной рукой. Это было 9 мая 1945 года.*

И вдруг увидела, как по улицам села бегут с флагами и кричат «Ура!» Подъехал председатель и крикнул: «Остановись! Победа! Война окончена»

на!» Я, как держалась за руль, так и замерла, слёзы сами собой побежали. Даже не верилось, что наши мучения кончились.

Шли с войны солдаты мимо нас, и каждый раз смахнёшь слезу, и подумаешь: «Кто-то вернётся, а кто-то и нет». Было трудно, но люди жили и работали, не падали духом».

А. Костюк, Третьяковский район: «Была я в то время секретарём комсомольской организации колхоза «Верный путь». Пришла в контору рано, чтобы собрать и передать в сельсовет ежедневную сводку о ходе посевной. Смотрю, бежит наш председатель Татьяна Никитична Панкратова, схватила меня, кружит, обнимает и сквозь слёзы говорит: «Война закончилась».

А у нас было переходящее Красное знамя райкома комсомола — колхоз часто в передовиках значился. Мы его взяли на ходок, поехали под Острую сопку, там женщины на быках пахали — Ксения Чеснокова, Валя Тарасова, Вера и Стеша Полетаевы... Бежим со знаменем, кричим радостно о нашей победе — поднялся и смех, и плач, и вой — ведь у многих на фронте родные погибли. На площади села в этот день и стихийный митинг провели, его организовала председатель сельсовета Мария Ивановна Грищенко».

Николай Каспришин, бывший портной, Барнаул: «Помню, как-то шёл я мимо 25-й школы, а навстречу мне лейтенант — молодой такой, высокий, фуражка в руках. Он, наверное, меня знал, потому что схватил меня, обнял крепко и сказал: «Война кончилась!»

Я даже не мог представить, не поверил даже. Иду на работу. Смотрю, все двери открыты, никого нет. И тут я услышал, как играет духовой оркестр. В военном городке уже играли парадные марши. Я подождал немного на углу и увидел, как выходят колонны военных. И вот на этом военном параде, посвящённом окончанию войны, я узнавал своих клиентов, мундиры, которые я пошил».

Надежда Полякова, город Камень-на-Оби — весной 1945 года, она, маленькая девочка, жила в Ташкенте: «Все обнимались, кричали, а я всё спрашивала: «А что такое «победа?» Кто кого победил?» Трудно было понять ребёнку, что произошло.

Война запомнилась горечью хины, ею лечились от малярии. А первый послевоенный год — больницей, где лежала с тяжёлой формой скарлатины. Возможно, поэтому впоследствии избрала профессию врача».

Мария Чудинова, Барнаул: *«Я утром в 6 часов встала, мама с улицы приходит, и говорит: «Девчонки, война кончилась!» И все пошли на работу, никто никого не звал, все сами пошли. Мы были на Цеховой, 29. Здесь сейчас дома большие выстроены, а тогда были строения типа барака, такая фабрика или швейная мастерская. Там уже гармошка играет, кто плачет, кто смеётся, кто что делает.*

Я пришла, у нас Маша Завьялова дежурила (дежурили тогда в исполкоме), у которой муж в армии служил. Она как со второго этажа увидела, что я поднимаюсь, так ко мне кинулась. Я говорю: «Ты меня убьёшь!»

И все поприходили, и пошли на площадь, выходим прямо на Ленинский, потом на Старый базар пошли. Раньше главной площадью в городе была площадь Свободы. С заводов все выходили на Калининский, а там — на Ленинский. И все шли, и духовой оркестр играл, и гармошки играли. Все и пели, и плясали, и ревели — всё было. По дороге все шли, и по тротуарам шли и посредине шли. Такой был праздник — всю жизнь помню!»

Алексей Митрофанович Антипов, житель Павловского района: *«Когда закончилась война, я был на Третьем Украинском фронте, озеро Балатон. Нам связисты сообщили, что конец войне, а воевали мы ещё до 11 мая. Несли раненых и плакали, война-то ведь окончилась... Земляков со мной четверо было: Дмитрий Ворсин, Николай Иванов, Семён Фролов, Павел Васильев — все лебяжинские. Теперь в живых нас, ветеранов, осталось уже совсем мало. Сколько бы лет ни прошло с той войны, а помнить всех буду».*

Ася Павловна Ельникова: *«Из всех празднований Дня Победы, конечно, тот в 1945-м, самый незабываемый. Я была в Чехословакии, г. Падебради. Когда объявили, что закончилась война, мы и плакали, и смеялись, и пели. Такое состояние ликования было — не описать. Мы бегали в зелёное поле пшеницы, что было на краю города, и падали в него... Вы только представьте наше состояние — войне конец! Вот эта радость со слезами на глазах, она в памяти на всю жизнь осталась.*

Наш госпиталь в начале войны формировался в городе Нежин, в живых теперь уже никого нет. В 1974-м году умер мой муж, фронтовик, Григорий Васильевич. Он так хотел внуков дождаться. Не довелось...»

Народный артист России Дементий Паротиков (из книги «Рубцы на сердце»): *«9 мая 1945 года рано утром мы с мамой отправились туда (в поле,*

в район старого аэропорта — А.М.) сажать картошку. Погрузив на тележку посадочный материал, ведро, лопату, мы с горы, через Барнаулку, вышли на Красноармейский проспект. Тянуть тележку было нелегко. Красноармейский тех лет утопал в песках, как и большинство улиц старого города. День начался ясный, солнечный. Едва преодолев пески, на подъёме, в районе нынешнего аграрного университета, мы остановились отдохнуть. Впереди маячил железнодорожный вокзал. И вдруг оттуда стали доноситься громкие и радостные возгласы, шум, крики... Затем из частных домов стали выбегать люди, взволнованно крича «Ура! Война кончилась!» Люди шумели, обнимались, порой пускаясь в пляс. Радость людская выплеснулась на улицу, уже где-то недалеко заиграла гармошка, уличное ликование усиливалось...

Мы стояли с мамой посреди проспекта с тележкой, не зная, что делать дальше. Мама расплакалась и, постояв минуту-другую, сказала, что сегодня мы не поедим сажать картошку, вернёмся домой. И мы, развернувшись, потянули тележку по песку обратно, к себе на гору. Да, этот день был радостный, но не для всех. Добравшись до дома, не разгружаясь, мама упала на постель и долго рыдала. Она осталась совсем одна, потеряв во время войны мужа, троих родных братьев и племянника.

Но, хоть и со слезами на глазах, День Победы был и по сей день остаётся самым светлым праздником для всех людей, переживших войну.

В театре тоже все ликовали — конец войне! Атмосфера была радостной».

Фёдор Васильевич Прищеп: «В этот святой день — День Победы — я вспоминаю всех тех, с кем вместе воевал. В партизанах хорошо знал Ковпака, Сабурова, Фёдорова... Затем, когда объединились на Первом Белорусском фронте, у меня было ранение, госпиталь, училище годичное. Потом война с Японией. На Дальнем Востоке я пробыл восемь лет. После того, как стали выводить войска, мы с одним из товарищей, Николаем Зверевым, поехали на освоение целинных и залежных земель в Рубцовск».

Пётр Яковлевич Бухов: «Самый первый праздник Победы, конечно, забываем. День Победы 1945-го я встретил дома. Отпуск десятидневный мне дали. Тогда мы бойца-инвалида домой, в Узбекистан, доставляли. На обратном пути я домой, на Алтай, заехал, как раз и Победа...

В этот день я всегда вспоминаю всех друзей, которые остались там, на фронте; Довгаль, Карюкин, много их».

СОДЕРЖАНИЕ

РАТНИКИ

Прототипы и прообразы	3
Неизбывная память	14
Калашников	23
В небе Испании	38
Отсчёт боёв — от Халхин-Гола	40
До последнего мгновенья	45
Второй дважды герой	50
Мужская доля	57
Испытание огнём	62
Живой Герой	72
Алтайский Штирлиц	76
Кавалер «Серебряной Звезды»	81
Партизан отряда Ковпака	87
«Ночная ведьма»	95
На всех фронтах	103
Родина и родные — слова однокоренные	105
На войне легко вдвойне	109
Автограф на рейхстаге	114
Приговор бойца	118
Войну нельзя нарисовать.....	123
Судьба поколения	126
Долгожданные награды	132
Кровные узы	136
Малолетний узник	141

ВДАЛИ ОТ ЛИНИИ ФРОНТА

План, который рухнул	146
Тыл по-фронтовому жил	162
Номерной завод	169
Мастера огневого обеспечения	173
«Варежкина» любовь	178
Трудовой фронт	181
Шофёрка Маня	187
Стетоскоп — от жены президента	189
Свадьба для остарбайтеров	192
Сохранённая похоронка.....	197

ПАМЯТЬ

Неубитый солдат	203
Встречи у обелисков	207
Любезные братья и сёстры	209
Кто он — Григорий или Антон?	211
По ком звонил колокол	216
Парадное крыльцо победы	220
Отсечённые ветви родового дерева	224
Внук нашёл место гибели деда	228
Потомки маршала.....	234
Галерея славы	236
Земляки-гальменцы	238
Вернулся домой	242
Послание из 42-го	244
Помни имя своё	250
Домашний мемориал	253
Этот день человек не забудет вовек	256

Анатолий МУРАВЛЁВ

Неизвестный Алтай Лихолетье войны

*Документальные очерки
о фронтовиках и тружениках тыла*

Компьютерная вёрстка А. МАРТЫНОВОЙ

Фотографии С. БАШЛЫЧЁВА, А. МУРАВЛЁВА,
Е. НАЛИМОВА, А. КАСПРИШИНА,
из семейных альбомов, фондов музеев, Интернета.

Рисунки и дизайн обложки серии «Неизвестный Алтай»
художника А. КАРПОВА.

Анатолий Муравлёв родился 24 июля 1951 года в селе Кольванское Павловского района Алтайского края. Окончил два вуза. Творческий путь начал в газете «Молодежь Алтай», работал также на краевом радио, в «Свободном курсе» и в других алтайских СМИ. С 2001 года является обозревателем газеты «Алтайская правда», пишет преимущественно очерки о людях и заметных событиях.

Сдано в набор 26.02.10 г. Подписано в печать 30.03.10 г.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ. л. 15,34. Тираж 1000 экз. Заказ 3406.

Отпечатано в ОАО ИПП «Алтай», г. Барнаул, ул. Короленко, 105, тел. 63-24-76.